

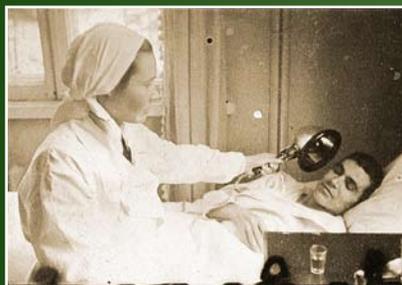
05 (659) май, 2012

ТУРИЗМ —

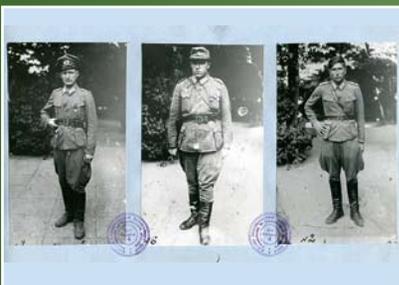
стр. 2

выгребаем сами

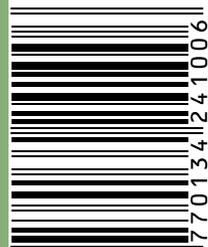
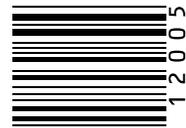
КОГДА НАЧАЛСЯ
ГОСПИТАЛЬ

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН
В ИСПОЛНЕНИЕ

СТАРИННЫЕ КОПИ
СЕВЕРНОГО УРАЛА

12005

9 1770 134 241006

май 2012

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,
Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абян.

Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки предоставлено В. Шурухиным

Редакция, издатель – общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Пращевский,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
 - Семен Спектор, заслуженный врач России,
 - Евгений Виноградский, «Снежный барс», МС МК
 - Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
 - Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
 - Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
 - Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
 - Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
 - Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
 - Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано
18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com», №5 подписан к печати 20.04.2012 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в типографии «Артес», г. Екатеринбург, ул. Ухтомская, 45 (343) 287-03-52.
Заказ №

Встречный ветер

Публицистика

Д. ДРОБ
И начнут
искать
виноватых.... 3

Природные парки

Ф. МОРОЗОВ
В поисках
счастья..... 14

Камни Урала

М. ЦЫГАНКО
Кварцевые жилы
на южном отроге
горы Золотой
Камень..... 10

Версия

В. ЯКИМЕНКО
Костер у кедра 18

Река времени

Краеведческая
копилка

Е. БИРЮКОВ
Летописец войны
из Старой Утки ...24

Знаменитости
в Екатеринбурге

И. ГЛАДКОВА
Кузнецов
про Кузнецова36

День Победы

А. ПРОТАСЕВИЧ
В Праге
и у Желтого
моря.....26

Тропой поиска

А. ЯЛОВЕНКО
Приговор приведен
в исполнение38

М. РУКАВИЧНИКОВА
«Рокада» –
дорога памяти28

В. КАРЕЛИН
Потомок тоболяка
Семена
Ремезова42

Павленковский
ресурс

Е. СТУДЕННИКОВ
Гостеприимный
госпиталь..... 32

Литературное
краеведение

П. СЕВЕРНЫЙ
Свечи
монашеского
обета 45

Журнал в журнале

И начнут искать ВИНОВАТЫХ

Продолжаем обсуждать перспективы развития въездного туризма на Урале (см. №2, 2011 г.)

А знаете ли вы, что в ближайшие годы в Екатеринбурге возникнет аквагород «Водораздел Европа-Азия»? Огромный аквапарк площадью 10 000 кв. м., банный комплекс, галерея аквариумов, фонтаны, бассейнный комплекс — будут радовать гостей и жителей города. А на Черноисточинском водохранилище (недалеко от Нижнего Тагила) появится настоящий яхт-клуб с оборудованным причалом, кафе, гостевыми домами и пристанями. По планам Областной целевой программы «Развитие туризма в Свердловской области в 2011–2016 гг.» именно такие чудеса украсят наш край. И это только часть из заявленных амбициозных проектов. Только вот финансирование большинства подобных мероприятий предлагается внебюджетное. Так что, если вы вдруг скучающий инвестор и не знаете, куда бы вложить свои миллионы, зайдите на сайт Министерства культуры и туризма Свердловской области, найдите там планы по целевой программе и выбирайте...

Даша Дроб

Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, председатель Клуба Авангардного Кино.

Было гладко на бумаге, да забыли про овраги

По официальным данным, в 2011 году к рассмотрению принимались инвестиционные проекты, но их уровень не позволяет говорить о проведении конкурса. Предприниматели и муниципалитеты предлагают к рассмотрению только идеи, которые нельзя рассматривать как инвестиционные проекты, потому что требуется их серьезная проработка и доработка. А мы уже было обрадовались яхт-клубу.

Хочется найти машину времени и слетать в 2016 год. Представьте, на месте индустриального края настоящий рай, туристский, конечно.

Согласно данным Министерства культуры и туризма Свердловской области за 2011 год, отмечено увеличение объема платных туристских услуг, оказанных населению, на 10,6% по сравнению с 2010 годом (8,5 млрд руб.). Не все так гладко — догнать 2008 год с показателем 1672,0 тыс. туристских прибытий так и не удалось. В 2011 году мы имеем цифру 1433,1 тысячи.

Нефть, газ, туризм?

Реально основная проблема развития внутреннего туризма лежит не на уровне регионов. На уровне субъекта федерации можем повлиять на нее лишь отчасти. Россия, как страна с ярко выраженной сырьевой экономикой, во всех секторах, кроме нефтяного и металлургического, менее дееспособна. По оценке Всемирной туристической организации, наша страна находится на 59 месте по реализации туристического потенциала. Вспомним, что адекватное развитие туристского сектора началось как раз сразу после кризиса. Когда поняли, что ставить только на нефть, металл, газ крайне рискованно.

Самоцветные камни: помогут ли?

Вот о чем вспоминает **Дмитрий Бугров** (президент Уральской ассоциации туризма, первый проректор УрФУ): «Объективно на уровне страны Свердловская область никогда не рассматривалась как место отдыха. С Уралом всегда ассоциировались прилагательные типа «промышленный», а никак не «туристский». В Федеральной программе развития туризма в России (1996–1999) территория страны была условно разделена на 9 зон, потенциально готовых к развитию туризма. Там же был приведен список

12 регионов, имеющих относительно развитые туристские ресурсы. Так вот, Уральский регион там вообще никак не отражен! В декабре 1999 г. Правительство России издало документ, определивший содержание нового этапа упомянутой Федеральной программы (до 2005 г.). Там наконец появился малосенький раздел по Уралу, где была указана необходимость реконструкции трех инфраструктурных объектов, расположенных под Екатеринбургом, и одного в Челябинской области. Турбазы «Солнечный камень», «Хрустальная», «Чусовская» и «Озеро Увильды» — и все! Как говорил батяня Махно: «И только!» На весь регион с его городами-миллионниками, полумиллионниками и прочими атрибутами густонаселенного и экономически важного региона России!

Такая вот исходная позиция. И это при природных красотах, яркой палитре разноцветья национальных культур, Ермаковой дружине и казаках Оренбуржья, Демидовых и Строгановых, Романовых и святом Симеоне Верхотурском, творчестве Петра Ершова и Павла Бажова, первом российском золоте, каслинском чугунном литье, златоустовской гравировке по металлу, самоцветным камням, а также при многом, очень многом другом! Трудно бороться за туристские всходы в зоне рискованного земледелия (а то и вечной мерзлоты). Очень трудно — но возможно. Разруха-то, как известно, в головах. С них и надо начинать».

Оговорочка по Марксу: что важнее — политика или экономика

Сегодня у власти в руках сильный инструмент — целевая программа. Однако объекты финансирования вызывают достаточно неоднозначную оценку со стороны экспертов. Представители екатеринбургских фирм, работающих на внутреннем туризме, говорят о необходимости развития территорий в удаленности не более 50 км от мегаполиса. Но у нас итак маленькая империя — с центром в Екатеринбурге. Т.е. отдаленные территории (Ирбит, например) обречены на саморазвитие туризма. Что утопично.

Своим мнением на развитие внутреннего туризма в Свердловской области поделился Константин Брыляков, заместитель министра по туризму в 2005–2010 гг.

до реорганизации Министерства физической культуры, спорта и туризма Свердловской области, в настоящее время директор ООО «Екатеринбургский центр гидов».

Как вы оцениваете состояние внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на сегодняшний день?

Наш регион — богатый с точки зрения развития экономики, и у нас есть достаточно неплохие туристские ресурсы. Т.е. потенциально мы имеем много объектов, которые могли бы приносить деньги как местному населению, так и в казну.

Сегодня нужно говорить о той политике, которую осуществляют региональные и муниципальные власти. Отметим, что с приходом нового губернатора туризм наконец-то получил приличное финансирование в рамках специальных программ. При этом министерство туризма отвечает за их реализацию, являясь распорядителем бюджетных средств. И основной вопрос, как эти средства тратятся. Здесь есть несколько суждений. Областная целевая программа «Развитие туризма в Свердловской области на 2011–2016 годы» формировалась в очень сжатые сроки и, к сожалению, с минимальным участием со стороны профессионалов, непосредственно занимающихся туризмом. Были привлечены некоторые эксперты, но их круг ограничивался теоретиками, т.е. людьми, которые практической сферой

бизнеса не занимаются. Само целеполагание программы было определено политиками, а не предпринимателями от туризма. Отсюда и заявленная приоритетность. Программа явно перекошена в сторону Севера региона, поставлены очень амбициозные, с моей точки зрения, невыполнимые цели по Верхотурью. Объемы финансирования объектов также диспропорциональны и направлены в сторону Верхотурья. Когда цели определяют политики, а не люди от бизнеса, сразу можно понять, что цели преследуются политические, а не экономические.

А какие политические цели преследуются?

Возобновление православных традиций на Урале и появление на карте среднего Урала всероссийского паломнического центра. Бюджетные ассигнования, которые идут из карманов налогоплательщиков, правильнее назвать субсидиями в пользу Православной церкви, которые осуществляются через государственную программу. Как мне кажется — это неправильно. Я не говорю, что Верхотурье не надо развивать. Я и сам люблю Верхотурье и Север региона и прекрасно понимаю, что в советское время этот район привели в ужасное запустение. Необходимо спросить людей, согласны ли они, что за счет их налогов Русская Православная Церковь получит восстановленный архитектурный комплекс. За бюджетные деньги туда будут организованы поездки. Основной поток в Верхотурье сегодня — это паломники и социальный туризм. Основные сдерживающие факторы: крайняя удаленность от основных центров сбыта, очень слабая привлекатель-

ность региона. Если спросить, что такое Верхотурье? Все ответят — это старинный центр православия. Туда едут либо воцерквленные люди, а они как ездили до программы, так и после нее будут ездить. Но эти люди изначально ориентированы на самый скромный бюджет и на самые скромные условия проживания: таковы традиции русского паломничества. Никто не тратит деньги на проживание, сувениры, т.е. не пополняет бюджет муниципалитета. Основной приобретатель — Русская православная церковь, остальные не получают ничего, потому что механизмы саморазвития там не заложены. Безусловно, было бы правильно Верхотурье поддерживать, но в тех долях, в которых мы финансируем остальные туристические центры.

По вашим словам отдача от Верхотурья будет минимальной. А цели программы в принципе достижимы?

Наверняка, через пару-тройку лет вскроется простой факт, что поставленные цели не достижимы, а показатели не выполнены. И начнут искать виноватых. Ведь потрачено так много денег, а результатов с точки зрения экономики нет. Можно только бесконечно вкладывать бюджетные средства, но механизмы саморазвития при этом не запускаются.

Как создать механизмы саморазвития?

Искать тех редких людей, которые готовы что-то делать в наших муниципалитетах для приема туристов. Развивать гостевые дома, центры ремесел, мини-отели, кемпинги, санаторно-курортный комплекс. Их

нужно поддерживать через продвижение услуг. Надо решать и другие проблемы: управление качеством, поддержка передовых предпринимательских проектов, систему грантов. В субъектах федерации есть опыт грантовой системы. Предприниматели получают за конкретные достижения в сфере коммерческого туризма деньги. У нас грантовой системы нет. Кроме того, необходимы дешевые кредиты, упрощенные процедуры получения землеотводов для проектов.

Какие территории области нужно развивать в туристическом плане?

Прежде всего, территории, находящиеся в непосредственной близости от городских агломераций (Екатеринбурга, Нижнего Тагила). Где понятно, как организовать транспорт и где люди могут путешествовать самостоятельно. Например, Невьянский городской округ, Сысерть, вся рекреационная зона вокруг Екатеринбурга, в пределах 50 км. Есть перспективы

по традиционному для Урала активному туризму — наши природные парки. Хотелось бы поддержать Бажовские места, Оленьи ручьи, Чусовую. Восточный вектор очень живописен — район Режа и Алапаевска.

Нам нужно ставить на туризм областной и межрегиональный или на прием иностранных граждан?

Мечтать о том, что к нам массово поедут иностранцы — глупо. Основная ставка должна быть на внутреннем и межрегиональном туризме. В вопросах приема иностранных граждан мы менее состоятельны, и проекты типа Чемпионата мира по футболу» эту ситуацию не выправят, а скорее, покажут нашу несостоятельность. Люди не поймут, почему у нас проживание в гостинице стоит в три раза больше, чем, например, в Праге.

Какие конкурентные преимущества в сфере туризма имеет

Свердловская область по сравнению со своими соседями?

Крупнейшая туристическая выставка «Лето-2012» проходит именно в Екатеринбурге, а не в каком-то другом месте. У нас очень профессиональное туристское сообщество, часть из которого ориентирована на внутренний и въездной туризм. Положительная динамика по посещению наших музеев и природных парков. Екатеринбург — очень удобный пункт для радиальных путешествий по Уралу. Достаточно высокий уровень качества отелей, хотя цены достаточно высоки. У нас есть крупнейший аэропорт.

В своем интервью в 2006 году вы говорили о необходимости создания бренда Екатеринбурга. На сегодня этот бренд создан?

Да, я считаю, что идея города на границе Европы и Азии — удачный бренд, его нужно поддерживать и дальше. Помимо этого, нужно усилить бренд Екатеринбурга как главного центра для поездок в формате выходного дня: семейный отдых, шопинг. Это новые реалии, и мы должны на них реагировать.

А кофе дорогой! или как вытащить иностранного туриста в Свердловскую область

Помечтаем все-таки об иностранцах. Турист зачастую голосует кошельком. И вот приезжает в Екатеринбург, например, чех. Заходит в кафе и видит 150–200 рублей — чашка кофе, а в Европе — 1,5 Евро (70–80) рублей. Тоже с пивом. И вряд ли качество этого кофе или пива лучше, чем в родной Чехии. Экскурсия для группы из нескольких иностранцев к местам гибели «последнего русского царя» будет стоить 6–7 тыс. рублей. С гостиницей — картина похожая. Не каждый готов потратить тысячу долларов (только за сутки) в Екатеринбургском «пятивозднике». А для инвесторов строительство экономичных отелей по сравнению с 4–5-звездочными менее выгодно. Высокие издержки, дорогие землеотводы, дорогие кредиты — нужно быстрее обеспечить возврат денежных средств, а значит, строить «пятерку».

Для гостиниц «попроще» неоднороден вопрос качества, хотя цена по-прежнему высока. Вспоминается анекдот: Объявление у стойки reservation: «Дорогие гости! Если вам что-нибудь понадобилось, смело обращайтесь ко мне, и я объясню, как без этого можно обойтись. С уважением, Управляющий отелем».

Своим мнением на проблему поделился президент информационно-туристического центра Свердловской области **Вадим Винер**.

Что мешает развитию въездного туризма в Свердловской области?

Отсутствие туристского продукта. Нужно предлагать не экскурсию, а туристский продукт. Экскурсия проводится, когда человек уже приехал в Екатеринбург. Необходимо создавать целостный комплекс услуг с трансфертом, длительным размещением, питанием, экскурсионным сопровождением. Конечно, турпродукт нужно продавать за пределами области — чтобы он смог «вытащить» туриста к нам. Существует и ряд других проблем, например, в области отсутствует классификация горнолыжных комплексов и на большинстве из них не решена проблема безопасности.

Решена ли проблема классификации гостиниц?

Классификация гостиниц и средств размещения присутствует более или менее. Большинство гости-

ниц Свердловской области вне категорий, т. е. у них вообще нет звездности. Это либо малая, либо внекатегорийная гостиница, которой и одну звезду присвоить нельзя. Отсутствие инфраструктуры на прием туристов — одна из основных проблем. Мы привезли человека в Алапаевск, Реж или другой город... из-за отсутствия нормальных средств размещения в большинстве городов области ему все время приходится возвращаться в Екатеринбург. Тут возникает новая проблема. В самом Екатеринбурге мало гостиниц эконом-класса. Для того чтобы тур имел приемлемую цену, нужно размещать туристов не в дорогих гостиницах. А у нас цены на размещение очень высоки.

Есть ли у Вас собственные проекты по продвижению нашего туризма?

Самоцветный пояс Урала — один из возможных брендов, под который должен делаться тур с нормальными технологическими документами, а также с размещением, питанием, перевозкой. В таком деле всегда необходима технологическая карта.

Одна из причин, по которым турфирмы не делают подобные проекты, — это невозможность закрепить авторские права.

Каким образом оценить эффективность мер по развитию туризма, принятых на областном уровне?

Если туристический поток не увеличивается — деньги потрачены зря. Политика ведется таким образом, что иностранные представители должны приезжать к нам и формировать тур, что неверно. Не иностранный туроператор должен создавать наш областной турпродукт. Ведь на наш рынок приходят уже с готовым турпродуктом. Почему же мы делаем по-другому?

Американцы хотят в девяностые

Некоторые туристические агентства стараются-таки угодить взыскательному иностранному туристу. На сайте туристической фирмы «AVS ФОРСАЖ+» представлены двух-, пяти-, девятидневные туры активного отдыха. Заместитель директора по туризму Счакилова Людмила Петровна рассказала, что фирма оказывает услуги полного формирования туристского пакета. Изрядно порадовали турпрограммы, предлагаемые туристам. Они формируются непосредственно под заказчика, например «Криминальные годы девяностых» для американцев. Кроме того, байкеры специально приезжают со всей Европы, чтобы посетить Ирбит и испытать байки уральским бездорожьем. Как ни парадоксально звучало, но и бездорожье при умелом использовании может привлечь туристов.

Есть к чему стремиться

6–7 апреля в Екатеринбурге проходила крупная туристская выставка «Лето 2012». Практически весь второй этаж выставочного центра «ЦМТЕ» был занят представителями организаций, занятых во внутреннем туризме. Были представлены и соседи: Пермский край, Челябинская область, Башкортостан.

Гости выставки поделились опытом. Так, с точки зрения организации событийных мероприятий, очень хорошие наработки в Пермском крае. Они создали целый бренд «Белые ночи» с комплексом мероприятий (театральные постановки, концерты, флеш-мобы и даже авиашоу), работающих на развитие туризма именно внутри Пермского края.

С точки зрения государственной поддержки санаторно-курортного комплекса, лидирует Башкортостан: большинство объектов находится в региональной собственности. Руководители региона смогли не только сохранить санаторно-курортный, но и продвинуть его на качественный

уровень. Выделим и Тюмень — главный туристический портал этой области. Он сделан по первому классу. Можно найти все: начиная от кафе и заканчивая координатами гидов. Сайт дает возможность виртуального тура по главным достопримечательностям области. И, несмотря на то, что министр Свердловской области по культуре и туризму Алексей Бадаев назвал лучшим официальным туристским сайтом среди регионов России наш областной <http://www.uralinfotour.ru/>, портал Тюменской области явно более продвинут.

Президент Уральской Ассоциации туризма Дмитрий Бугров рассказал, как он оценивает ситуацию с внутренним и въездным туризмом в Свердловской области.

На что ставить в развитии внутреннего туризма области?

Я вижу ближние перспективы не в затягивании сюда иностранцев и жителей Центра России, а в разогреве туристских потребностей жителей мегаполиса под названием Екатеринбург, формирующих платежеспособный спрос на услуги. Сумеем заинтересовать их — сумеем в итоге отстроить более или менее пристойную инфраструктуру. Нужна опора на собственные силы. Когда внутренний турпродукт будет активно потребляться населением нашего экономически относительно благополучного макрорегиона (в границах хотя бы Уральского федерального

округа), именно и только тогда создадутся условия для его продвижения вовне — в стране и за рубежом.

До кризиса 2008 г. эксперты подметили обнадеживавшую тенденцию, характерную для России в целом — активизацию потребительского поведения жителей так называемых «вторых» городов (в Свердловской области — Нижнего Тагила, а также экономически продвинутых Каменска-Уральского и Первоуральска, в перспективе — Серова). Но вторая половина 2008-го и 2009-й, к сожалению, не способствовали закреплению этой тенденции.

Каковы основные ниши потенциального потребителя местного турпродукта?

1. Маршруты выходного дня, интересные для среднего класса, который активно потребляет инвентарь, снаряжение, полиграфию, сувениры и т.д. Его представители постоянно придумывают что-то новое, какие-то увлекательные проекты. Red Line, «Бегущий город», туристические ралли Федерации автомобильного спорта Свердловской области, рыбалка, охота, событийные сюжеты («Старый новый рок», Знаменский фестиваль, фестиваль сплава «Чусовая — река родная», фестиваль народного творчества «Малахитовая шкатулка», «Майская прогулка» — особенно в ее велосипедной секции и т.д.).

2. Школьный экскурсионный туризм. Наши дети должны иметь возможность полюбить Тобольск, Верхотурье, Нижнюю Синячиху и другие объекты культурно-познавательного туризма. И с крупными городами региона тоже нужно знакомиться. Может быть, когда-нибудь география

этих экскурсий охватит и Соликамск, Чердынь, Далматово, и старые уральские заводы, и памятники природы. Тогда «культурный код», описанный в «Хребте России» выпускником УрГУ писателем Алексеем Ивановым, станет для молодого поколения своим.

3. Постконгрессное обслуживание business travel как самого важного на сегодня вида туризма в главных городах УрФО.

4. Религиозный туризм (Верхотурье, Абалак и многое другое).

Межрегиональные маршруты при грамотном их продвижении в состоянии «сшить» регион, сделать его более интересными узнаваемым. Это Тропа Ермака, Русская Голгофа, Царский поезд, подъем Ямал-ири вверх по Оби с приходом зимы и другие.

Верхотурье: к вопросу о душевном равновесии

Развитие Верхотурья сегодня является приоритетной задачей для власти. В него из разных источников планируется вложить около 7 млрд рублей. У проекта есть как противники, так и сторонники. Екатеринбургским предпринимателям, работающим в сфере въездного туризма, этот проект кажется сомнительным. Им он доходности не принесет — иностранные туристы не знают имя Симеона Верхотурского и массово в Верхотурье не рванут. А вот жители Екатеринбурга и Свердловской области с удовольствием могут отправиться туда, зная, что там найдется приличная ночевка и обед. Понятно, цифры 300 тыс. человек в год (столько должно будет принять Верхотурье после 2016 года) — явно завышены и были проведены для оправдания целей.

С другой стороны, социальная и духовная сферы — традиционно не самые прибыльные, скажу больше, окупаемые в материальном плане. Напомню, что в годы советской власти в Верхотурье действовала колония для малолетних преступников. Храмы были в разрушенном, изуродованном состоянии, их восстановление требовало многих усилий. В 1992 году, когда обитель была хоть в какой-то мере реанимирована, мощи были торжественно перенесены в Верхотурский Свято-Николаевский мужской монастырь. С тех пор Верхотурье снова стало центром притяжения паломников со всего Урала, и не только с Урала.

У Симеона Верхотурского 3 дня памяти: 25 мая (возвращение мощей церкви), 25 сентября (перенесение мощей в Свято-Николаевский мужской монастырь г. Верхотурья) и 31 декабря (день канонизации, прославления праведника). В праздник Верхотурье принимает 4–5 тыс. паломников, даже 31 декабря, когда у многих иные заботы. Есть монастырская гостиница, но она не в состоянии принять всех. Критики областной целевой программы говорят, что паломникам особенно не нужны средства размещения. Мол, зачем вкладывать в Верхотурье столько денег, если они все равно не окупятся, паломники живут скромно.

Вот как это прокомментировала Светлана Ладина, пресс-секретарь Екатеринбургской епархии:

«Есть самоотверженные паломники, которые готовы терпеть любые неудобства, и их это не будет смущать, не будет вызывать в душе ропот и недовольство. Но надо понимать, что все мы люди немощные, и с каждым годом все больше и больше привыкаем к комфорту. Это значит, что нужно создать условия и для тех людей, которые бы всей душой хотели побывать в Верхотурье, помолиться, приложиться к мощам — но их будет смущать и выводить из душевного равновесия неудобство быта. Нужно помочь еще и тем, кто мало что знает о Верхотурье, его святынях и святых и вообще православии — но хочет узнать. Необходимо позаботиться о людях, чтобы их не оттолкнула бытовая неустроенность».

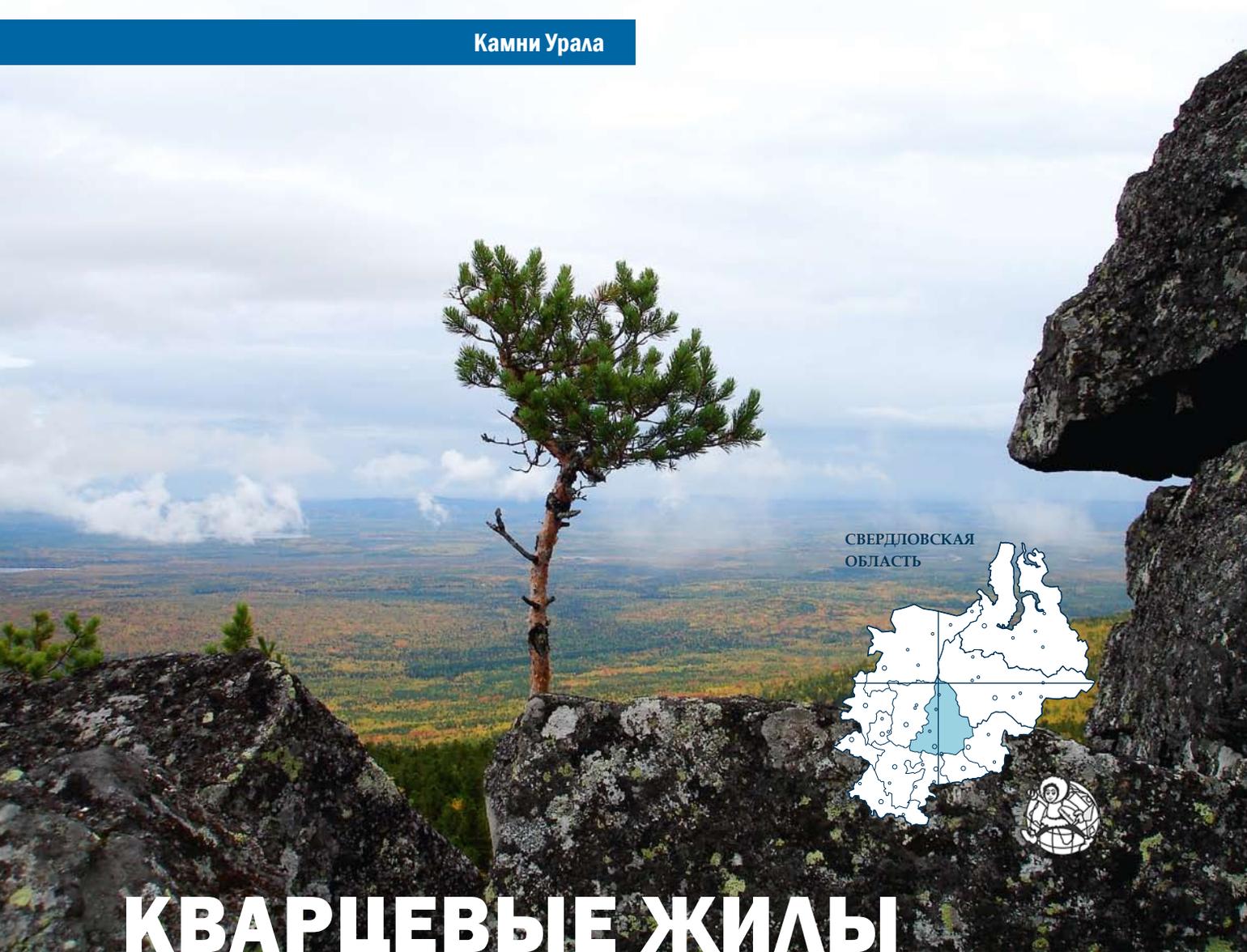
Кто виноват? Что делать?

Другой вопрос: а реализуется ли проект Верхотурье со всеми заявленными целями? На круглом столе с представителями Министерства культуры и туризма Свердловской области «Событийное лето на Урале» был задан вопрос: «Когда мы увидим в Верхотурье новую гостиницу?» Ответ был таков: «Так это 2–3 года проектирование, плюс строительство — около 2 лет». При том, что в качестве помощи бизнесменам по проекту Верхотурье правительство Свердловской области готово взять на себя комплексную подготовку инвестиционных площадок с пакетом проектной документации на инженерную инфраструктуру. За счет федеральной и областной целевых программ будущие инвесторы смогут сэкономить 2 года согласований и примерно 35% затрат на строительство. Поэтому заявленные пять лет кажутся слишком

большим сроком. Если темпы будут столь занижены, к 2016 году цели программы выполнены не будут. И начнут искать виноватых.

Обязательно, чтобы показатели типа — сумма инвестиций в основной капитал объектов туристической (гостиницы, туристско-рекреационные комплексы, горнолыжные центры, оздоровительные центры), количество вновь введенных средств размещения, количество вновь созданных рабочих мест и т.д. — были в публичном доступе. По ним можно понять: зря деньги вложены или нет. Налогоплательщикам и туристской общественности необходимо видеть результаты. Почему их нет в открытом доступе? Потому что цели не выполняются в полном объеме и в срок? Как говорят в Одессе, есть две большие разницы между показателями — число выставок, проектов, планов и количество реально обслуженных туристов на территории муниципального образования, например.

Жители Екатеринбурга и области хорошо бы отнеслись к крупному фестивалю формата пермских «Белых ночей». Представьте: концерты, шоу, ярмарки, регаты... и это в самое теплое и красивое для наших широт время — июнь, июль месяцы. Подобные мероприятия надо тщательно продумывать, организовывать и заносить в программы. Они дают реальную прибыль в бюджет, общественно востребованы, привлекают малый бизнес, открывают возможности государственно-частного партнерства — а на сегодня именно это важно для развития внутреннего туризма в нашей области. **VC**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

КВАРЦЕВЫЕ ЖИЛЫ на южном отроге горы Золотой Камень

Иллюстрации предоставлены автором

Встречный ветер

Старинные копи на горе Золотой Камень известны далеко за пределами нашего города еще со времен М.М. Походяшина. Первое, довольно подробное описание кварцевых жил на юго-восточном склоне Золотого принадлежит крупному ученому XVIII века, естествоиспытателю, географу, геологу и путешественнику П.С. Палласу, посетившему наши края в июле 1770 года: «Признаки руд и копи находятся ниже середины горы на восточной стороне: но, по-видимому, по крайней мере саженей 100 выше горизонта. Копани вырыты не глубже 2-х сажен. Во-первых, показывается серой, песчаной, струистой и ноздреватой горород, содержащий множество многосторонних черных

либо несколько красноватых железных гранатов, ради коих здесь собственно и рыть начали, считая оные первее прежде признаками золотых, а после оловянных руд. Между сим инде красным илом пересыпанным горородом лежат разброшенные кварцы и желваки отчасти перпендикулярно, а отчасти горизонтально и в различном положении; под коими сыскивались изрядные водопрозрачные топасы или горовые кристаллы. Попадаются между оными водяной кис, несколько медозелени, и прозрачной но нечис-той зеленой шорл... Сказывают, что на южной стороне есть и другая копань, где сыскивают железные гранаты и изрядные кварцовые желваки. Более всего

Михаил Цыганко

работали прошлой осени; однако руд здесь ненадежно, потому что кажется, что гора состоит собственно из дикаго мягкого камня и не уподобляется рудяной горе».

В течение 6 лет (1894–1899 гг.) в Богословском горном округе проводились исследовательские работы под руководством Е.С. Федорова. Позже к нему присоединился В.В. Никитин. Результатом их работы стал труд «Богословский горный округ...» Спустя некоторое время Е.С. Федоров стал известнейшим ученым, академиком (труды по кристаллографии, минералогии, геологии). Федоров и Никитин сочли необходимым посетить старинные разработки на горе Золотой Камень и дали полное описание минералогии и геоморфологии месторождения: «На юго-западе от Колонгского железного рудника при подъеме на гору Золотой Камень на значительной высоте видны обнажения мощной поло-

го падающей жилы авгито-гранатовых пород. Вероятно, простираение жилы то же, какое свойственно большей части их, т.е. близко к меридианальному; обнажение, находящееся на крутом откосе Золотого Камня, прорезает жилу почти вкрест простираению. И висячем, и в лежащем боку жилы залегает габбро. При первом же взгляде поражает обилие в жильной толще кварца, особенно близ висячего бока. Распределение его в массе породы чрезвычайно близко напоминает

▲ Эпидот в кварце

▲ Кристаллы эпидота

▲ Эпидот в кварце

распределение колчеданов в авгито-гранатовых породах медных рудников. Признаки медных руд наблюдаются также, но в незначительных количествах. Присматриваясь ближе к условиям, в которых находится обнажение, мы видим, что нельзя и ожидать найти здесь сколько-нибудь заметных количеств медных руд: ни первичных, ни даже вторичных. Действительно, мы видим, что, благодаря крутизне склона, он на всем протяжении почти свободен от наносов. Толща боковых пород — габбро отличается чрезвычайной трещиноватостью, пористостью, проницаемостью

для воздуха и для воды. В таких условиях понятно, что на значительную глубину руды должны быть выщелочены начисто; за неимением наносов, негде было отложиться и вторичным рудам. На месте выщелоченных колчеданов в изобилии отложился кварц,

недостатка в котором не могло быть в водах, просачивавшихся из толщ силикатовых пород. Но на этом основании выходы гранатовых пород под Золотым Камнем представляются очень благонадежными для постановки разведочных работ. По характеру обнажения наиболее подходящим нужно считать проход разведочной штольни в какой-нибудь мощной части жилы. Достаточно, вероятно, будет сажень 30 ухода штольни, чтобы кварц в значительной мере уступил свое место колчедану. Отсутствие надобности в водоотливе, подъеме руды и т.п. делает перспективу работ на Золотом Камне особенно заманчивой».

Копи на южном склоне отрога горы Золотой Камень — это типичное для нашего района скарновое проявление, хотя и подвергшееся значительным изменениям. В описании Палласа сразу же бросаются в глаза два минерала, вообще не свойственные для Северного Урала: шерл (турмалин) и топаз. Дело в том, что в те времена минералогия находилась на очень ранней стадии развития и ученые знали лишь несколько десятков минералов. Мы можем полностью доверять работе Е.С. Федорова, где ученый весьма точно описал практически все минералы этих копей.

Итак, «зеленый шерль» Палласа — ни что иное, как эпидот, весьма характерный (иногда и породообразующий) скарновый минерал. Найти этот минерал на горе не составляет труда и в наше время. Как правило, кристаллы его разбиты трещинами, рассыпаются. Лучшие штUFFы связаны с молочным кварцем, заключающим в себе кристаллы эпидота. Очень редко можно найти прозрачные кристаллы и даже друзы горного хрусталя, содержащие внутри себя эпидот. Но наибольший интерес представляют почти черные, полупрозрачные кристаллы

▼ Эпидот в кварце

▼ Эпидот в горном хрустале

▲ Ферроактинолит в кварце
▼ Кристаллы пренита на горном хрустале

пушкинита — благородной разновидности эпидота, обладающей сильным плеохроизмом — способностью изменять окраску в зависимости от угла поворота кристалла к источнику света. Кристаллы эти чрезвычайно редки: за несколько лет работы на коях было найдено только три экземпляра.

▼ Школьники на каменном промысле

▲ Горный хрусталь

Включения в кварце образует здесь также минерал из группы амфиболов — **ферроактинолит**. Кристаллы ферроактинолита хотя зачастую и достигают в длину 2–3 см, очень тонкие, нередко настолько, что незаметны невооруженным глазом; при интенсивном заполнении кристаллов кварца окрашивают их (а чаще одну из граней) в густой зеленый цвет.

«**Водопрозрачный топас**» — это банальный **горный хрусталь**, т. е. кварц. Вообще, минерал топаз встречается в грейзеновых или пегматитовых жилах, которые на Северном Урале найти сложно.

Кварц действительно, встречается здесь в больших количествах. В отвалах при первом же посещении легко можно найти небольшие кристаллики горного хрусталя. Большие кристаллы и друзы выбирались нашими предками довольно тщательно.

Также не редкость здесь и **гранат** — породообразующий скарновый минерал. Как известно, гранат — собирательное название многочисленной группы минералов, имеющих практически одинаковые свойства и структурную формулу, но различных по набору содержащихся в них металлов. Наш гранат является **андрадитом**, имеет бурый или темно-красный (от розового) цвет. Кристаллы с хорошо выраженными гранями редки, но все же при тщательном поиске

▲ Кварц

можно найти кристаллы величиной до 3–4 сантиметров с идеальной огранкой и сильным блеском. Отпечатки разрушенных кристаллов граната в жильном кварце дают повод считать, что можно отыскать кристаллы граната величиной до 10 см.

Кроме того, нередко на кристаллах кварца нарастают небольшие кристаллики **пирита**, замещенного впоследствии **лимонитом**.

Как редкость, можно обнаружить здесь минерал **пренит**, также нарастающий на грани кристаллов кварца. Возможно, этот минерал был определен Е. С. Федоровым как антофиллит, поскольку описание последнего весьма сходно с обнаруженными нами образцами пренита, диагностированного современными методами.

В этих же коях встречаются ромбоэдрические кристаллы и друзы **кальцита** (в сростании с кварцем).

Убогая медная минерализация представлена **халькопиритом** и **вторичным малахитом**.

Вмещающие горные породы массива Кумба — Золотой Камень содержат такие минералы, как **магнетит**, ильменит. У его подножия еще в 1768 году обнаружено самородное золото.

Ребята из геологического кружка «Золотой Камень» обнаружили здесь **мушкетовит**. Это псевдоморфоза **магнетита по гематиту**, довольно характерная для скарных месторождений. Кристаллы имеют пластинчатое строение, характерное для гематита (железного блеска), но обладают значительной магнитностью.

В ноябре 2009 года удалось отыскать считавшуюся полностью обрушенной старинную штольню. Длина сохранившейся ее части не превышает десяти метров. Видимо, это та самая штольня, о необходимости проходки которой говорил Е. С. Федоров. Проходка ее не оправдала надежд ученого: кварцевая жила с углублением в массив распалась на несколько более мелких, которые через 2–3 метра выклинились. Выработка, в отличие от остальных разработок, проходила буровзрывным способом. В штольне сохранились остатки деревянной крепи. В это же время совершена еще одна, не менее важная находка: в старинном отвале времен работ рудоприскателей М. М. Походяшина был обнаружен четырехгранный кованный забивной лом для разборки кварцевой жилы.

Поход на старинные копи не представляет особых трудностей. К последним можно отнести лишь определенные проблемы по поиску воды для питья и промывки минералов в лет-

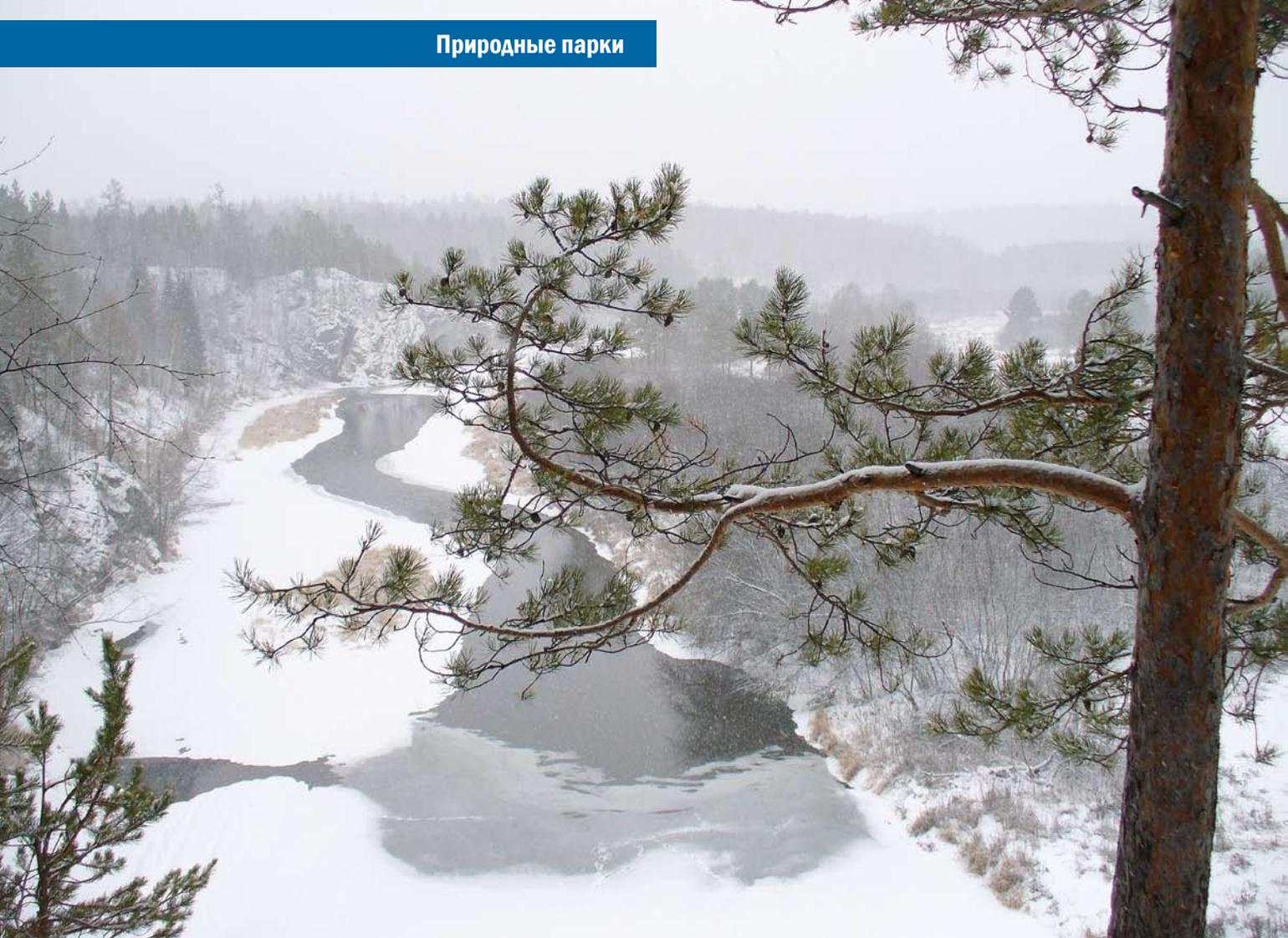
Замещение пирита лимонитом на гранях кристалла кварца ►

▼ Андрадит

нее время, а также прохождение небольшого участка пути со значительной крутизной склона. Воду при обязательном соблюдении всех необходимых мер предосторожности можно взять в старых шурфах в 300 м выше по склону. Шурфы эти также были пробиты по настоянию Е. С. Федорова в поисках рудной жилы. На месте разработок силами геологической секции «Золотой Камень» отсыпана площадка для установки палаток, оборудовано место отдыха, установлены скамейки и столик. Школьники своими руками изготовили, подняли на гору и установили мраморную мемориальную доску, на которой указано, какие минералы находятся в этих коях и какие исследователи посетили эту копь. **УС**

В поисках счастья

Фотографии Н. Калинкина

- Я опять хочу в Париж!
- А вы там были?!
- Нет, но очень хотела!

Что самое интересное: удивительное — рядом.

Где я побывал? Что это было такое? Меня снова неукротимо влечет туда. У меня такое ощущение, что я влюбился, что я наполнился до краев чем-то прекрасным.

Был ли это рай, первозданный Эдем, или просто девственное, нетронутое место.

Я оказался в благодатном, священном месте-заповеднике.

Урал — опорный край Державы — это знают все. Но есть Урал Бажова и Мамина-Сибиряка, которые воспели этот суровый, но по-своему уникальный край. И есть твой, когда ты захочешь поближе познакомиться поближе с седым стариком-Уралом.

«Милые зеленые горы! Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы, мне начинает казаться, что и небо там выше и ясней, и люди там такие добрые, и сам я делаюсь лучше».

В сердце Урала расположился Природный парк «Оленьи ручьи».

И в один прекрасный момент я оказался там вместе со своей семьей.

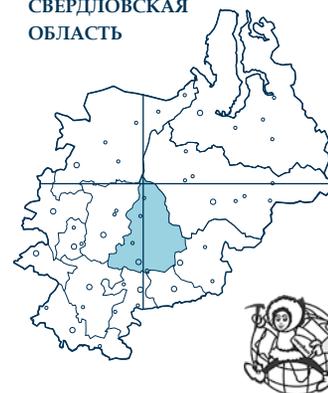
Как легко дышится, как светло и вокруг, и на душе, как хочется петь и шалить.

Мы отправились из Бажукова по тропе среди огромных великанов сосен и лиственниц к скале «Утопленник». Как приятно очутиться один на один с Природой, которая дарит умиротворение и душевное равновесие.

Федор Морозов

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Вот мы подошли вплотную к отвесной скале, с которой открывался дивный вид на излучину реки и долину. Сердце пело и танцевало от счастья. И даже самый суровый мужчина, наверное, ощущал желание запрыгать от восторга. Ведь душа — вечная авантюристка и путешественница, сколько всего она увидела и испытала за вечность!? И по удивленным глазам окружающих я понял, что они жадно припали губами к чаше амриты.

Наверное, в незапамятные времена небожители создали этот оазис для того, чтобы приникнуть к студеному ручью или насладиться вкусом и запахом лесной земляники. А потом космополиты решили облюбовать для себя эту маленькую, но такую уютную планету. Кто хоть однажды ощутил целительный запах хвои жарким июльским днем, или пение кукушки, всегда будет чувствовать ностальгию. Так Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом.

И, приехав в эту благословенную землю, чувствуешь, что нечто важное просыпается в сердце, словно какая-то песня или сила тормозит тебя, напоминая что-то важное о тебе и всем мире.

Я шел и пьянел от нежного запаха трав и сосен. Воздух был напоен самыми изысканными ароматами.

И настроив себя быть здесь и сейчас — обретаешь полноту жизни, видишь несовершенное совершенство жизни, начинаешь улавливать симфонию существования. Ты словно первый человек — Адам, все видишь будто впервые. И тогда все — тайна, все — чудо.

Момент превращается в вечность, а вечность кажется секундой.

Ты просто оказываешься в другом измерении, где есть только любовь, единство и радость.

Просто быть, просто шлепать босыми ногами по травке, просто улыбаться, просто грустить, просто любить, просто хранить безмолвие.

Мудрец хранит молчание, чтобы не расплескать полный кувшин бытия.

Мы осторожно идем вдоль реки Серга, любуясь ее неторопливым течением и нависающими над нами скалами, увитыми мхом и лишайником.

Ты весь становишься слухом, осязанием, обонянием — ты просто сливаешься с истиной твоей было уже смертельно уставшей души. И тут она вдруг сбрасывает оцепенение и сливается с истиной леса и гор, трав и кустов. Сила единства приносит ощущение сопричастности ко всей земле, всей галактике, всей

вселенной, всей бесконечности. Ты словно флейта на устах Всевышнего, и он наигрывает свою утонченно-изысканную мелодию. Ты растворяешься в блаженстве, в нирване, в экстазе. Пусть только на миг, но он содержит все книги, которые были, есть и будут. Ибо есть только живая истина без начала и конца, которая живет в глубине нашего существа. И недаром говорят: нутром чую.

*Растаять, превратившись,
став ничем,
Но в то же время птицей,
ветром в поле.
Что может быть приятней,
чем слиянье с тем,
В ком силы наши
и по чьей все воле?*

И мне приходилось возвращаться в свое маленькое, отдельное тело. Приходилось напоминать себе, что у Творца нет рук, кроме человеческих. Что просветление ради просветления — это сродни искусству ради искусства. Важно сделать что-то хорошее, доброе, необычное своими

руками. Ведь ты настолько наполнился здесь здоровьем и светом, что тебе хочется стать душевно богаче и бесстрашнее, принимая деятельное участие в этом «безумном» и невероятном проекте, который зовется Жизнь.

Мы подходим к «Ангелу», который простер свои золотисто-белоснежные крылья над долиной, словно благословляя всех паломников, в поисках красоты и... себя.

А вот мы приближаемся к звенящему водопаду, вокруг которого странные, изогнутые и согбенные старики-деревья, словно стража, сторожит чистейший ручей, бегущий в свое удовольствие, между корнями-анакондами, куда-то вглубь..

Мы идем по заливному лугу. Сверху улыбается солнце, смеется легкий ветерок, птицы щебечут и поют, пестрые бабочки осеняют нас своими нежными крыльшками, словно воздушный поцелуй.

Вспоминаются строки:

*Несказанное, синее, нежное.
Тих мой край после бурь,
после гроз.*

*А душа моя поле безбрежное
Дышит запахом меда и роз.*

Я загадываю желание, и разноцветная бабочка почти садится мне на ладонь. И я молитвенно шепчу: «Спасибо, Создатель, ты показал мне Ад, но сейчас привел в страну грез. Я чувствую твою невидимую длань. И я знаю, что ты всегда со мной. И все будет хорошо».

И вдруг за поворотом мы видим нечто..

Вау, о ла-ла, здорово — бессильны передать наше удивление, сменившееся на благоговение. Это венерин башмачок, эндемичное растение, внесенное в Красную книгу, из семейства орхидей.

Цветок, будто фотомодель, позирует нам, и мы рассматриваем его со всех сторон, застыв от восхищения, не смея пошевелиться, словно боясь спугнуть это видение.

Я смотрю на него как на невидаль, диковинное существо. И он вглядывается в меня. Я для него пришелец из другого параллельного мира. И эта неожиданная встреча глаза в глаза на-

поминает мне что-то важное: человек, присвоив себе корону царя природы, в ответе за своих подданных, особенно за тех, кого приручил.

Нет маленького или большого самого по себе, все, словно причудливая мозаика, дополняет и обогащает друг друга, создавая целостный шедевр бытия.

И Богоматерь простирает свой омофор над нами. В сердце столько тепла, что я говорю: «Пусть миру будет хорошо!».

И, действительно, поток светлой энергии, будто волна, накрывает нас с головой. Я ощущаю, что наша маленькая планета будет жить. И мы, ее дети, осознаем, насколько она хрупка и невинна. Мы можем ее спасти, сохранить, сберечь, а значит, спасти себя.

Только понять, как все это драгоценно — леса и поля, птицы и звери. Все это создано для радости и покоя.

Да будет мир и любовь с нами!

Я понимаю, что живописал все несколько восторженно и пафосно, но я так прочувствовал и пережил это откровение.

В свое время художник Крамской и другие его маститые собратья были под столь сильным впечатлением от картин Куинджи, полных света, что предвидя недолговечность красок, они составили специальный протокол, что, действительно мастерство Куинджи просто потрясающе. Пусть потомки знают, что мы отдавали себе отчет... ввиду невероятности этого явления.

И в свою очередь я понимаю, что то, что я увидел воочию, просто одно из чудес природы. Но Демиург никогда не повторяется, у него всегда драгоценный подлинник.

А еще сколько всего интересного нас ждет: скала «Карстовый мост», скала «Филаретов камень», скала «Священник», скала «Дыроватый камень», скала «Лягушка», пещера «Большой провал». И много-много веселых шагов и светлых улыбок. И море моментов, приносящих несказанное удовольствие.

Отправимся на поиски сокровища! И когда зажжется свет в душе, мы припадем к сырой земле и попросим прощения и поблагодарим за все. И найдем нетленное сокровище духа, яркий праздник жизни здесь и сейчас: это и многоцветный взрыв красок осенью, бархат зеленого луга весной, белоснежное подвенечное платье зимы, прохлада и тишина летней лунной ночи.

И невозможное будет возможным. Сказка обретет корни в земле, и мы обречем себя.

Как чудесно, что есть такая красота и мы еще живы! **УС**

◀ Кострище у кедр. За бревном только что обнаруженные тела Ю. Кривонищенко и Ю. Дорошенко. У ближнего торца бревна посторонняя бутылка

Костер у кедр

Все фотографии из архива Фонда «Памяти группы Дятлова»

1 февраля 1959 года на Северном Урале у горы Холатчахль при таинственных обстоятельствах погибла группа туристов УПИ под руководством Игоря Дятлова. Многие годы исследователи пытаются понять причины этой трагедии, выдвигают новые версии событий у палатки. А вот события у кедр рассматриваются редко, скорее всего из-за кажущейся второстепенности их. Но события у кедр полны загадок и требуют не менее пристального расследования. Участник поисковых работ 1959 г. В.Г.Якименко предлагает свой взгляд на события у кедр.

Ключевой вопрос — чье кострище поисковики нашли под кедром. Кажется бы, парадоксальный вопрос.

С 1959 г. мы считали, что дятловцы, покинув палатку, вышли к кедр, разожгли костер, поддерживали его, обламывая сучья кедр, нашли овраг, где была защита от ветра, переместили туда раненых, Зина, Рустем и Игорь попытались пробраться к палатке, принести медикаменты, теплую одежду, топор, пилу, но не смогли — свирепый ветер и мороз остановили их. Дорошенко и Кривонищенко остались у костра, сигнального костра, чтоб ушедшие могли найти путь обратно. Колеватов в овраге нашел подходящий сугроб, вырыл пещеру, выстлал дно срезанными пихточками. В какой-то момент поднялся к кедр, увидел замерзших товарищей, срезал с них одежду, частично использовал ее для утепления раненых, остальное постелил на настил. Эту версию повторили Е. В. Буянов и С. Н. Согрин (Журнал «Уральский следопыт» за январь 2009 г. и за ноябрь, декабрь 2010 г.).

Однако не все в этой картине было ясно.

- как измученной полураздетой группе, к тому же отягченной ранеными товарищами, удалось проделать у кедр огромную работу (возможность такой работы вызвала сомнение у опытных туристов-поисковиков),
- обнаруженные в кострище перегоревшие толстые сучья кедр говорили о большом костре, к тому же, горевшем долго, но (по воспоминаниям туриста-поисковика Сергея Согрина) было ощущение, что дятловский костер был слабым, что эти толстые сучья не горели, а были только обожжены,
- найден настил, постелены вещи для 4 человек, а люди найдены не на настиле, а в стороне, в 10 метрах от настила,

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Валентин Якименко

Родился в 1940 г. Выпускник энергофака УПИ 1962 г.

Профессиональная деятельность — начальник КБ проектов и расчетов СКБ НПО «Уралэлектротражмаш». Автор более 20 изобретений. Почетный изобретатель НПО «Уралэлектротражмаш».

Туризм — участник, руководитель ряда походов по Уралу. Председатель секции туризма УПИ в 1959–1960 гг.

- у людей выявлены тяжелейшие необъяснимые травмы, каких не было у ранее найденных,
- ветки настила толсты, их едва ли можно одним махом срезать ножом, более того, в одной из радиোগрамм руководителя поисковых работ Г.С. Артюкова сказано, что настил из «рубленого ельника»
- посторонние вещи, найденные вблизи кедра.

Вот почему эти неясности, а также тяжелейшие травмы ребят стали питательной почвой для многочисленных фантазийных криминальных версий (нападение бандитов, встреча и ссора с браконьерами, уничтожение их группой спецназа как свидетелей каких-то испытаний, диверсия иностранной разведки и т.д.).

Читая вновь дятловские дневники, рассматривая фотографии их похода, изучая теперь уже доступные материалы следствия, я пришел к выводу, что костер дятловцы разожгли на кострище, оставленном охотником манси за две недели до прихода сюда дятловцев.

▼ Охотники манси — участники поисковых работ

▲ Лабаз — сооружение для временного хранения добычи охотников

Судите сами.

Из дневниковых записей:

- *шли по мансийской тропе (фото мансийская тропа) по санному следу оленьей упряжки (29 января)*
- *прошли стоянку охотника (30 января)*
- *дальше шли по лыжному следу охотника (30–31 января)*
- *видели лабаз охотника (30 января)*
- *видели неоднократно затесы на деревьях с таинственными знаками (30–31 января)*

Из материалов следствия:

«В одном километре от первой стоянки туристов мы видели стоянку манси, где они пасли оленей, но это было позднее времени гибели туристов, т.к. у них были свежие следы, а стоянка туристов имела старый вид».

Частое посещение этих мест охотниками, затесы со знаками говорят о том, что эти места есть охотничьи уголья. Затесы на деревьях с начертанными знаками — информация о результатах охоты и своеобразный знак маркировки промысловой территории конкретной семьи охотников.

Если принять это во внимание, то место у кедра — место, знакомое охотникам, более того, любимое охотниками для отдыха и ночевки:

- *заметное место, кедр виден издалека,*
- *лыжный след охотника постепенно уходит вправо от Ауспии,*

• *удобное место, рядом ручей с оврагом, где летом и зимой вода,*

• *в овраге зимой можно укрыться от ветра и мороза,*

• *сучья кедр и засохшие ветви — хорошее, сухое и доступное, особенно зимой, топливо (забросив на конец сухой ветви аркан и повиснув на нем, не сложно обломить ее).*

Еще важное свидетельство от Сергея Баталова — в феврале 2009 г. он руководил группой туристов УПИ, совершившей поход на гору Отортен и перевал Дятлова (годовщину 50-летия их гибели). К реке Ауспии от поселка Ушма их на снегоходе подвозил охотник-манси Савва Анямов. Савва рассказал: «Возле того самого кедр под перевалом Дятлова проходит звериная тропа. По ней дикие олени и косули мигрируют с западных склонов Уральского хребта на восточный склон. В этом месте вблизи кедр охотники устраивают засаду на них».

И тогда есть основания считать, что кострище возле кедр с толстыми перегоревшими сучьями есть остатки костра охотника, и ветки, из которых сделан настил в овраге, нарубил топором охотник.

Теперь становятся объяснимыми прежде непонятные моменты этой трагедии:

Охотник

Из дневниковых записей дятловцев:

▲ Тот самый кедр

поднимается к отрогу горы (31 января)

- *на границе леса, в редколесье, где снег уплотнен в наст, а рыхлый снег полностью сметен, след совсем потерян.*

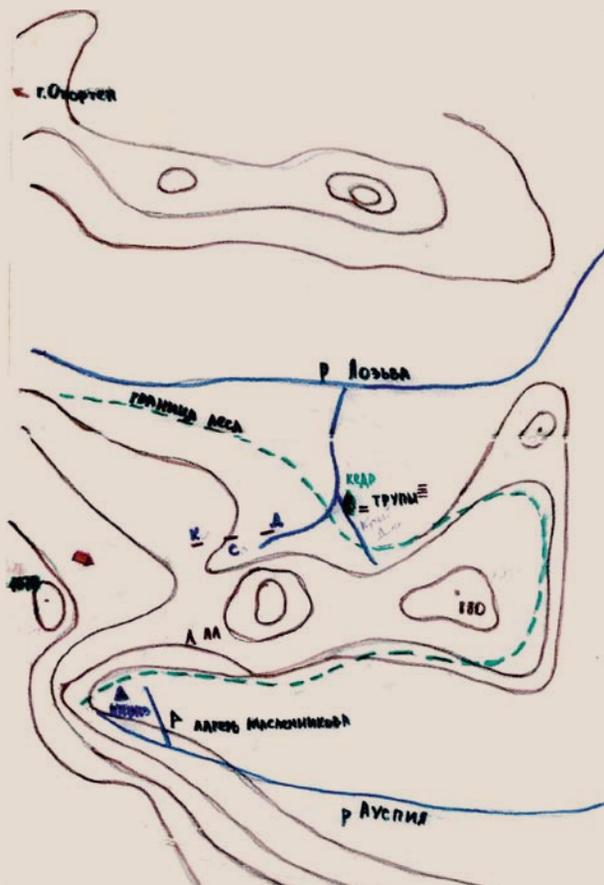
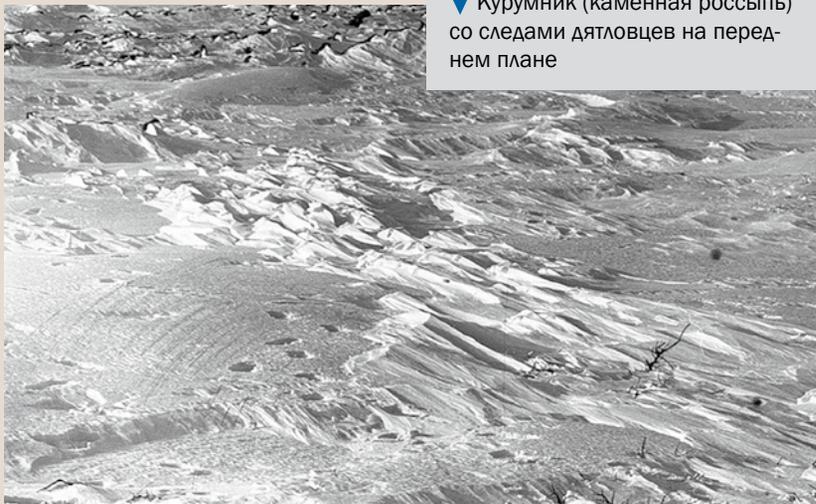
От этого места дятловцы ушли влево, на юго-запад в долину Ауспии, там в лесу переночевали.

А охотник? От границы леса, где потерялся его след, он, естественно, продолжал путь в том же направлении, практически на север, пересек

отрог и спустился в долину притока Лозьвы. Почему я считаю, что он шел именно так? В материалах следствия есть запись, что охотник (по следам которого шли дятловцы) «шел по следу лося». Лось — зверь тайги. На голых склонах ему нечем питаться. Лось пересек отрог и ушел в тайгу. За ним ушел и охотник.

У знакомого ему кедре охотник устроил привал: обломил на кедре с помощью аркана несколько сухих веток, настрогал щепы, разжег костер, наломал на подстилку хвойного лапника (его нашли следователи

▼ Курумник (каменная россыпь) со следами дятловцев на переднем плане

▲ Схема места трагедии

под слоем снега), сходил в овраг за водой, поставил на костер чайник. Возможно, именно он в овраге в снежном наддуве вырыл пещеру, нарубил тонких пихтовых и еловых вершинок возле кедра и уложил их на дно пещеры, подготовив себе место для ночевки. Возможно, это сделано было раньше, в предыдущий приход. В данном случае это не принципиально. Важно — пещера и настил сделаны охотником. Уходя, охотник раздвинул головешки, чтоб они быстрее загасли, и залил костер водой.

Лесные народы не по-наслышке знают, какую беду несут лесные пожары. Я не раз слышал, как тщательно даже зимой охотники манси, якуты, эвенки гасят костер, уходя со стоянки, как внимательно осматривают место, чтоб, не дай бог, не осталось незатушенного уголька.

Исход

Вот на это место через 2 недели вышли дятловцы. За полчаса до этого они спешно покинули палатку, разрезав ее скат. (причина ухода до сих пор достоверно не установлена, предлагаемые версии не состоятельны).

▲ Зина Колмогорова и Семен Золотарев записывают впечатления от увиденных «таинственных» знаков

Двигаясь по склону (бегом или быстрым шагом), они попали на участок натечного льда (ледоската), каменных россыпей.

Здесь, у третьей гряды (см. статьи С. Согрина — журнал «Уральский следопыт», номера за ноябрь, декабрь 2010 г. и В. Кудрявцева — тот же журнал, номер за январь 2012 г.) они получили травмы. С налету падали на лед, на камни, друг на друга. Четверо: Игорь Дятлов, Юра Кривонищенко, Юра Дорошенко и Саша Колеватов — относительно легкие травмы. Зина Колмогорова и Рустем Слободин — тяжелые ушибы головы. Трое: Коля Тибо-Бриньоль, Люда Дубинина, Семен Золотарев — тяжелейшие травмы. Двигаться самостоятельно эти трое не могли. Еще не понимая всей тяжести случившегося, уцелевшие в этой свалке повели тяжелораненых дальше вниз, в лес. Там, они надеялись, будет костер, тепло, и именно там может быть оказана первая помощь, там, в лесу, можно ждать помощи от спасателей. Зина и Рустем плелись сзади.

Ребята вышли на опушку леса. В глубине в сумеречном свете увидели большое дерево, подошли к нему. Здесь обнаружили, что нет с ними Зины и Рустема. Посчитав, что ребята отстали или заблудились в темноте, решили разжечь костер, тем более, что у кедра обнаружили кострище с остатками дров. Надеялись согреться, ждали, что на свет костра выйдут Рустем и Зина.

Спички нашлись. Был нож. В вечерней темноте почти ощупью нашли несколько тонких берез. Ободрали бересту. Собрали из карманов все, что могло гореть: деньги, письма, расчески, записные книжки.

Много лет велись разговоры, что не обозначенная в следственном деле записная книжка Колеватова, которую он всегда в походах пунктуально вел и в которой якобы содержалась запись о причине бегства из палатки, была изъята из следственного дела и засекречена. Ныне, когда следственное дело стало доступно исследователям, когда усилиями Буянова доказано наличие в нем всех без исключения листов, можно вполне определенно говорить, что она была сожжена при розжиге костра. Косвенное доказательство этого — отсутствие записной книжки Золотарева. Посмотрите вновь фото, где Зина и Семен записывают в свои записные книжки информацию о встрече с таинственными знаками на затесах. Т.е. за два дня до этого записная книжка Золотарева была. Теперь же ее, как и книжки Колеватова нет, а Зинина книжка и запись о таинственных знаках сохранилась.

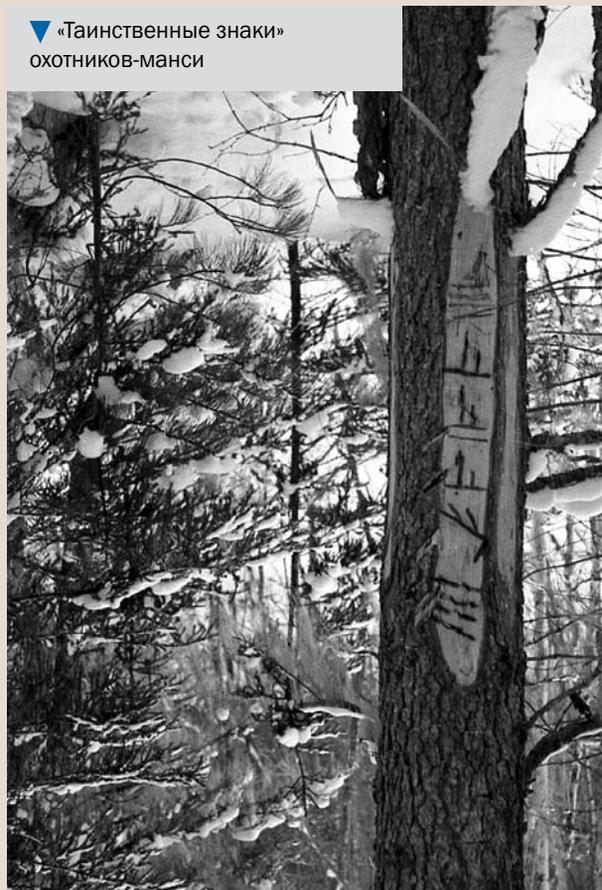
В свете разгорающегося костра нашлись кое-какие дрова рядом. Костер горел, но на пронизывающем ветру он был недостаточен, чтоб согреть полураздетых ребят: без обуви, без шапок, без рукавиц. Все начали быстро мерзнуть.

Решили переместиться в глубь леса в более тихое место. По засыпанной снегом, но все же заметной тропе вышли в овраг, и под его крутым берегом, где не было ветра и не так холодно, расположили раненых. Решили развести в овраге костер для обогрева группы. Дятлов, беспокоясь о судьбе оставших, пошел им навстречу. Просил поддерживать сигнальный костер. Два Юры: Дорошенко и Кривонищенко — остались у костра, собирали дрова (ветки, сучки), переносили их в овраг. Мерзли даже у костра. Совали руки и ноги в костер, чтоб согреть их.

Слободин, Колмогорова и Дятлов

Много лет бытовало мнение, что они вместе со всеми спустились к кедру, а затем попытались подняться наверх

▼ «Таинственные знаки» охотников-манси

▲ Раскоп, где нашли последних, на втором плане раскоп настила, вдали кедр

к палатке за медикаментами и теплыми вещами. Это же повторили Буянов и Согрин. Несколько лет назад, анализируя травмы Слободина и Колмогоровой, а также метеоусловия той ночи (мороз и сильный ветер), я пришел к выводу, что тяжелые травмы лишили их возможности активно двигаться, скорее они были в состоянии тяжелой контузии, с сильной головной болью, потерей ориентации и моментами потерей сознания. В таком состоянии они отстали от основной группы, потеряли во тьме и друг друга, падали и в конце концов не смогли подняться. Мороз и ветер отняли у них последнее тепло.

Мы так считали. В. Кудрявцев (журнал «Уральский следопыт», январь 2012 г.) подтверждает это неожиданным образом — он анализирует содержимое карманов их одежды:

- личный дневник Колмогоровой, пластмассовая расческа,
- бумага, письма, паспорт, коробок спичек у Слободина.

У тех, кто был у кедра, ничего могущего гореть не обнаружено — все пошло на розжиг костра. Наличие у Колмогоровой и Слободина бумаги и спичек подтверждает, что они до костра не дошли.

И тогда становится логичным и понятным факт нахождения тела Дятлова не у костра, не в овраге, а на пути от костра к палатке: беспокоясь за оставших (как он думал), он пошел им навстречу, но не дошел —

мороз и встречный ветер сделали свое дело.

Дорошенко и Кривонищенко

Колеватов с таким же трудом разжег костер в овраге, рядом с ранеными товарищами (именно у него следователи нашли коробок спичек и финский нож Кривонищенко). Нужны дрова. Много дров. В темноте их не найти. Решили обломать сухие ветви и сучья кедра. Два Юры: Дорошенко и Кривонищенко — полезли на дерево. Нижние сучья были уже обломлены раньше охотником. Поднялись выше.

Тот факт, что следователи в момент обнаружения трупов 27 февраля, т.е. через 4 недели после случившегося, не отличили обломы нижних

ветвей (на высоте 1,5–2,5 метра) от верхних (на высоте 3,5–4 метра), есть еще одно свидетельство того, что охотник обламывал их незадолго (за пару недель) до прихода дятловцев.

Они понимали, что обломать толстые ветви можно только тяжестью своего тела, повисая или стоя и раскачивая их. Кое-что они обломали. Но вот толстая ветвь. Они встали на ветвь, держась руками за вышерасположенную. Передвинулись к ее концу, более тонкому. Раскачали. Ветвь обломилась. А дальше... Либо обломилась ветвь, за которую они держались (несколько зеленых обломленных ветвей поисковики нашли висющими на дереве), либо замерзшие руки не удержали тяжести тела, соскользнули с ветви. И они полетели вниз, цепляясь одеждой за сучки, обдирая на сучках кожу, ударяясь головами о ветви.

Упали, ударившись вдобавок о замерзшую землю, об обломленные ими сучки. От болевого шока, от удара о землю потеряли сознание.

Мороз и ветер быстро выстудили их.

Я считаю, что именно вдвоем они обломали свою последнюю ветвь, именно вдвоем одновременно падали с дерева, ибо если бы было иначе, то находящийся внизу поспешил бы на помощь упавшему, привел бы его в чувство, повел, потащил в овраг.

Колеватов

Когда костер в овраге все же разгорелся (его остатки обнаружили поисковики в мае 1959 г.), Саша в свете костра невдалеке заметил присыпанные снегом ветки. Подошел. Увидел

▼ Рисунок места трагедии

- ▲ — палатка
- 1+ — З. Колмогорова, 2+ — Р. Слободин, 3+ — И. Дятлов,
- 4+ — Ю. Кривонищенко, Ю. Дорошенко,
- 5+ — А. Коливатов, Н.Тибо-Бриньоль, Л. Дубинина, С. Золотарев

снежную пещеру и в ней настил из ветвей. Поспешил наверх к кедру, чтобы обрадовать ребят, перенести вместе в овраг обломленные ветви и переместить раненых в пещеру.

Пришел и увидел...

Помочь им он уже ничем не мог. Но были в овраге его товарищи, была Люда без обуви, в одних носках. Она мерзла больше неплохо одетых Коли и Семена. Саша снял свитер с мертвого Юры, пошел в овраг и обернул свитером ноги Люды...

Потом созрела мысль одежду с мертвых снять и постелить на настиле, перетащить туда раненых — в пещере все же теплее.

Он опять поднялся наверх, снял с мертвых свитера, рубашки, штаны, что не снималось, срезал. И понес одежду в овраг, кое-что теряя по дороге (именно оброненные вещи помогли поисковикам в начале мая найти место нахождения последних четверых). Постелил 4 места (он понимал, что Игорь, Рустик и Зина уже не придут, что осталось их только четверо). Пошел за ребятами.

Коля и Люда были уже мертвы. Семен еще дышал.

Во всем большом мире Саша Колеватов остался один, и он отчетливо теперь понял, что тоже обречен. Он прижался к еще живому и теплому Семену и затих.

Костер вскоре загас.

Обильные снегопады февраля, сдуваемые ветром с перевала, засыпали овраг и скрыли на три месяца их тела.

Сколько времени им отпущено было судьбой

Много лет бытовало мнение, что они жили у кедра несколько часов, может быть, даже до утра.

Но если учесть, какое «ветродувное» место у кедра, если учесть, что костер был слабый, то под напором ветра и мороза продержаться без тепла, без одежды и обуви они долго не могли. Я считаю, им судьбой было отпущено от силы час-полтора после выхода к кедру.

Если принять во внимание, что ели они где-то в 13–14 часов, что на ночлег встали в 17 часов, на оборудование палатки и организации ночлега у них ушел 1 час, еще полчаса на выпуск боевого листка. После этого они стали готовиться ужинать. И в этот момент произошло ЧП (между 18,5–19 часами). Вырваться из палатки и добежать, дойти до леса (1,5 км) нужно не более 30 минут, причем третья гряда, где они получили травмы, находится примерно на полпути от палатки к кедру.

Еще полчаса на разжигание костра, на перемещение раненых в овраг.

После этого попытка заготовить дрова для костра в овраге, падение с дерева, потеря сознания и быстрая смерть от замерзания — сколько на это нужно времени — от силы полчаса.

Те, кто был в овраге, были в несколько лучшем положении, — там не было ветра и было немножко теплее. К тому же они теплее одеты. Но ведь был мороз около 25 градусов. Как долго можно продержаться на таком морозе без активной работы и лежа на снегу? Думаю, Коля Тибо и Люда Дубинина жили после перемещения их в овраг не более часа.

Дольше жили Колеватов, активно работавший, и Золотарев, наиболее тепло одетый. Но надолго ли они пережили других? Думаю, максимум на полчаса.

Произошло это между 8 и 9 часами вечера 1 февраля. И это совпадает с мнением следователя, что смерть наступила через 6–8 часов после приема пищи.

Почему они не спаслись?

Двигаясь к лесу, они сознательно, по крайней мере на нижнем участке пути, надеялись спастись: согреться у костра либо вырыть в снегу берлогу и там переждать, согревая друг друга, мороз и ночь.

Почему не получилось? Ведь известны случаи таких ночевок не только охотников северных народов, но и альпинистов, и туристов. Более того, в состав статей для журнала «Уральский следопыт», мы сознательно включили статью Е. Зиновьева о походе туристов УПИ под руководством С. Согрина на Приполярный Урал в том же январе — феврале 1959 г., походе технически более сложном, чем поход дятловцев, к тому же протекавшем в более суровых климатических условиях и отягченном двумя чрезвычайными происшествиями:

- они в начале похода сожгли палатку и вынуждены были строить снежные берлоги и ночевать в них,
- на горном безлесом перевале они попали в густой туман и почти 3 суток отсиживались в снежной берлоге без костра, без горячей пищи и почти без воды (они растапливали на собственном животе под свитером снег в чашке, чтоб немного утолить жажду).

И все же они преодолели все трудности и вернулись домой.

Почему это не удалось дятловцам. Тому несколько причин:

- плохо одетые,
- напор ветра и мороз,
- травмы троих тяжелораненых на склоне,
- забота о раненых, беспокойство за оставших,
- стресс, психологическое давление событиями у палатки,
- фактор ночи — они не видели дрова, поздно увидели берлогу, не заметили при спуске отстающих Зину и Рустема,
- дополнительное ЧП — падение с дерева,
- отсутствие инструмента для обустройства лагеря.

Все это создало ситуацию практически безысходную. И все же они не сдались, они боролись до конца. **УС**

Евгений Бирюков

Летописец войны из Старой Утки

Иллюстрации предоставлены автором

Перед нами два больших альбома, плотно заполненных снимками 1941–1945 годов. Хроника военных буден. Фото Николая Филатова.

Фамилия — из моей уральской семейно-фотографической коллекции. Филатовы — целая династия. Т. В. Филатов (род. 1863) — иконописец. Н. Т. Филатов — фото летописец села Старая Утка и вдобавок отец десятерых детей! Его сын Герман (род. 1906) — фотограф издательства «Уральский рабочий». И вот еще один сын — Николай (р. 1912).

В 1930-е годы Николай Николаевич занимался техническим моделированием и снимал для районных газет. В 1939-м его призвали на Финскую войну. А в 1941-м уже как опытного бойца (рота связи ВВС) — на Великую Отечественную. В 1942-м пригодились и фотонавыки — зачислен фотолаборантом в роту аэрослужбы, обрабатывал для штаба разведывательные фотоматериалы.

«АМЕРИКАНА» — так называлась его передвижная (на «Студебеккере») фотолаборатория, полученная по ленд-лизу из США. Работал для штаба, снимал командный состав:

маршалы Конев и Василевский, генералы Говоров и Баграмян, прославленные летчики Громов и Байдуков, сын Иосифа Сталина — Василий Сталин... Вел фотодневник. В нем — сослуживцы, рабочие моменты... Довелось полетать и самому: опробовал в деле новый специальный фотоаппарат производства уральского завода (п/я 79; Свердловск, ул. Гагарина).

Война для Николая Филатова закончилась необычной командировкой. Вот предписание: «Ст. серж. Филатову Н. Н. С получением сего предлагаю Вам отправиться в Гранц-Бледау-Кенигсберг для фотографирования для истории.

1.9.1945. Командир в/ч 49774 Храмов».

Весну 1946 года Николай Николаевич встречал уже на родине, в Старой Утке. Фотографировал родных, отца на фоне Чусовой. И половодье... Поработал спецфотокором всеоюз-

ной железнодорожной газеты «Гудок» (по Уралу). В конце 1950-х был ассистентом кинооператора на Свердловской киностудии. Художественный фильм «Пора таежного подснежника» (реж. Ярослав Лапшин, главный кинооператор Василий Кирбижеков) снимали ранней весной. Филатову пришлось работать стоя по колено в ледяной воде. Горло... онкология... Скончался в 1960-м.

Спустя полвека его сын Леонард Николаевич Филатов принес военные альбомы отца в фотографический музей «Дом Метенкова».

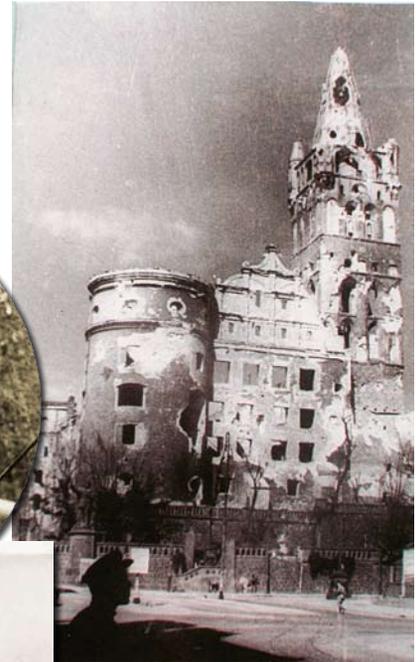
Некоторые снимки подписаны, другие — просто «осколки» войны. **УК**

Фотоконтроль торпедно-бомбового удара по транспортам противника в Р-НЕ Ш-57°48' Д-22°04'

Горящий ТД водоизмещением 4000 тонн.

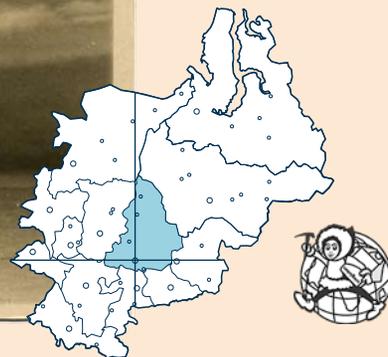
Взрыв на ТД водоизмещением 6000 тонн.

▲ Порт Дальний. Маньчжурия. Сентябрь 1945 г.
Протасевич — второй слева

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В Праге и у Желтого моря

Иллюстрации предоставлены автором

Мой отец — **Алексей Михайлович Протасевич** — родом из Верхней Пышмы. Закончил здесь школу № 1, и после выпускного бала, утром 22 июня 1941 года узнал, что началась война. Работал на медэлектродитном заводе, а в 1943 году был призван в ряды Красной Армии. Боевой путь начал с Курской дуги. 9 мая 1945 года встретил в Праге и был отправлен на войну с Японией. После войны вернулся в Верхнюю Пышму. Окончил Уральский лесотехнический институт. Жил в Свердловске, работал главным механиком в Управлении лесного хозяйства. Любил читать «Уральский следопыт» и даже напечатал в нем два рассказа. Связей с Верхней Пышмой не прерывал: здесь оставались родители, братья, сестра. Похоронен на Верхнепышминском кладбище.

В семье сохранился, записанный мной, рассказ отца о двух победах.

Первый праздник Победы был одновременно боевым и мирным. 9 мая всю ночь до утра продолжались бои по освобождению столицы Чехословакии. С востока в составе войск 2-го Украинского фронта действовала наша 6-я танковая армия генерала Кравченко, с северо-запада, из-под уже поверженного Берлина, двигались день и ночь танковые армии: 3-я генерала Рыбалко и 4-я генерала Лелюшенко. Фашистские войска с боями отступали на запад к позициям американцев и англичан, чтобы сдать в плен.

Еще в ночь на 9 мая в пригороде и самой Праге шли бои. К утру Прага почти полностью была освобождена.

Горожане вышли на улицы, моментально расчищали завалы, засыпали воронки на поврежденных дорогах улиц, устраивали живой коридор, через который медленно пробиралась техника советских войск.

Наш открытый сверху бронетранспортер буквально утопал в цветах, забрасываемых со всех сторон. Каждый пражанин хотел поздороваться, поприветствовать, поблагодарить победителей, вручить конфеты, печенье, папиросы, напитки. Царило неописуемое торжество, безмерная радость населения и войск. Так было на всех улицах.

К вечеру нас вывели в пригородное село Малешнице, и война для нас

закончилась, казалось, навсегда. Однако в конце мая победного года вся наша 6-я гвардейская танковая армия погрузила технику и личный состав на железнодорожные платформы, продовольствие, вещевое имущество — в крытые товарные, командный состав — в пассажирские вагоны, и многочисленными эшелонами мы отправившись на восток. Куда? Никто не знал. Только предполагали, что будем жить где-то на своей территории. Поговаривали: в Свердловске, Челябинске, Омске, Новосибирске... А эшелон тем временем, только изредка останавливаясь на непродолжительное время, все шел дальше в глубь страны.

Целый месяц экипажи со своей техникой жили на платформах: спали, ели, стирали белье. На станциях в Сибири отбивались от туч комаров, особенно мошкары.

За время пути вспоминались оставшиеся навечно в чужой земле товарищи, пройденный путь: Огненная Курская дуга, в которой участвовали тысячи танков и 4,5 миллиона людей, Белгород, Харьков, Кировоград, реки Северный Донец, Ворскла, Ингулец, Днепр, Днестр, горы Карпаты, страны: Румыния, Венгрия, Австрия, Чехословакия с их столицами.

А поезд вез нас дальше на восток. И только за Читой местные жители сказали нам, что везут не иначе, как на войну с японцами: уж больно много воинских эшелонов днем и ночью беспрерывно шли к границам. Если, говорили, со станции Карымской повернут вправо, значит, привезут в Монголию, если прямо — на Дальний Восток, в Хабаровск, Владивосток. Свернули вправо и вскоре оказались в раскаленной днем и холодной ночью пустыне с редкими юртами монгольских кочевников-скотоводов.

Непривычно было видеть только выжженную солнцем всхолмленную местами местность. Ни деревца, ни кустика, ни зеленой травы. Жаркий июль прошел в переездах с одного места на другое вблизи границы с Маньчжурией.

9 августа ночью объявили название нового фронта — Забайкальский и отдали приказ о начале войны с Японией. Двинулись вперед вначале по безлюдной местности, а вскоре по единственной горной дороге через Большой Хинганский хребет. Противник поспешно отступил, надеясь, что танковые колонны не смогут одолеть естественное препятствие — горы. Но оказалось, что противник просчитался — горы не стали препятствием для советской армии, накопившей большой боевой опыт. Одолев горы и выйдя на ровное место, остановились у города Тунляо — из-за отсутствия горючего для танков, бронетранспортеров и автомобилей. Фронт предпринял настолько энергичные меры, что, несмотря на разразившуюся гро-

зу, менее чем за сутки по воздуху доставили необходимое количество топлива. Небольшие грузовые самолеты приземлялись прямо на полевых посадочных площадках.

На нашем пути встречались то безводные пустыни, то довольно широкие реки. Был случай, когда, двигаясь местами только по железнодорожной насыпи КВЖД, попали под японские самолеты-смертники с камикадзе. Наш бронетранспортер с реактивными установками «Катюша», съехал с железнодорожного пути после 160 км тряски на каждой шпале. Может быть, спасло от смерти только то, что направляющие для снарядов и пулемет были замаскированы. После нескольких заходов с пикированием почти до самой земли, не издав ни единого выстрела, самолеты улетели в сторону сосредоточения танков, где им удалось поразить несколько целей. Каждый самолет стремился угодить в люк механика. Очевидец рассказывал, как один самолет, промахнувшись при пикировании, ударился о башни. Из него вывалились в бессознательном состоянии юноша с девушкой — смертники.

На нашем направлении вела военные действия отборная Квантунская армия. Тем не менее, оказать должного сопротивления она не смогла. Были взяты города Харбин, Чанчунь, Мукден и русские города — порт Дальний и Порт-Артур. Уральские танки прошли по всей Маньчжурии и вышли к берегам Желтого моря. В результате чего наш 5 гвардейский стрелковый Краснознаменный орден Ленина, Суворова, Кутузова танковый корпус 6-й танковой армии окончил свой последний поход, завершив войну с последним сателлитом фашистской Германии.

3 сентября был официально объявлен День Победы над Японией и учреждена вторая победная памятная медаль. Таким образом, в одном 1945-м были одержаны две Победы.

Записала Ольга АРЖАНОВА

▲ На демонстрации 1 мая 1941 г.

▼ Маньчжурия. Слева — предгорье Большого Хинганского хребта. Справа — мост через реку Ляохэ. Август 1945 г.

«РОКАДА» — дорога памяти

Иллюстрации предоставлены автором

Рокада — это дорога в прифронтовой полосе, идущая параллельно линии фронта. Так назвали свой поисковый отряд учащиеся школы №30 уральского города Дегтярска. О создании и маршрутах «Рокады» мы беседуем с ее руководителем педагогом дополнительного образования Еленой Борисовной Соловьевой. Она заведует и школьным музеем, который носит имя 10 гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса.

Школу построили в 1964-м, а на следующий год к ребятам приехали ветераны танкового корпуса: в 1943-м году на месте школы формировалось одно из его подразделений,

находился штаб 29 мотострелковой бригады. Ветераны — а их тогда было еще много — рассказали ребятам о славном пути боевого корпуса. В память о мотострелковой бригаде

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Марина Рукавичникова

была открыта мемориальная доска и принято решение пройти командами «красных следопытов» — так они тогда назывались — весь боевой путь корпуса — от Орловско-Курской дуги и до западных наших границ. 29 походов... Встречи, экспонаты, документы — все это стало началом школьного музея боевой славы.

А в недрах музея в 1991 году родился поисковый отряд «Рокада». Государство официально признало проблему пропавших без вести военных, необходимость поиска и захоронения их останков на бывших полях сражений. В Свердловске возникла организация «Возвращение», объединившая отряды, занятые поиском потерянных жертв войны. В том же 1991-м ребята отправились в первую поисковую экспедицию — тогда это называлось «Всесоюзной вахтой памяти». Маршрут лежал в Тверскую область, на места памятной Ржевской операции 1942–43 года. Поскольку работа здесь рассчитана на взрослых, ребят из базового отправили в маленький лагерь в городе Зубцове в 20 км от Ржева.

После той первой экспедиции было решено, что в эти леса нельзя не вернуться. Для ребят, что живут в тыловых территориях, какова наша Свердловская область, война кажется далекой. Но когда попадают в лес и видят окопы, воронки, а в воронках до сих пор лежат останки солдат, которых до сих пор кто-то ждет, — отношение к войне, к истории, к ветеранам, ныне живущим, совершенно меняется.

С тех пор места бывших боев стали для ребят притягательными, зовущими. Летом — поисковые экспедиции, а в остальное время — просветительская работа. Музей наполнялся экспонатами, видеоматериалом. Все это рассказывало людям, какой была война и цена победы в ней. Одновременно шла и поисковая работа: солдат надо искать не только в поле, но и в архивах.

До эпохи интернета работали в центральном архиве министерства обороны и местных архивах. Сейчас процесс несколько облегчен — существуют сайты, помогающие нам, находясь в Дегтярске продолжать поиск солдат, считающихся пропавшими без вести. Ведь у пожилых людей нет навыка работы с интернетом. Зачастую сведений о человеке бывает крайне мало: одна какая-то зацепка, например, номер полевой почты. Вот, например, последнее письмо. Степан Андреевич Самохин. Известна дата: 2 февраля 1942 года. Поле-

вая почта 833. Вычисляем, что это 50 стрелковая дивизия, воевавшая под Гжатском (ныне Гагарин) в Смоленской обл. Там жестоко перемальвались наши дивизии — это южный кусочек Ржевского выступа. Где-то там и остался Степан Андреевич. А домой пришло извещение «пропал без вести» — просто тогда нереально было учесть и найти всех. Для уточнения связались с командиром поискового отряда, который работает конкретно на этой территории, и он пообещал помочь с деталями. Узнали даже, какая была погода на день гибели. Вот так, по крупицам, рокадовцы собирают данные и сообщают родственникам.

В последнее время часто обращаются дети погибших в сражениях войны. В год 65-летия многие хотели съездить на могилы близких, и члены «Рокады» вычисляли через военкоматы точные места захоронения, чтобы родственники могли на льготных условиях посетить могилы.

Звонят и пишут не только жители Дегтярска, но и других городов. Отряд сотрудничал с программой Елены Башихиной на Радио Урала — «Одна на всех победа». Она отбирала рокадовцам заявки по Тверской области, ребята их обрабатывали, а затем по радио озвучивали для родственников.

В штате «Рокады» — руководитель и школьники разных поколений. Есть даже династии. Например, Антон Кондратьев, с ним его двоюродный брат, сестры. И младший брат Сема тоже собирается в отряд. У детей отношение к войне совершенно поменялось. Спросите в любой школе, сколько в их городе ветеранов осталось, едва ли ответят. А рокадовцы знают: на сегодняшний день живы 30 участников войны — в большинстве своем они уже не ходят.

«Рокада» возродила военно-спортивную пионерскую игру «Зарница». Команда намечает серию заданий (строевая и огневая подготовка, история отечества и его вооруженных сил, медико-санитарная подготовка). Ребята выходят на дистанцию и поочередно проходят все этапы. В областной «Зарнице» школу представляют 16 команд-отрядов. Поисковой организации уже 22 года, она родилась взамен комсомолу. В нее вовлекают именно подростков. Первоначально была ориентирована на старшеклассников от 14 лет и старше, потом «охватили» среднее звено от 11 лет, а сейчас уже и начальную школу. У них игра называется «Снежный десант». 12 марта — в день рождения Уральского добровольческого танкового корпуса — в «десанте» по зимнему лесу участвовали ребята с 5 по 11 классы.

**Когда попадают в лес
и видят окопы, воронки,
а в воронках до сих пор лежат
останки солдат, которых до сих
пор кто-то ждет,— отношение
к войне, к истории, к ветеранам
ныне живущим, совершенно
меняется.**

Экскурсии в школе проводятся не хаотично, а 3–4 раза в год. Есть базовый курс — Уральский танковый корпус. Темы других экскурсий ребята выбирают, исходя из юбилейных дат. В этом году — 70 лет битвы за Москву. Значит, на экскурсии «работают» только те экспонаты, которые касаются исключительно этой битвы. Проект на будущее: Уральский добровольческий танковый корпус и война в Афганистане. Приурочен к выводу войск. Помогают местное отделение РСВА и клуб десантников. Кроме экскурсий в музее, бывают и выездные.

Ребята в отряде очень разные: и круглые отличники, и те, у кого большие проблемы в поведении и в учебе. Но те и другие знают о войне гораздо больше своих сверстников — это точно. Каждый в отряде занимается своим делом. Есть, например, архивная группа, но при необходимости они взаимозаменяемы. 5–7 классы чаще проводят экскурсии, так как у старших большая загруженность, их привлекают только в особых случаях. Вся работа направлена на то, чтобы ребята знали историю Великой Отечественной войны и могли эти знания показать во время экскурсий и полевых экспедиций. Из 30 рокадовцев в экспедицию выезжают 10–15 человек. Перед этим проходит общий сбор, и путем открытого голосования ребята выбирают команду, которая будет вести очередной поиск. Чтобы попасть в экспедицию, надо поработать, так просто не поедет никто. Финансированием занимается город, частично используются родительские взносы.

Музей пополняется в основном тем, что ребята привозят из полевых экспедиций. Но что-то обнаруживается и в Дегтярске. Недалеко от города есть железная дорога, когда-то по ней гнали платформы, груженные железом с полей войны, на переправку в Ревдинские заводы. Когда платформы приостанавливались, горожане потихоньку собирали каски, стволы... Теперь эти находки периодически всплывают на огородах и чердаках. Не всегда удается разузнать историю таких экспонатов.

Гостеприимный ГОСПИТАЛЬ

Иллюстрации предоставлены автором

Библиотека села Тюбук, что в Каслинском районе Челябинской области, ведет свою «родословную» с 1913 года. В наши дни она стала центром притяжения краеведов и реализации родоведческого проекта «Тюбукский сад» (начат по инициативе уроженца этих мест Владимира Леонидовича Бухарова, ныне он живет и работает в Челябинске). Жители тюбукской округи в поисках своих «корней» исследуют метрические книги местных церквей, ревизские «сказки»... А каждое второе воскресенье апреля и октября демонстрируют и обсуждают собранный «урожай» на встречах в сельской библиотеке под приглядом гостеприимной ее хозяйки-заведующей Елены Робертовны Карапетян. В 2006 году за свою активную и творческую работу с населением модельная библиотека села Тюбук обрела почетный статус «павленковской» и с тех пор каждый год его подтверждает — так это принято в челябинском филиале Содружества павленковских библиотек.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Студенников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпуская гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожилов, в том числе бабушки Е.М. Васильевой, пожившей еще «при помещике». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вел рубрику «Истоки». Сотрудничает в «Южно-уральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свет памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

*Днем и ночью
в больничных палатах,
Побеждая страдания, недуг,
Бьется гвардия в белых халатах
Друг здоровья, бессмертия друг.
По утрам на заре,
На вечерних закатах
Им морозы, турга — не заслон.
Слава гвардии в белых халатах,
За работу ей низкий поклон.*

П. Хорошавин

По латыни госпиталь значит «гостеприимный».

В годы Великой Отечественной глубокий тыл был буквально напичкан госпиталями. Если брать нашу округу, то в Каслях, Уфалее, Кыштыме, на Увильдах, у нас, на Миндарке, располагались госпитали. Расскажу об одном из них, открытом на базе санатория «Сунгуль».

В наш «райский уголок» — край озер, соснового воздуха, где каждая травинка сопутствует выздоровлению, в 1941 году эвакуировали госпиталь № 3780 из Полтавы. Конечно, медицинскому персоналу после «санаторных» трудно было переходить сразу на тяжелораненых, но коллектив быстро освоился, реконструировать ничего не пришлось, только в одной из палат разместили операционную. Остались грязелечебные ванны, светолечение, электролечение. Палаты светлые, теплые и уютные, на окнах цветы, рядом с топчанами тумбочка и стул, в палатах радио. На берегу озера Силач газогенератор крутил динамо-машину, которая давала ток поселку, и от него же работала старая баня (у лесопилки), где стирали белье, обрабатывали и сушили

бинты. На втором этаже первого корпуса в большой палате стояли раковины, туалет для «тяжелых». Ходячих разместили во втором корпусе.

Те, кто поправился, пользовались библиотекой, гуляли по поселку, общались с населением, в школах рассказывали детям о войне, даже вели черчение, рисование, военное дело, помогали госпиталю. Много после них осталось картин и даже скульптур. А преобладали деревенские, значит, мастеровые и толковые. В клубе, который располагался на втором этаже первого корпуса над кухней, крутили кино. Бывало, прерывали показ, чтобы прослушать сводку информбюро.

Концерты — это отдельная тема. Самодеятельность была в поселке взрослая и детская, руководил Нагорянский из Увильдов, а помогали учителя. В спектаклях, сценках охотно участвовали и раненые. Шефами были артисты Свердловского театра оперы. Народу собиралась уйма, «тяжелых» вывозили в коридор. Постоянными зрителями были поселковые дети, казалось, они здесь и ночуют. Однажды поставили пьесу о дезертире — по сценарию раненого бойца. Часто устраивались танцы под патефон и баян массовика-затейника по фамилии Тиссен. Рядовой состав танцевал с барышнями в тапочках и кальсонах, в халатах, накинутых поверх белья, а офицеры — всегда в полной форме.

Кормили в госпитале хорошо, продукты завозили из Каслей: овощи, соль, зелень с комбината (ближний Береговой). Бригада огородниц Дарьи Борцовой к 23 февраля доставля-

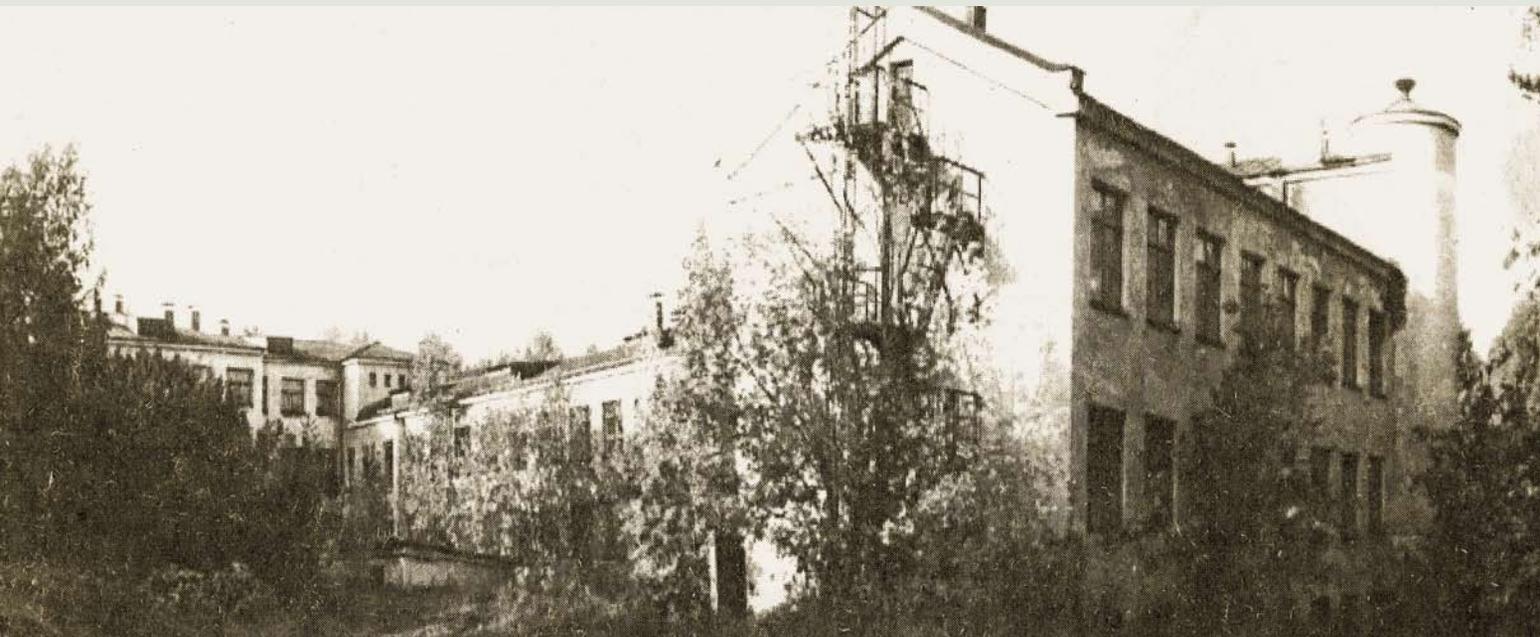
ла ранние овощи, а зелень была круглый год. Огурцами набивали бочки и хранили подо льдом Силача. Даже арбузы выращивали. Бойцы выменивали продукты на курево или просто отдавали детям. По праздникам раненым полагались наркомовские.

Госпиталь был многонациональным. Вечерами звучали украинские, армянские и другие песни. Связующим звеном в общении был переводчик Шванец, который знал много языков. Раненые выходили на берег озера Сунгуль, наблюдали, как чайки с криком ловят рыбу, любовались скальными берегами, а волны брызгами освежали их лица. От корпусов к озеру вел широкий и длинный лестничный марш, выходявший на деревянный озерный пирс. На берегу располагались две купальни: мужская и женская, вышка для прыжков в воду. Окружали все это деревянные парковые скульптуры. Но скоро их не стало — ушли на дрова. Ведь сотрудники заготавливали дрова сами: пилили сырую древесину, смачивая пилу керосином.

Не все, конечно, бойцы выздоравливали, случались и смерти. Умерших хоронили на кладбище в Каслях с правой стороны от входа, ставя простые кресты. Как-то по прошествии многих лет одна из сотрудниц решила посетить эти захоронения, но от них ничего не осталось. Стояли недавние надгробия. А если нет памятника — значит, исчезает и память.

Имя сотрудницы — Муза Александровна Домнина. Она и сейчас живет и здравствует в окружении детей,

Второй корпус госпиталя ▼

▲ Санаторий «Сунгуль». Пирс

внуков и правнуков. Ее семья приехала сюда в 1931-м. Отец А.Ф. Наседкин работал лесником. Семейство участвовало в строительстве курорта Всесоюзного значения. Строили деревянные бараки. До современного клуба «Химик» стоял тоже деревянный корпус клуба с двумя фонтанами по сторонам. Возводились лечебные корпуса. Первыми руководителями курорта были И.И. Морозкин — главный врач (потом уехал в облздравотдел), Канн — из репрессированных (он видел Гитлера), затем Статиров, Пилерман, Полерштейн — большие специалисты своего дела.

Когда начался госпиталь, мать Музы Александровны, Александра Алексеевна, была швеей, и Муза вспоминает, как помогала ей перебирать верблюжью шерсть для набивания матрацев и подушек. В сентябре 1941 года маму мобилизовали на Каслинский машинный завод отливать мины. Муза с братом написали письмо Сталину, оно дошло до адресата, и маму в октябре 1943-го вернули большой семье. Устроилась подсобной рабочей на кухне в столовой, где официанткой работала ее старшая дочь Нина. Отца забрали в 1941-м,

и он не вернулся, пропал без вести в Карелии.

До ухода отец устроил Музу телефонисткой на коммутатор при пожарной части. Начальник госпиталя Статиров организовал группу доставки раненых из 15 человек — в основном подростков, куда вошла и Муза. Обучение было коротким, и через неделю группа сопровождения начала работу. Раненые прибывали на станцию в Маук в санитарном поезде, размещались в доме приезжих от санатория. Их готовили к дальнейшему переезду обозом. Одевали в тулупы, укрывали ватными одеялами, помещали в короба с сеном. Путь лежал вдоль речки Маук, потом вдоль Вишневых гор до Еремихи и на полуостров Монашки (Сунгульский скит). И, наконец, по озеру в госпиталь. Боязно было зимними ночами. Порой волки сопровождали обоз своим воем, их отпугивали ударами по железу и светом фонарей (летучая мышь). Первая стадия приема раненых — это санпропускник. Здесь их мыли, стригли, брили, обрабатывали белье карболкой.

Когда перестала функционировать железнодорожная ветка от Маука до Каслей, раненых транспортировали летом по озерам на баркасе

с мотором (нефтянке), а зимой на лошадях. Так же доставлялась и радоновая грязь (сапропель) с озера Светленького. К концу 1943 года появилась газогенераторная полуторка. На конном дворе Толмачев следил за лошадьми, упряжью, заготовкой фуража.

Муза в то время руководила поселковой комсомольской организацией поселка. Как-то поступившему тяжелораненому Герману Титовичу после операции понадобилась кровь. Нужная группа крови оказалась в тот момент только у Музы. После выздоровления, отправляясь на фронт, он поинтересовался, кто его спаситель. Узнав, что это Муза, он обнял ее и сказал, что у него из родных никого нет, и попросил Музу быть его сестрой. Через полгода Музе стало поступать денежное содержание. Она покупала хлеб и молоко и передавала на завод маме — откуда не выпускали. Полтора года шли ей переводы. В 1944-м Герман погиб в Германии. Похоронка пришла на имя Музы.

Случалось, что комиссованные подчистую бойцы оставались в поселке. Б.А. Злотников работал в госпитале кладовщиком, И.В. Литвиненко — в строительной мастерской, М. Тимофеев — подсобником. На его

родине шли тогда бои, все было разрушено, а близкие разъехались. Домна Сергеевна Нагарникова сумела отыскать его родственников. Тимофеев посетил родину, но вернулся на Урал. В 1999 году ветеран умер, похоронен на старом городском кладбище.

О Домне Сергеевне мне рассказала ее дочь Августа Ивановна. Приехала она в поселок в 1934 году. В санатории была старшей медицинской сестрой и по совместительству заведовала аптекой. Жизнь не баловала ее покоем. Трудилась в туберкулезном диспансере санатория «Увильды», эвакогоспитале № 3880 на Дальней даче; начальником отдела снабжения в другом — № 3780, с которым пожила на Украине. Везде Домна Сергеевна отличалась трудолюбием, честностью, неподкупностью.

Вот еще один свидетель тех времен — Виктор Яковлевич Милютин. Попал он сюда в 1937 году по вербовке со своей семьей. Отец Яков Васильевич слыл строителем на все руки: поднимал корпуса, дома, бараки. Начальник госпиталя даже отстоял его от призыва в армию, но ненадолго: отец ушел на фронт и пропал без вести. Мать — Пелагея Сергеевна — работала при госпитале посудомой-

▲ Д.С. Нагарникова у раненого бойца

кой, сестра Анна — в бухгалтерии. Сам Виктор — в сапожной артели, вместе с выздоравливающими ранеными.

В 1944 году сунгульский госпиталь передислоцировали ближе к фронту — в город Кобиляки Полтавской области. Уехали на Украину и желающие из персонала. В Кобиляках первоначально лечили наших

солдат, потом обнесли территорию колючей проволокой, поставили вышки, охрану — здесь подлечивали пленных немцев для последующего их этапирования. Начальником спецгоспиталя был Конилов.

Все работники госпиталя № 3780 по окончании войны удостоены медали «За победу над Германией». **УС**

Уральский тракт у Щербаковки ▼

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

КУЗНЕЦОВ ПРО КУЗНЕЦОВА

Иллюстрацию подготовил Эдуард Гильман

В репортерской работе порой случаются такие ляпы, которые даже за давностью неловко вспоминать. Но слово из песни (из жизни) не выкинешь, поэтому все, как на духу:

Было, ой было такое время, когда Свердловская киностудия еще жила и в ней рождались талантливые экранные произведения. Сейчас те ретро-фильмы хотя и не востребованы в кинотеатрах, но до зрителя доходят, потому как постоянно спасают от пустых и глупых сериалов многие сегодняшние телевизионные каналы.

То, за чем однажды летом 1987 года меня на киностудию занесло, убейте, не помню. Но точно — не спецзадание, хотя тяжелый магнитофон, как

обычно, висел на плече. В тот час в главном павильоне заканчивали съемку какого-то военного эпизода. Но какого фильма? Кто автор сценария и режиссер, хотя бы о чем задумана картина? Кто из популярных актеров занят? — Все это мне было тогда неведомо. Я, повторюсь, зашла по другому случаю. И пошла бы дальше, если бы из павильона прямо на меня не вышел актер в форме фашистского офицера. Пытаюсь включить память. Лицо — ну очень

Инна Гладкова

Тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг — **Эдуард Гильман**. Он — и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

знакомое. Но кто? Имя? О, Боже! А он идет на меня, и я — сработал рефлекс репортера — мигом достаю микрофон и шагаю к нему с трафаретным вопросом:

— Пожалуйста, несколько слов о новой роли, каким вы видите своего героя?

Актер устало посмотрел на меня, извинился: мол, пока занят, спешит в гримерную, потом еще минут двадцать уйдет на съемку дубля, а после, если меня устроит, постарается на мои вопросы ответить. Словом, не сию минуту, а позже.

И это было мое спасение от позора! Я, наконец, осознала всю нелепость своего положения: спроси того, не зная кого и не зная, о чем. А что, если бы тебе в ответ: «А вы про что, девушка, конкретно хотите знать?» Вот был бы стыд! Непростительная наглость молодости — идти на интервью с пустыми мозгами.

Честь мундира надо было срочно спасать. И, забыв, за каким другим делом я на киностудии, что есть духу бегу в сценарный отдел и библиотеку, по дороге каждого встречного выпрашивая: какой в павильоне хотя бы «военный год» и что там происходит, кто из известных актеров сегодня приехал в город и работает, какой, в частности, эпизод снимается?

И с этой хоть и поверхностной, но информацией в условленном месте уже почти спокойно ожидаю назначенной встречи. По моим понятиям интервью все-таки получилось, и достаточно интересным. Актер, видно было, уже погрузился в новую роль, возможно, ему надо

▲ Режиссер Георгий Кузнецов (1945–2005 гг.)

Александр Михайлов на Свердловской киностудии с сотрудницами съемочной группы, июль 1987 г. ▼

было перед кем-то посторонним выговориться, поэтому вопросы он больше задавал себе сам.

Да, он утверджен на главную роль советского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Это будет телевизионный фильм из пяти серий. Снимает его режиссер Георгий Кузнецов — однофамилец разведчика — по книге Д.Н. Медведева, командира партизанского отряда, действовавшего в годы войны в тылу врага. Сериал получил название «Отряд специального назначения». Зрители старших поколений помнят два предыдущих экранных варианта: «Подвиг разведчика» с участием Павла Кадочникова и «Сильные духом», где главную роль сыграл латышский артист Гунар Цилинский. Идти по стопам других всегда сложнее, поэтому, хотя считают, что он похож на того человека-легенду, внешнее сходство — еще не факт успеха.

Актер сознавал, что работа для него в новой экранизации предстоит чрезвычайно трудная. Как избежать ходячести? К тому же секретные документы спецслужб о Кузнецове все еще не обнародованы, много неясного в короткой и мужественной жизни уральского парня: как он попал в разведку, не все известно о его деятельности в фашистском тылу и что все-таки произошло под Ровно, почему он погиб? Негде почерпнуть новые краски к образу Николая Кузнецова. Актер признался с горечью, что даже поездка на родину легендарного разведчика в деревню, где он родился, и в Талицу — в мемориальный музей Героя, мало что ему дала... Добавлю, что в 90-е годы украинские националисты намеревались разрушить красивый бронзовый памятник Н.И. Кузнецову во Львове. Его все же удалось демонтировать и перевезти в Талицу. Но интервью это было, напомним, в 1987 году, когда две страны жили все еще одной семьей, хотя вопросов по жизни Кузнецова и тогда, и сейчас больше, чем ответов.

Пора, думаю, и открыть имя актера, которому Свердловская киностудия предложила такую сложную работу. Это — Александр Яковлевич Михайлов, ныне народный артист России. **УС**

Приговор приведен в исполнение

Фото из фонда музея ФСБ по Челябинской области

После Великой Отечественной на Урале, в российской глубинке, удалось скрыться тем, кто в тяжелую для Родины минуту предпочел сотрудничать с врагом. Потребовалась кропотливая работа сотрудников госбезопасности, чтобы разоблачить военных преступников. Ныне документальные свидетельства этой работы стали экспонатами музея Федеральной службы безопасности по Челябинской области.

Одним из первых по времени стало «Дело» **Николая Беспалова**, скромного главного бухгалтера Нязепетровского леспромхоза.

Началось с полученной информации о спецподразделении Абвера — Варшавской разведывательной школе. Она подчинялась непосредственно штабу «Валли» и занималась подготовкой из советских военнопленных квалифицированной агентуры. При школе была создана специальная группа 1-Г — для обеспечения этой агентуры фиктивными документами. В ее составе были немцы — граверы и графики, а также несколько завербованных воен-

нопленных, которые знали делопроизводство в Советской Армии и советских учреждениях. Группа изготовляла различные документы, награжденные знаки, штампы и печати советских учреждений, воинских частей и предприятий. Трудноисполнимые документы (паспорта, партбилеты), а также ордена доставлялись из Берлина.

При аресте в 1945 году нескольких агентов этой школы и в ходе их допросов всплыла кличка «Петр Лукин». Оказалось, что под ней скрывался некто Беспалов, уроженец Свердловской области. Бывший старший лейтенант Красной Армии, он в 1943 году

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Алексей Яловенко

Ювелир, краевед, коллекционер минералов. Долгое время был помощником депутата Госдумы. Работая в архиве ГУВД, собрал большой материал об узниках политизоляторов Челябинской области. В Челябинске небольшим тиражом вышла его книга «Тайны Верхнеуральского политизолятора» (в 2-х ч.).

попал в плен и прошел несколько сборно-пересыльных и офицерских лагерей. Интерес к военнопленному проявил сотрудник немецкой разведки Маттерн. По его просьбе Беспалов написал автобиографию и подробно рассказал о своей службе штабным работником Красной Армии.

В школе Вали-1, как сообщили на допросах его «подельники», Беспалов состоял при штабе в отделе 1-Г, заполнял и оформлял фиктивные документы, а также вел регистрацию агентов, отправляемых на задание. Рассказали также, что в школе Беспалов пользовался всеми правами и льготами, как официальный сотрудник (питание, обмундирование, денежное довольствие). За активную работу и положительные результаты в январе 1945 года ему было присвоено звание унтер-офицера.

С наступлением советских войск школу эвакуировали сначала под Берлин, затем в Баварию. Беспалова в мае 1945 года вместе с другими завербованными сотрудниками школы поместили в лагерь военнопленных, дислоцированный на территории Австрии. Был освобожден американскими войсками и оказался в лагере для советских военнопленных в Зальцбурге. Проходя фильтрацию, факт службы в немецкой разведывательной школе скрыл, указав, что весь период пребывания в плену находился на разных тяжелых физических работах. Был восстановлен в воинском звании «старший лейтенант» и направлен на работу в Орловскую область. Демобилизовавшись в 1946 году, как ни в чем не бывало, прибыл на родину в Нязепетровск.

Выявить его истинное лицо удалось по приметам, сообщенным в ходе допросов «одноклассников» по разведшколе только в 1948 году. Сразу арестовывать не стали — выслали фотокарточку Беспалова для опознания. А когда был получен утвердительный ответ, главному бухгалтеру, как бывшему сотруднику Варшавской разведшколы, предъявили обвинение по статье 58-16 УК РСФСР.

О кропотливой работе 4 отдела УКГБ сообщают следственные «Дела» военных преступников, приговоренных к высшей мере.

В небольшом городке в середине 1950-х годов в геологоразведочной экспедиции работал некто **Н. Петренко**. Пребывал на хорошем счету, неплохо зарабатывал, перевыполнял нормы, никогда ни с кем не ссорился и даже был поставлен старшим буровым мастером. В его поведении удивляло то, что он никому никогда не писал и ни от кого не получал писем. Даже в отпуск не отлучался. Иногда рассказывал о немецкой каторге. Это не было удивительным — через фашистские застенки прошли десятки тысяч советских людей. Настораживало, что то и дело путал события, факты и даты.

«Разрабатывал» Петренко майор государственной безопасности Е. Антонов. Был послан запрос в Донецкую область, где, согласно автобиографии, Петренко жил до войны. В Челябинске пришли протоколы допросов задержанных еще в годы войны агентов «Абвергруппы-203». В них упоминался Петренко, учившийся с ними

в разведшколе. Значился у немцев на хорошем счету, жил в отдельном помещении. Вместе с протоколами допросов получили и приметы военного преступника, во многом совпадавшие с личностью бурового мастера геологоразведки. Окончательные сомнения развеялись, когда были проведены повторные допросы и опознание по фотокарточке.

Петренко арестовали и отвезли в Донецкую область, в село Прасковеевку, где летом 1942 года карательный «казачий взвод» расстрелял несколько десятков советских узников. Указав место их захоронения, Петренко описал жуткую картину: «Когда ямы были выкопаны, немецкий майор приказал всем гражданам лечь в них лицом вниз. Некоторые ложились сами, а кто не хотел, тех толкали мы. После этого майор к каждой яме поставил по два человека из «казачьего взвода» и приказал стрелять. Стреляла вся команда, стрелял и я. Когда все было кончено, немецкий офицер приказал зарыть ямы. Мы стали их забрасывать землей, слышались стоны, некоторые еще были живы...»

Петренко, как выяснилось, предал родину дважды. Сначала прошел различные разведшколы, бежал с гитлеровцами в Австрию, а затем его «заслуги» попали в поле зрения американской военной разведки. Ему сочинили легенду об освобождении из плена и, сопроводив необходимыми документами, передали советскому командованию. Так в конце 1945 года он и оказался на Урале...

В Челябинске в середине 50-х появился еще один неприметный жи-

тель — **Василий Прищеп**. Появился после отбытия срока наказания. Судимость объяснил трагической ошибкой, вполне возможной в военное время. По его словам, он был назначен начальником оперативной группы по ликвидации банд, действовавших на освобожденной территории. Во время одной из операций его опергруппа приняла другую такую же опергруппу за противника. Завязалась перестрелка, в которой был убит ее командир...

Уроженец Киева и выпускник Житомирского горного техникума, Прищеп, как свидетельствовал его послужной список, с начала войны был призван в армию, стал стрелком особого истребительного батальона, а с мая 1942 года до Дня победы был командиром отделения разведки 623-го артыполка 187-й стрелковой дивизии. Освобождал Польшу, Венгрию, Германию, Чехословакию, был трижды ранен и дважды контужен. Послужной список был геройский. Смущало лишь то, что его обладатель не имел никаких наград...

В Челябинске Прищеп работал в различных строительных организациях сначала бригадиром, затем прорабом. Окончил филиал Магнитогорского строительного техникума и двухгодичную школу мастеров. К моменту его выявления — в начале 1970-х годов — руководил сектором технического надзора отдела зданий и сооружений Челябинского металлургического завода. За все время проживания в Челябинске на родину ни разу не выезжал, объясняя это тем, что близкие родственники умерли или погибли, а к другим ехать не хотелось.

Сведения о Прищепе решено было подвергнуть дополнительной проверке. Ее проводили оперуполномоченный 2 отдела УКГБ по Челябинской области лейтенант А. Е. Макеев и подполковник И. П. Шаловских.

«В процессе начатой проверки, — сообщил И. Шаловских, — установлено, что проживающий в Челябинске

«Когда ямы были выкопаны, немецкий майор

приказал всем гражданам лечь в них лицом вниз. Некоторые ложились сами, а кто не хотел, тех толкали мы. После этого майор к каждой яме поставил по два человека из «казачьего взвода» и приказал стрелять. Стреляла вся команда, стрелял и я. Когда все было кончено, немецкий офицер приказал зарыть ямы. Мы стали их забрасывать землей, слышались стоны, некоторые еще были живы...»

Прищеп В. А. имеет значительное сходство с разыскиваемым УКГБ УССР по Житомирской области Прищепой Василием Андреевичем, 1918 г. р., уроженцем Житомирской области, Черняховского района пос. Черняхов. Последний в конце 1941 года поступил в Черняховскую районную полицию и в должности полицейского прослужил до осени 1943 года, принимал участие в расстрелах советского партизана и еврейского населения, лично расстрелял бывшего работника НКВД Клименчука. В 1943 году бежал с отступающими немцами. Оказавшись впоследствии в рядах Советской Армии, в анкетных данных указал, что родился в Киеве, принимал участие в боях...

Выяснилось, что причина его судимости совсем другая. В 1945 году, будучи старшиной в одной из воинских частей, он обезоружил часового, совершил насилие над командиром взвода и двумя выстрелами в упор убил командира роты. Высшую меру наказания ему тогда заменили 10 годами ИТЛ. В родной Черняхов он уже больше не возвращался.

Дальнейшая проверка подтвердила полную идентичность челябинского Прищепы с разыскиваемым УКГБ УССР полицейским. Все последующие мероприятия по разоблачению преступника проводились в тесном взаимодействии с УКГБ по Житомирской области. Были разысканы еще четверо преступника и доставлены к месту преступления.

И. Шаловских писал: «Доставка в Житомир Прищепы была организована следующим образом: используя постановление на Челябинский металлургический завод телеграммы из Минчермета о направлении на Броварский завод порошковой металлургии двух специалистов отдела зданий и сооружений, 22.03.73 в командировку самолетом вылетели Прищеп и Пьянков. На месте их встретили со-

трудники УКГБ по Житомирской области. Пьянкову было объявлено о прекращении командировки и возвращении в Челябинск, а Прищепа на автомашине доставлен в Житомир. До 31 марта 1973 года он проживал в гостинице. На первых же допросах он признал свое участие в убийстве работника НКВД Клименчука, в ликвидации десанта из партизанского отряда Медведева, массовых расстрелах партийного и советского актива и лиц еврейской национальности, отводя при этом себе второстепенную роль. За это время ему проведен ряд очных ставок с бывшими сослуживцами из Черняховской полиции, свидетелями его преступных злодеяний из числа местных жителей...»

15 марта 1974 года судебная коллегия по уголовным делам Житомирского областного суда приговорила бывших полицаяв, от рук которых только в Черняховском районе погиб 561 человек, к высшей мере наказания.

Последним и самым долгим эхом войны можно назвать «Дело» уроженца Хмельницкой области **Василия Бойко**. Кстати сказать, он стал прототипом предателя Кротова в известном романе Юлиана Семенова.

1 сентября 1973 года в многотиражной челябинской газете «Восход» появилась обычная по тем временам заметка, сопровождаемая фотографией: «По-ударному трудится на втором отделении совхоза «Кассельский» шофер Челябинского ПАТО-1 Василий Алексеевич Бойко. Работая на перевозке силосной массы от комбайнов, Василий Алексеевич вывозит за одну смену по 60–70 тонн. Этого он добивается благодаря умелому использованию автомашины. На передового водителя равняются и его товарищи по работе...»

Редактор газеты, разумеется, не знал, что «передовик производства» находится в поле зрения УКГБ. Не мог он и представить той скрупулезной работы чекистов, которым пришлось потратить несколько лет, чтобы подтвердить каждую строчку своей справки, составленной по этому делу лишь в середине 1980-х годов. В нее стоит внимательно вчитаться, чтобы понять масштаб деяний преступника, «высоко оцененных» гитлеровским командованием.

«Осенью 1941 года, находясь на фронте в должности командира взвода в звании младшего лейтенанта Советской армии, Бойко добровольно сдался в плен. В июне 1942 года, проживая на временно оккупированной немецкими войсками территории,

в г. Дорогобуже Смоленской области, Бойко поступил на службу в карательный отряд «Военная команда охотников востока» под командованием зондерфюрера СС Вольдемара Бишлера. Принял присягу на верность фашистской Германии.

Начав в Германии службу рядовым, за активную карательную деятельность Бойко получил звание капитана немецкой армии, был награжден двумя медалями «ОСТ» 2-й и 3-й степени. В карательных операциях с участием Бойко расстреляно более 3500 советских граждан. Лично Бойко расстрелял не менее 39 человек.

В 1948 году Бойко был арестован как пособник немецких оккупантов. Свое участие в карательных акциях на территории Смоленской области скрыл. В 1955 г. из мест заключения освобожден.

Скрываясь от возможного наказания за массовые расстрелы мирных граждан, выехал в Челябинск. С 1956 года работал водителем автотранспортного предприятия, характеризовался исключительно положительно, имел более 40 поощрений и почетных грамот...»

Доказательства его преступлений собирались по всей стране. В результате оперативно-розыскной работы

подразделений КГБ СССР были установлены трое карателей из отряда Бишлера, в том числе Бойко. Были найдены более 50 очевидцев их преступной деятельности и допрошены в качестве свидетелей и потерпевших. Розыскная работа производилась в Москве, Омске, Смоленске, Каунасе, Калининграде, Челябинске, Витебске и других городах и областях страны.

По-ударному трудится на втором отделении совхоза «Кассельский» шофер Челябинского ПАТО-1 Василий Алексеевич Бойко. Работая на перевозке силосной массы от комбайнов, Василий Алексеевич вывозит за смену по 60—70 тонн. Этого он добивается благодаря умелому использованию автомашины.

На передового водителя равняются и его товарищи по работе.

НА СНИМКЕ: шофер В. А. Бойко.

В 1983 году были собраны все материалы, на основании которых прокуратура Московского военного округа возбудила уголовное дело. 10 мая 1984 года сотрудники УКГБ СССР по Челябинской области арестовали Бойко. Объем обвинительного заключения, содержащего описание преступлений Бойко и двух его сообщников, составил 44 машинописных листа. Военный трибунал Московского военного округа признал Бойко виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 64-а УК РСФСР, и приговорил его к смертной казни. В ноябре 1985 года приговор приведен в исполнение...

Все фотографии – по «делу» **Василия Бойко**.

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

◀ Бронзовый памятник
Ремезову в Тобольске

Потомок тоболяка Семена Ремезова

Иллюстрации предоставлены автором

Сибирский картограф, историк, летописец, архитектор, строитель Семен Ульянович Ремезов прожил длинную жизнь в граде Тобольске, являвшемся в конце XVII — начале XVIII веков административной столицей Сибири и Урала. Родился он в 1642 г. Его научная биография была воссоздана Л. А. Гольденбергом, опубликовавшим фундаментальный труд о Семене Ремезове («Изограф земли Сибирской»), в котором приведены многочисленные исторические факты жизни тобольского сына боярского, а позднее и дворянина, Семена Ремезова. В интернете известна попытка составить родовое древо Ремезовых (remezovmax@narod.ru). Однако приведены только шесть наиболее ранних колен, взятых из материалов самого Семена Ульяновича Ремезова.

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

Творчество С. Ремезова многогранно. Он создал первую сибирскую географическую энциклопедию, в которую вошли три картографических атласа: «Хорографическая книга Сибири» (1697–1711 гг.), «Чертежная книга» (1699–1701 гг.) и «Служебная чертежная книга» (1702–1720 гг.). Эти его работы, имевшие вначале справочно-служебное предназначение, со временем стали выдающимся историческим памятником мировой науки и культуры, оказавшим существенное влияние на развитие российской и мировой картографии.

«История Сибирская», написанная С. Ремезовым, принадлежит к высшему классу шедевров мировой литературы. И совершенно справедливо советский историк С. В. Бахрушин назвал ее «Северной Шехерезадой». Кроме того, С. Ремезов создал «Описание о сибирских народах и граней их земель» (1697–1698 гг.), а также «Хронограф».

С. Ремезов был незаурядным архитектором и строителем, создавшим проект градостроительства сибирской столицы и в значительной мере реализовавшим его. По его проекту были возведены новые каменные стены тобольского кремля и ряд зданий, в том числе приказная палата, гостинный двор, Вознесенская церковь, рентерия и др.

Сибирские родовые корни Ремезова относятся к началу XVII века. Дед его, Мосей Меньшой Ремезов, в начале XVII века служил при дворе московского патриарха Филарета. Нравом Мосей был резок и горяч. Имел неуступчивый характер. И за какой-то проступок в конце 1628 г. он был сослан в Тобольск. Здесь он занял высокое место среди служилой знати и выполнял ответственные поручения, в том числе и дипломатические. В 1640–41 гг. он возглавлял успешное посольство к джунгарскому князю Батуру-хунтайджи. Был он и приказчиком Нижней Ницынской слободы. Известно имя отца его – Лукьян.

Ульян Мосеев сын Ремезов, отец Семена Ремезова, родился в Москве в 1619 г. Но всю сознательную жизнь провел в Сибири, где «служил всякие службы: и зимние, и летние, конные, и струговые, и нартные много лет». Собирал ясак и переписывал манси и остяков. Основывал новые острожки в Калмыцкой степи, где вел «караульные службы». Занимался «зеленым пороховым делом» Продолжая отцовскую традицию, ездил в 1660 г. посольством «в степь к Девлет-Кирею царевичу и к Лаузану-тайше с выговором о мирном поставлении

и к Аблаю-тайше с государевым жалованьем». У Ульяна Мосеева было два сына – Семен, оставивший значительный след в истории Сибири, и Никита.

Семен Ульянов, сын Ремезов, имел четырех сыновей – Леонтия (рожд. 1677 г.), Семена (рожд. 1679 г.), Ивана (рожд. 1681 г.) и Петра (рожд. 1693 г.). В тобольской переписной книге за 1720 г. имеется запись: «Во дворе тобольской дворянин Семен Ремезов сын Ремезов сказал себе от роду семидесяти осми лет. У него сын Петр двадцати семи лет. У Семена внучата: Алексей пятнадцати, Никифор семи, Яков шести лет». Позднее 1720 г. никаких архивных документов с упоминанием Семена Ульяновича не обнаружено. Таким образом, в 1720 г. вместе с Семеном Ульяновичем остался только его младший сын Петр Семенович. Л. А. Гольденберг приводит некоторые сведения, указывающие на то, что Петр Семенович проживал в Тобольске и в 1736 г. В наших архивных поисках в ГАСО встретилось упоминание о Петре Ремезове. 31 января 1726 г. в Екатеринбург на имя В. Геннина поступило «доношение от тобольских дворянина Федора Евсеева, от детей боярских Ивана Туренина, Петра Ремезова, от посадского человека Василия Киселиткова» с просьбой отправить в тобольский суд Федора Неклюдова.

Д. Г. Мессершмидт приводит сообщение, сделанное в его дневнике сибирского путешествия, о том, что 11 мая 1721 г. капитан Табберт и корнет Иорист ходили в Томске «к одному художнику по фамилии Ремезов, у которого видели раскрашенную

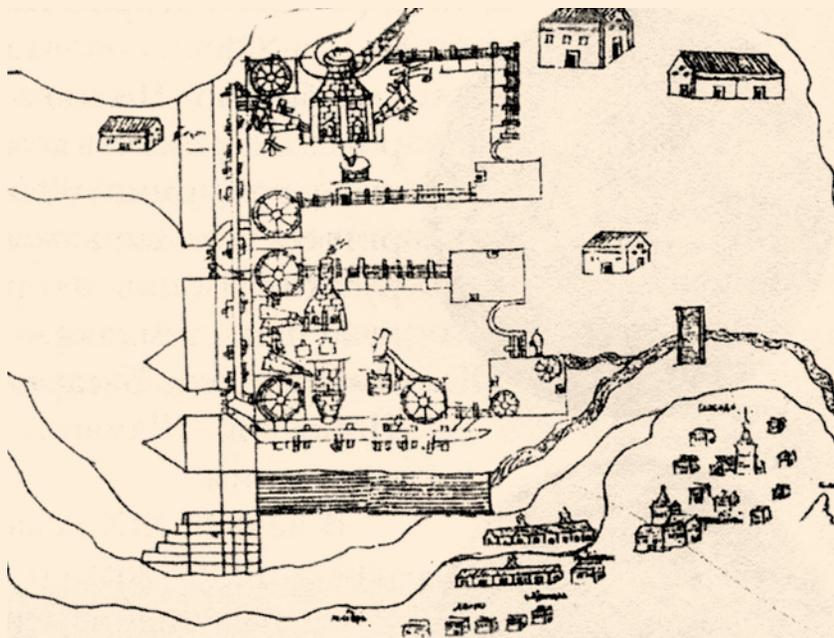
масляными красками карту Томского уезда». По мнению Гольденберга, этим художником, по-видимому, был Леонтий или Семен, сыновья Семена Ульяновича. При этом Гольденберг высказывает сожаление по поводу неизвестности судьбы других потомков Семена Ульяновича.

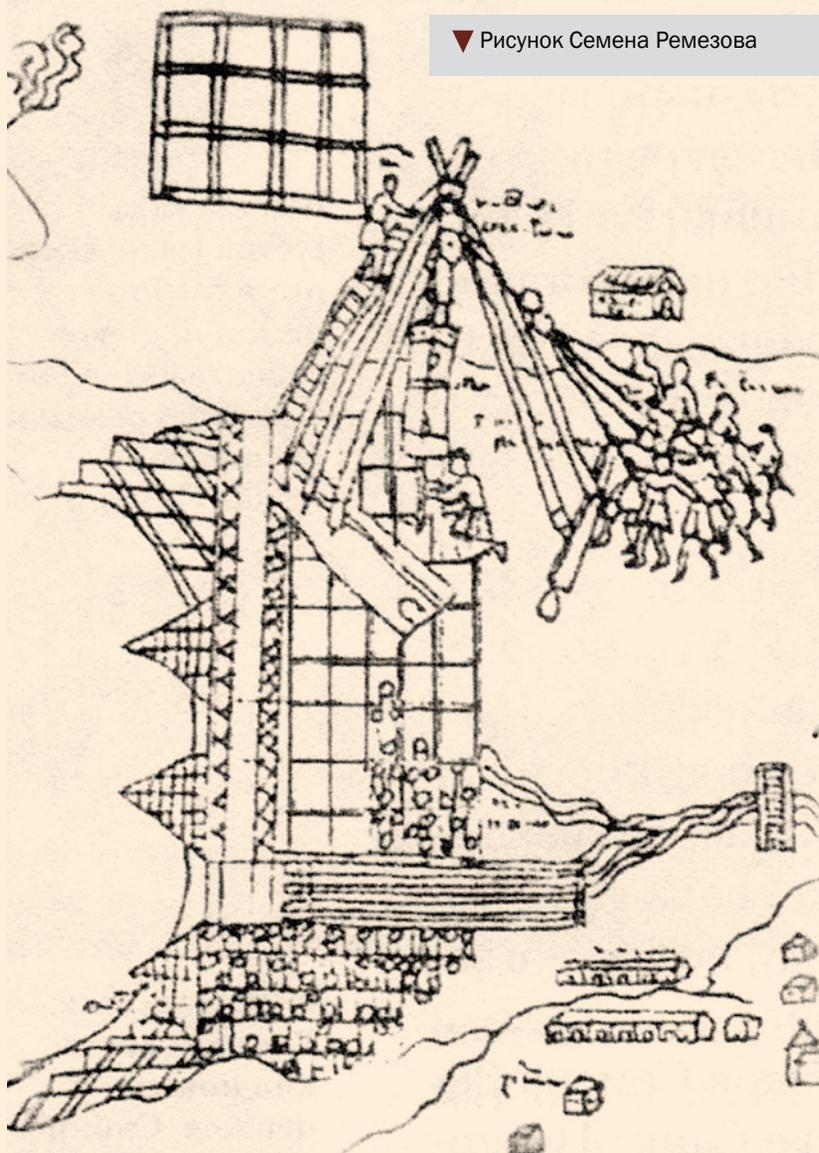
В ходе наших архивных поисков в материалах ГАСО по Каменскому заводу удалось найти сведения, которые указывают на обнаружение одной из ветвей родового древа Семена Ульяновича Ремезова.

В одном из архивных документов, датированных 1 июня 1737 г., приводится список рекрутов, находящихся в Каменском заводе. В этом списке числится Иван Ремезов. Такое имя и фамилия привлекли наше внимание. У Семена Ульяновича был сын Иван, который родился в 1681 г. Поэтому он мало подходил под разряд рекрута. Но у Семена Ульяновича еще был внук Иван, сын Леонтия, старшего сына Семена Ульяновича. Внук Иван родился в 1715 г. и в 1737 г. ему было 22 года. И он вполне мог быть взят в рекруты. Но на начальной стадии поисков это было только предположение.

При последующих разысканиях удалось найти документ, в котором указано, что в 1745 г. на Каменском заводе в числе доменных работников был Иван Леонтьев сын Ремезов. Сообщалось также, что он был «из рекрутов». В те времена использование рекрутов на производственных работах было общепринятым. Так обнару-

▼ Рисунок Семена Ремезова

▼ Рисунок Семена Ремезова

жилося первое обоснование — Иван был сыном Леонтия, что соответствовало реальному родству их в семье Семена Ремезова.

Другой архивный документ, датированный тем же 1745 г., еще более укрепил нас в нашем предположении. В этом документе указано, что Ивану Ремезову 30 лет, т.е. он родился в 1715 г. Это соответствует данным, записанным в тобольской переписной книге 1720 г.: «Во дворе тобольского дворянина Семена Ремезова, а в нем живет сноха ево, Варвара Васильева [жена Леонтия Семеновича. — В.К.], у нея сын Леонтий шестнадцати лет, Федор десяти, Иван четырех лет». Несовпадение на один год даты рождения Ивана Леонтьева сына в указанных документах объясняется, вероятно, тем, что каменский документ составляется по календарю после, а тобольский документ — до дня рождения Ивана Леонтьева сына. В Каменском документе ука-

зано также, что Иван Ремезов был взят в рекруты в 1736 г., а родом он «из дворянских детей». Последнее также подтверждало происхождение его из «дворянской семьи», каковой и являлась семья Семена Ульяновича Ремезова.

Итак, имеем следующие факты:

1. В Каменском заводе жил рекрут Иван.
2. Иван имел фамилию — Ремезов.
3. Родился Иван в 1715 г.
4. Отца Ивана звали Леонтием.
5. Иван был выходцем из дворянской семьи.
6. Иван был взят в рекруты в Тобольске.

Таким образом, перечисленный фактологический материал полностью соответствует архивным сообщениям о семействе Семена Ульяновича Ремезова. Сказанное приводит нас к выводу о том, что рекрут Иван

Леонтьев сын Ремезов, работавший доменным работником на Каменском заводе в 30–40-е годы XVIII века, являлся внуком Семена Ульяновича Ремезова. Позднее 1745 г. имя Ивана Леонтьева сына Ремезова в архивных материалах нам не встретилось.

В архивных документах по Каменскому заводу второй половины XVIII века имеется информация и о других Ремезовых. Так, в переписном списке Каменского завода за 1765 г. числятся трое Ремезовых.

Разных ремесел ученик Иван не мог быть Иваном Леонтьевичем, так как последний не мог на старости лет из доменного работника превратиться в ученики: учениками становились молодые ребята. Разобраться в ситуации помог другой документ. В списке работников Каменского завода за 1768 г. приведены более подробные данные об указанных трех Ремезовых. Оказалось, что Ивану Ремезову 23 года, т.е. он родился в 1745 г., и годился в сыновья Ивану Леонтьевичу.

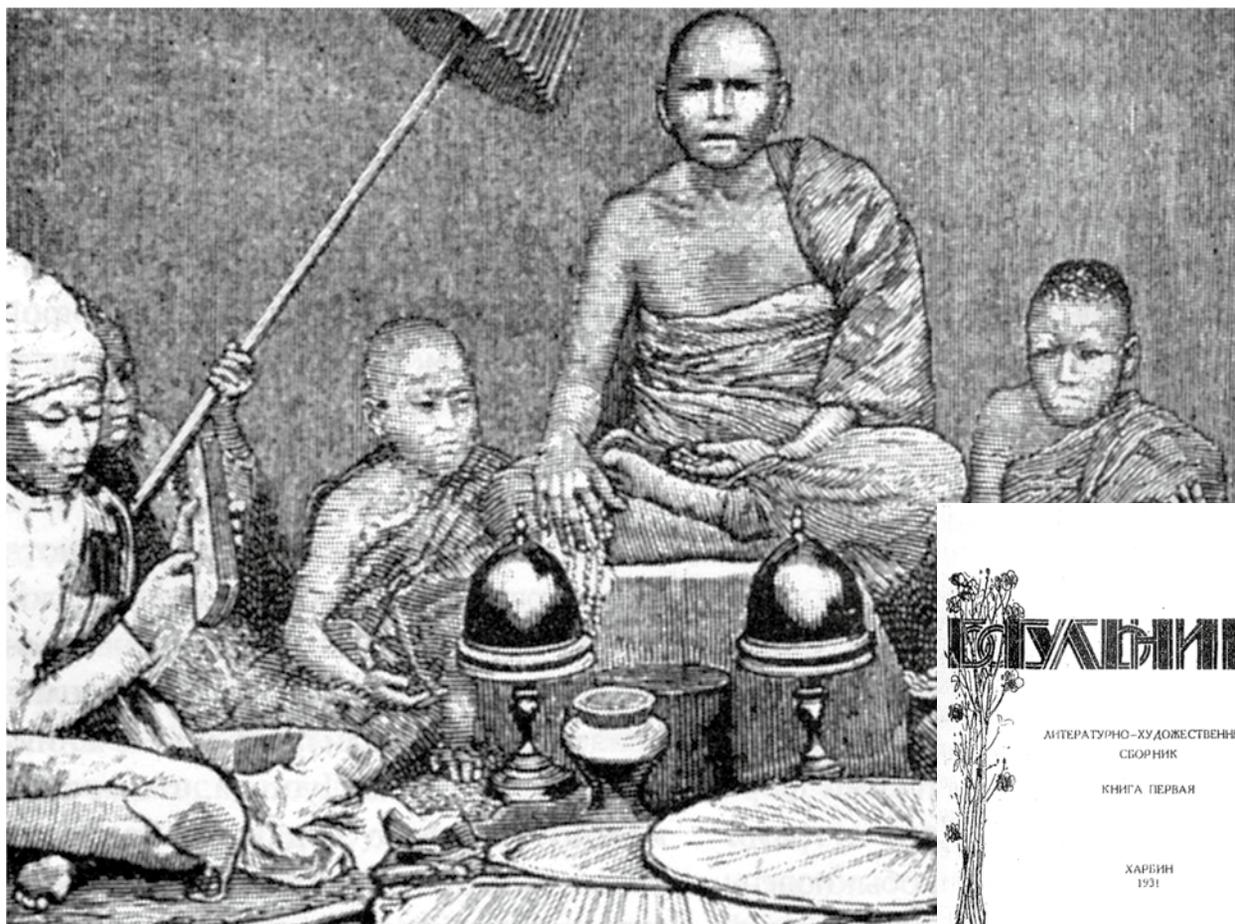
Один Василий Ремезов имел в то время возраст 26 лет, т.е. родился он в 1742 г., и работал при «кузнечном ручном деле». Второй Василий Ремезов имел возраст 19 лет, т.е. родился в 1749 г., и работал рудоразборщиком. Однако документальных свидетельств прямого родства между Иваном Леонтьевичем и указанными тремя Ремезовыми пока найти не удается. С большой долей вероятности можно предположить, что последние могут быть сыновьями первого.

Были найдены документы, сообщающие о проживании в Каменском заводе в конце XVIII века Якова Васильева сына Ремезова, у которого был сын Егор.

Вполне возможно, что все эти Ремезовы находились в родственных связях, которые, однако, необходимо подтвердить конкретной архивной информацией.

В Каменском заводе Ремезовы проживали и в XIX веке. Но об этом отдельный разговор.

Вполне вероятно, что и поныне в городе Каменске-Уральском живут и трудятся потомки Семена Ульяновича Ремезова. Порукой этому служит исторически подтвержденная информация о том, что в современном городе Каменске-Уральском сохранились до наших дней и здравствуют древние фамильные роды, корни которых уходят в начало XVIII века: Корелины, Шамарины, Чемезовы, Надеины, Медведевы, Мальцевы, Ефтефеевы, Тупикины, Бякишевы, Аврамовы и др. **У**

▲ Буддийский монах в окружении учеников (из энциклопедии «Буддизм», изд. «Эксмо», 2010 г.)

Свечи монашеского обета

Этот рассказ Павла Северного, забытого, но ныне возвращающегося к читателю русского писателя, был написан в 1931 году и напечатан в №1 сборника «Багульник», вышедшем в Харбине. Первым номером альманаха и завершился — оккупировавшие Харбин японцы закрыли его. Автор покинул Харбин и пешком отправился в Шанхай — круты и неисповедимы эмигрантские пути. Рассказ Павла Северного после «Багульника» нигде не публиковался. Его прислал в редакцию «Следопыта» сын писателя Арсений Павлович Северный, продолжив наши творческие отношения (в 2009 (№7–8)) году «Уральский следопыт» напечатал рассказ Павла Северного «Топтыгин с Косьвы»).

Вероятно, каждый, кто смотрит на карту Азии, замечал, что в одном месте Маньчжурии тянутся рядом два горных хребта.

Хмурые горы в шерсти почти нетронутых хвойных лесов. Их вершины округлы; горы похожи на огромные могильные холмы тех легендарных гигантов, которые сглаживали для нас первобытную шершавость земли. Так, вероятно, в прошлые тысячелетия Азия хоронила своих владык.

Хребты гор разделяет узкая долина, которую в народе зовут «Дорога лунных метелей».

Это имя долине подарили за то, что в ней всегда ветер. В лунные зимние ночи он носит по ней серебряную снежную пыль, она звенит, поет и сверкает многоцветными искрами микроскопических алмазов.

Зимой здесь всегда снежный туман вьюг.

С гор в долину сбегает родники, внучата каменного молчания. Родники образуют реку, протекающую по дну долины. Реку беспокойную, капризную...

В плеске ее волн всегда слышится раздражение... Встретив на своем пути гору, которую не смогла смыть, река разделилась и охватила ее объятием двух русл.

Бурная река... В некоторых местах ее бег не могут успокоить даже суровые морозы зимы. На острове среди кедров, напоминающих коптящие факелы, загибают к небу углы крыши буддийские храмы. Они построены очень давно.

Остров из камня. Туманы осени обволакивают его по утрам влажным тюлевым плащом. Метели зимы звенят над ним живой пылью серебряного снега. И думается: может быть, этот остров вовсе не гора, а осколок угасшего светила, упавший меж этих горных хребтов. Может быть, этот остров — погибшая звезда.

Шумит река прозрачной зеленой водой по руслу, усыпанному круглыми валунами. И слушают ее шум кумирни, вставшие по каменным уступам скалистых круч. Кумирни сложены из гранита и мрамора. Красные толстые колонны из кедра подпирают тяжелые крыши. Тяжело дереву, трудно колоннам поддерживать многосотпудовые черепичные крыши. Так тяжело, что они даже потрескались, и кое-где облупившийся лак обнаруживает морщины усталости дерева. Дерево утомилось...

Сейчас зима. Хребты гор — в снежных париках, причесанных ветрами и холодом января.

В эту темную январскую ночь в долине бушевал жуткий карнавал метельного урагана. Распевая различными голосами и захлебываясь от хохота, метель для своей забавы засыпала снегом горные хребты и долину.

Хлопья снега засыпали все. Снег студил рассудки блуждающих по долине путников. Только гранитные кумирни на острове спокойно и уютно дремали, заметаемые сугробами снега, и не обращали внимания на историческое торжество метельного карнавала... Они к метелям так привыкли, они много раз испытали еще более бешеные.

На высоких башнях с барабанами ветер, раскачивая тяжелые бревна, ударял ими по барабанам. Рокочущее бормотание барабанов, как предостережение об опасности, о смерти в снегу, разносилось по горам громом.

Гром в карнавале метели. Набат мистики в метельную ночь января.

В огромном зале главного храма в эти часы совершалось великое таинство отрешения людей от мира. Таинство бронзовой религии. В полумраке, сизом от чада сандаловых свечей, скупно поблескивали блики на величавом изображении Грядущего Будды. Статуя была точной копией с изображения находящегося в Таши-Лунпо, в святилище духовного вождя Тибета. Бронзовый Будда сидел на троне, его ноги не были скрещены по восточному обычаю, а одна из них касалась земли. Нога Будды на земле — первая весть о его скором новом пришествии в мир. Весть о наступлении эпохи Шамбалы... Грядущий Будда пока еще в мертвом блеске металла... Перед статуей горели красные свечи... Бесстрастное, безразличное лицо Будды жило светом бликов. Свет свечей освещал только ближние к алтарю колонны, красные, лаковые, блестящие... На них шевелились тени. Казалось, что по ним струится свежая кровь...

А в сумраке храма, совершенно заполняя его, среди колонн блестяли голые черепа монахов, замерших в экстазе молитвы. Перед алтарем — случайный гость храмов острова, монах с вершин Гималаев творил суровое таинство. Одетый в черное, с желтым лицом мумии, он стоял на фоне бронзового Будды и читал певучие заветы отречения от сует мира. Заветы для тех, кто собирался принять в свои сердца великую веру в Будду и стать глашатаем его истин.

Перед алтарем, на каменных плитах пола, стояли на коленях с запрокинутыми головами, с окаменев-

шими лицами — пятьдесят молодых монахов... На головах их, выбритых наполовину, горели свечи. По три свечи у каждого... Тот, кто ради Будды покидает мир, должен твердо перенести это — испытание огнем. И если хотя бы один мускул на лице испытываемого дрогнет, он не достоин познать тайну...

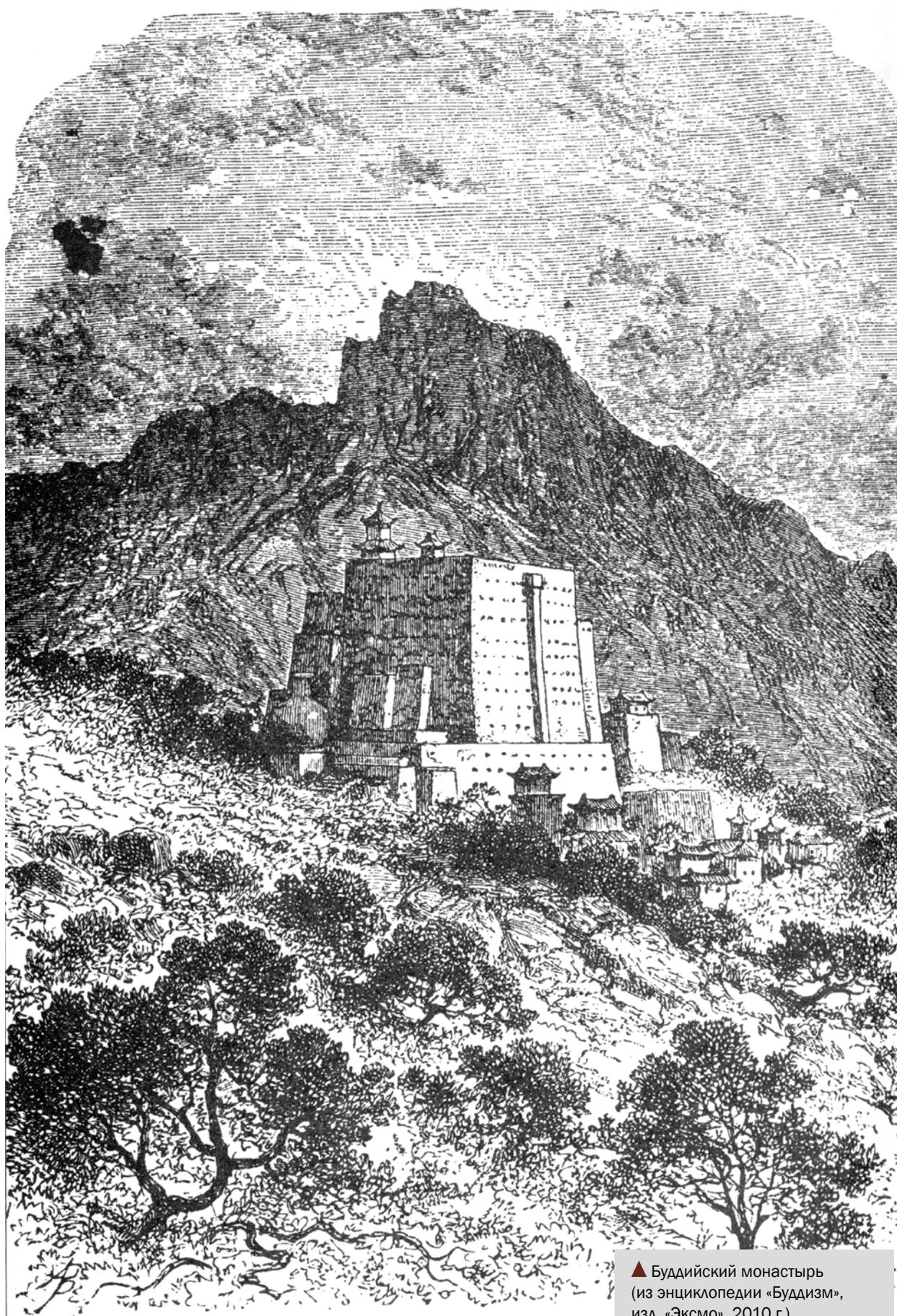
Свечи монашеского обета...

Уже больше часа тянется обряд... Уже больше часа монах-пришелец читает заветы, время от времени сотрясая тишину храма возгласом: «Молитесь, молитесь — ваша сила в вере в него». Уже на многих головах свечи догорают, огонь жжет кожу. Многие от нестерпимой боли, крича, падают на пол и бьются в конвульсиях. Их быстро уносят. На пустых местах остаются черные пятна крови. По храму ползет отвратительный запах гари. Пахнет горелым мясом и паленым волосом... Но бронзовый Будда спокойно и величественно ждет тех, кто достоин приблизиться к нему душой. Все больше и больше пустых мест в рядах испытываемых. Все сильнее, вызывающий тошноту, запах гари. Все чаще монах-пришелец повторяет свой возглас: «Молитесь, молитесь — ваша сила в вере в него!»... И только трое оказались достойными приблизиться к Будде, только трое вынесли испытание: свечи догорели и погасли на их головах, по их лицам струится кровь, кожа на лбах вспухла от ожогов. Лица стали желто-синими. Из сомкнутых глаз текут слезы. Лица бесстрастны и каменно-мертвы... В последний раз прозвучал призыв: «Молитесь, молитесь, ваша сила в вере в него»... Монах с вершин Гималаев подошел к гонгу и опустил руку, нанося сильный удар. И гонг, раскачиваясь, торжественно запел, славя тех, кто перенес испытание. Кто смог вынести боль телесную, заглушив ее волей подвижницеской веры...

Трех победителей подняли и любовно, под руки, подвели к пришельцу, и он, опустившись перед ними на колени, каждому до земли поклонился по три раза...

И в этот момент страшный порыв ураганного ветра распахнул тяжелые двери храма, ворвался с диким свистом, потушив свечи, и истерически захохотал, носясь по святилищу... Огромный диск гонга, раскачиваясь, ударялся о колонну и торжественно пел, заглушая вой ветра, гимн меди, гимн о величии только что совершенного монашеского обета.

Свечи монашеского обета. Таинство бронзовой религии Востока... **У**

▲ Буддийский монастырь
(из энциклопедии «Буддизм»,
изд. «Эксмо», 2010 г.)

фото Н. Калинкина

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

май 2012

Аэлита

50

Законы Вселенной

ИВАН КРАСНОВ
Сорок дней детства **50**

ДИМ СОЛОВЬЕВ
Звездная практика **66**

АРТЕМ БЕЛОГЛАЗОВ
От судьбы **75**

80

Координаты чудес

АЛЕКСЕЙ ЗАЙЦЕВ
Искатель знаний **80**

Сорок дней детства

Маленький магазин с гордым названием «Супер-маркет» приютился на окраине небольшого городка. Если ежедневно ходить сюда за покупками на протяжении пяти лет, то продавщицы будут с тобой здороваться, но так никогда и не поинтересуются, а как же тебя зовут. Возвращаясь со школы, ты будешь делать крюк, чтобы забежать сюда за жвачкой, и станешь называть его «своим» магазином; а если случайно придется покупать буханку хлеба где-то в другом месте, то ты будешь делать это с таким чувством, словно предаешь своего старого друга. Здесь тебе давным-давно все известно и ничего необычного не может произойти. Особенно, если сегодня ты идешь сюда вместе с мамой, покупать продукты для праздничного стола на восьмое марта.

— Мама, а давай купим мандарины?

— Сынок, но сейчас же не Новый Год.

«Сколько раз можно тебя просить, чтобы ты не называла меня «сынком»?»

— Но я хочу мандарин.

— Достань мне, пожалуйста, вон ту банку... Спасибо. Мандарины тебе будут, если деньги останутся. У нас же гости сегодня. Столько всего купить надо... Поставь обратно, она мне не понравилась.

«Это твои гости. Моих там не будет».

— Мам...

— Господи... Ну, возьми пару... Да не эти! Ты же гнилые берешь!

«Они самые вкусные... Ты и в мандаринах ничего не понимаешь».

— Ой... я карточку дисконтную возле зеркала оставила...

Иван Краснов

Родился 20.08.1967 г. в г. Орске Оренбургской области. В 1984 году закончил школу и поступил в Свердловский государственный педагогический институт. Отслужил в СА в 1985–1987. В 1989 г. по семейным обстоятельствам перевелся в Орский государственный педагогический институт. Закончил его в 1992 г. С 1991 г. по 2007 г. служил в УВД г. Орска. Вышел на пенсию в звании майора милиции. С 2009 г. по сегодняшнее время работает учителем информатики в средней школе.

«Началось».

— Так давай без нее.

— Ты что... мы же по ней рублей двадцать сэкономим. Они нам разве лишние?

«Двадцать рублей... обалдеть, какие бешеные деньги... Пойдем, мам, а?»

— Девушка, мы карточку дома забыли, вы нам без нее поверите?

«Мам, ну не унижайся ты так...»

— Я-то вам поверю, а вот что мне с компьютером прикажете делать?.. Вы же где-то поблизости живете? Так пусть мальчик сбегает, пока я чек пробивать не начала.

«Мальчик... тоже мне, нашлась тетенька... Мам, ну не смотри ты так на меня, я уже иду».

— Ох, Валечка, что-то мы сегодня денег много потратили. А отец только послезавтра из рейса вернется... Проживем?

Как прожить в этом мире мальчику, если день его рождения приходится на восьмое марта? И если пятнадцать лет назад родители наградили его таким неудобным именем: Валентин? Что подумает мама твоего одноклассника, если включенный восьмого марта компьютер выдаст напоминание: «поздравить Вальку»? Правильно, она подумает, что у ее сына появилась девочка.

— Проживем... Мам, передай мне эту сумку, она потяжелее... Дай сюда, я тебе говорю!

Валька осторожно спустился по скользким ступенькам магазина и, перевесив на локоть кожаные ручки большой хозяйственной сумки, принялся чистить мандарин.

— Сынок, не бросай кожуру на землю, подожди до урны.

— Мам, а когда я банки открою, можно мне на улицу пойти?

— А гости как же?

— А что гости?... — Вальке удалось очистить мандарин, сняв тоненькую кожицу цельным куском, который был похож на большой оранжевый цветок. Не замедляя шагов, он бросил мусор в урну и, промахнувшись на полметра, виновато взглянул на маму. Но та спокойно шагала дальше, словно ничего и не заметила.

— Ну, хорошо, мам, салаты я вместе с ними поем. Ну, а ведь потом-то я вам уже не нужен буду. Вы ведь тогда уже восьмое марта праздновать начнете, а меня в беседке ждут.

— А ты бы вот друзей своих домой позвал. Посидели бы нормально, отпраздновали...

— Ага, давай посадим за стол Хрыча, а рядом с ним тетю Свету? Они же задушат друг друга через пять минут.

— У тебя в комнате-то как?

— Ты же там еще вчера убиралась. Не успел я там еще ничего сделать... Мам?

— Ладно, пойдешь...

«... — Сергей Николаевич, он мясо есть перестал. Совсем перестал. Прочитал где-то, что все животные разумные, а мы их просто понять не можем. И вот с тех пор: салаты, хлеб с маслом и суп молочный...»

— Ну, вегетарианство само по себе еще никому не вредило.

— Так ведь он же с отцом из-за этого ругается. Обзывает его «пожирателем трупов». Мужу на работу собираться, а у него давление скачет...»

Валька закрыл за собой входную дверь, положил ключи в карман зеленой куртки и стал спускаться по лестнице подъезда, перепрыгивая через ступеньки. Все уже давным-давно было прочитано: четыре прыжка, поворот, ухватившись правой рукой за перила, а потом еще четыре прыжка. И так семь раз. На площадке между первым и вторым этажом надо остановиться на пару секунд и посмотреть в окно на стоящую возле подъезда беседку.

Ну, и кто же там сегодня?

Настька, Хрыч и Бесенок. Все на месте. Интересно, как долго они тут сидят, поджидая именинника? Настька начала звонить Вальке еще час назад.

Вот кто мог бы поспорить с Валькой по поводу неудобного имени, так это — Хрыч. Родители назвали его в честь деда — Харитон. Именно это имя, в соединении с фамилией Рычагов, и дало Харитону прозвище «Хрыч». А Славку — мальчишку с прыщавым носом, на котором примостились

очки с толстыми линзами — называли «Бесенком» просто потому, что он жил в квартире № 666. Кто-то однажды посмеялся, обозвав его Дьяволом, и тут же поправился: «Да какой из этого дохляка Дьявол? Так... бесенок». А Настька... она была просто Настькой. И на любую попытку назвать ее как-то по-другому она говорила: «Я Анастасия! Тебе ясно?» И была готова подтверждать эти слова кулаками, что нередко и случалось.

Валька, Настька, Хрыч и Бесенок. Все учились в одной школе, все жили в одном доме. И все четверо были «китайцами». Не по национальности и не по месту рождения. Девятиэтажка, что стояла на границе города, протянулась своими шестнадцатью подъездами на добрых пятьсот шагов.

«... — Значит, едешь по трассе, а как увидишь Китайскую Стену... Ну, дом там такой здоровый стоит, нельзя его не заметить... Так вот, от него сворачиваешь направо...»

И весь район возле этого дома люди как-то незаметно стали называть Китаем. Про этот район ходили разные легенды, и, надо сказать, что большинство из них были небезосновательны.

«...- Ты что, дура? Он же из Китая!.. Ну, и что с того, что он такой миленький? Они же там все бандиты! Ты разве себе нормального парня найти не можешь?»

Впрочем, проживание в Китае иногда давало свои преимущества:

«...- Стоять!.. Пацан, деньги есть?

— Санек, оставь его. Ты с него больше десятки не вытрясешь, а за этот червонец тебя через час двадцать мужиков пинать будут.

— Так он что, китаец что ли?.. Ладно, иди... Эй, ты! Только не ходи здесь больше, понял?! И своим передай — чтобы не ходили!..»

«... — Вы знаете, Ирина, ведь во всем этом можно найти и положительные стороны. Вегетарианцы обычно бывают очень осторожны со спиртным. Конечно, и они не безгрешны, но если брать общую статистику...

— Сергей Николаевич, да я за это даже не переживаю. У нас пока таких проблем нет...»

— Держи, именинник! — улыбнулся Хрыч и протянул Вальке запаянный фольгой, словно банка сметаны, пластиковый стаканчик с водкой. — Расти большой, веселый и счастливый!

— Блин, вы бы хоть в сторону отошли, — пробурчала Настька, глядя, как Валька крутит в руках подарок. — У всего дома на виду... Ну, чего сидите?! Идем за гаражи!

— Идем, — пожал плечами Валька.

Зеленая деревянная скамейка, неизвестно кем перенесенная из ближайшего парка за гаражи, прислонилась чугунным своим боком к бетонной стене, которая была покрыта граффити в несколько слоев. Если внимательно присмотреться к этим рисункам, то можно было проследить, как менялись с течением времени вкусы здешних обитателей. «Спартак чемпион» уступил место корявой кельтской надписи, а та, в свою очередь, была наполовину закрашена символом Дао. Но вот однажды, поверх всего этого, Валька аккуратно вывел белым спреем: «Make love, not war». Хрыч тогда посмеялся и сказал, что еще несколько таких надписей, и они смогут требовать с владельца гаража деньги за ремонт задней стенки. Но больше они ничего там не рисовали. То ли краска закончилась, то ли вкусы окончательно поменялись.

Валька с Бесенком уселись на спинку скамейки, а Хрыч и Настька остановились рядом с ней. А ведь

совсем недавно они чуть ли не дрались друг с другом за место посередине...

— Давай помогу, — протянул руку Хрыч, глядя, как Валька робко тянет за кончик фольги. — Ты его полностью-то не открывай, это же тебе не йогурт. Ногтем дырочку сделай, и все...

— Я не буду! — тут же заявила Настька.

— А мы тебе особо и не навязываем, — пожал плечами Хрыч. — Да и водка-то теперь уже Валькина. Захочет — сам выпьет, а захочет — нас угостит. Сегодня его день.

Бесенок вздохнул и с горестным видом фаталиста поправил очки. «Предложите — буду, не предложите — не обижусь», — словно говорил весь его облик.

— Давай, Валек...

— А закусить есть чем? — спросил Валька, нерешительно смотря на протянутый ему стаканчик.

— Не барин! — усмехнулся Хрыч. — И так занюхаешь... Да тут всего-то по тридцать грамм на каждого. Даже моя мать не учует, не то что твоя...

— Это ты про что? — и рука Вальки замерла в воздухе, так и не коснувшись стаканчика.

— Ладно, не прикидывайся. Будто бы мы не знаем, от чего она лечится...

Валька моргнул, растерянно посмотрел на Настьку и Бесенку, а потом резко вскочил со скамейки, плечом оттолкнул Хрыча и побежал по тропинке к проходу во двор.

— Эй! — взмахнул руками Хрыч, пытаясь устоять на скользком склоне и при этом еще и не разлить водку. Но стаканчик все-таки выскользнул из его рук и упал на снег. Несколько капель при этом все-таки успели выплеснуться на высокие сапоги Настьки.

— Дурак... — пробормотала Настька и набрала горсть снега, чтобы очистить сапоги.

— Да успокойся ты, Настька, ничего с твоими сапогами не делается. Только чище будут. — Хрыч посмотрел стаканчик на свет, определяя, сколько водки там еще осталось. — Ну, будем считать, что Валька свои тридцать грамм разлил. Давай, Бесенок. За именинника!

— Дурак, — еще раз повторила Настька и отрянула снег с рукавички. — У него же мать не от пьянства лечится.

— А от чего?..

«...- Ирина, давайте все-таки вернемся к вашим проблемам. Расскажите, со времени нашей последней встречи что-нибудь изменилось?»

— Нет, доктор...

— А вы хорошо помните, что я вам советовал на прошлом сеансе?

— Я все делала так, как вы и просили. Но... »

У них с мамой была очень хорошо отлаженная система знаков. Валька доставал из шкафа полотенце, бросал его на кресло в зале и уходил в свою комнату. Там он садился на кровать и запускал какую-нибудь игру на мобильнике, ожидая, когда же захлопнется за мамой входная дверь. И только после этого, забрав с кресла полотенце, мальчик бежал в ванну. Мать возвращалась с улицы минут через сорок, когда Валька уже спокойно сидел перед телевизором или запирался в своей комнате.

Говорят, что можно взять любое латинское слово и, приставив к нему окончание «фобия», получить название болезни, которая есть хотя бы у одного человека на земле. И которая заставляет человека страдать не меньше, чем больной зуб или язва желудка. Страх, от которого выступает холодный пот и замирает дыхание, — от которого бросает в дрожь

и прерывается биение сердца. Валька уже и не помнил, сколько раз он отпаивал мать кардиомином.

Коронофобия. Боязнь обнаженного тела. Эта не та стыдливость, которая есть у каждого нормального человека. Это панический страх, который, если с ним не бороться, превращается в фобию. У каждого человека, страдающего фобиями, болезнь протекает по-разному. Мама спокойно смотрела рекламу, где полубнаженные девицы рекламировали соки или автомобили; и она не вздрагивала от откровенных сцен, которыми были наполнены современные фильмы. Пройдя курс психотерапии, она почти справилась со своими проблемами, и ее муж постепенно стал выходить из состояния жуткой депрессии. Но вот когда Валька шел принимать душ... Ее сын, плоть от плоти ее, там... такой маленький и такой беззащитный. И нельзя ворваться в ванную комнату к пятнадцатилетнему подростку, чтобы убедиться, что там у него все нормально.

Оставив своих друзей на скамейке за гаражами, Валька, не дожидаясь лифта, взбежал на свой этаж и вошел в квартиру. Незаметно проскользнуть мимо сидящих за столом гостей в свою комнату ему, конечно же, не удалось.

Сначала Вальку поймала тетя Света, чтобы пятнадцать раз ласково дернуть за уши. Потом пришлось в очередной раз выслушивать рассказ о том, как он в трехлетнем возрасте порвал меховой воротник на шубе у тети Кати. А потом пришлось сесть между его троюродными сестрами Наташами и сделать вид, что загадываешь желание. Кстати, самая младшая из этих сестер была на двенадцать лет его старше.

И вот наконец-то, протолкнув в себя пару ложек салата, Вальке удалось добраться до своей комнаты, незаметно прихватив с собою телефонную трубку.

— Привет, это Валя... Нет, не надо ее звать, я с тобой поговорить хочу... А у меня сегодня день рождения... Спасибо... Слушай, Ленка, я стихи хорошие нашел, хочешь прочитаю?... Нет, это не я написал, а просто они хорошие...

«...– Доктор, а давайте еще немного про Валечку поговорим? Понимаете, он часами на телефоне висит.

– Ему пятнадцать лет, чего же тут необычного?

– Сергей Николаевич, я все понимаю. Но ведь он же с автоответчиком разговаривает.

– Простите, с чем?

– Ну, Вы слышали, сейчас такие новинки появились? Покупаешь эту штуку, программируешь, вставляешь в телефон, и он твоим голосом отвечать начинает. И не просто: «Вы попали в квартиру...», а его можно так настроить, что он даже на вопросы несложные отвечать сможет.

– Ирина, в наше время подростки в Интернете сидели. А тут вам, пожалуйста, — и голос, и эмоции. Пусть и фальшивые, но произнесенные живым голосом. Я думаю, что у Валентина все это скоро пройдет. Переболев он всем этим. И будет с людьми разговаривать, а не с автоответчиками.

– Скорее бы уж...»

Валька шел по Невскому проспекту.

Он никогда не был в Санкт-Петербурге, но он точно знал, что то место, где он сейчас находится, это — Невский проспект. Валька легко раскрасил каменные плитки тротуара в яркие цвета и убрал подальше бесконечный поток спешащих машин. Потом едва заметным движением ресниц он заметил Казанский собор на собор Парижской богородицы. Во сне человек легко может быть Богом. А сны Вальке снились часто. Картинки были яркими, объемными, и он научился играючи управлять ими

и перестраивать их сюжет по своему желанию. Интерактивные сны.

Пусть сейчас вон из-за того поворота выйдет Она. В легком красном платьице, в том самом, в котором Она была тогда, когда Валька увидел ее в первый раз... Стоп! Какое, к черту, платьице, сейчас же март! Значит, надо просто убрать снег и пусть начинается август. У него должно все получиться. И тогда Валька, не касаясь ногами земли, подлетит к Ней и скажет...

— Молодой человек!

«Это кого же так? Здесь вроде одни бабушки и дети».

Маршрутку чуть-чуть занесло на повороте, и Валька так и не успел сменить время года.

— Молодой человек! Остановку свою не проспите!

Мальчик вздрогнул и заморгал сонными глазами.

«Господи, так это же ко мне... Молодой человек... Ну, все лучше, чем мальчиком в магазине быть».

Окончательно проснувшись, Валька посмотрел в окно. Не хватало еще чего доброго проехать мимо нужного места. Выпрыгнув из остановившейся маршрутки, Валька поправил на плече ремень длинного тубуса и зашагал к большой двери, рядом с которой красовалась черная табличка с золотыми буквами: «Детская школа искусств №2».

— Хоть бы спасибо сказал.

— От них не дождешься! Дармоеды...

«... — А может быть, Ирина, вы просто сгущаете краски? Насколько я понял: у вас с Валентином все не так уж и плохо. Конечно, пятнадцать лет — очень трудный возраст, но, поверьте мне, у многих родителей проблемы со своими детьми-подростками намного сложнее. Вот вы говорите, что он хорошо рисует?»

— Сергей Николаевич, да он в художественную школу только из-за девочки пошел. Думает, что я об этом и не догадываюсь. Это, наверно, он ей и звонит каждый день. Ну, в смысле, — ее автоответчику. А рисунки его... они странные какие-то, Сергей Николаевич. Пятна и разводы какие-то, даже и не понять — что там к чему.

— Ирина, а вы хвалили его работы?

— Что?

— Ну, вы говорили ему, что у него хорошие рисунки?

— А зачем врать-то?..»

Валька убрал тубус и стал вдавливать кнопки в старенький мольберт, закрепляя там большой лист бумаги. Почти законченный рисунок гипсовой головы Аполлона на большом куске ватмана. Последняя работа перед выпускными экзаменами.

Две подружки устанавливали свои мольберты чуть впереди от Вальки.

— Тань, мне какой-то придурок звонит...

Палец Вальки дрогнул, и кнопка сломалась, оставив на бумаге круглый отпечаток.

— И что? — услышал Валька равнодушный голос второй девочки.

— И трубку бросает, когда я отвечаю.

— Влюбился кто-то...

— Да чего «влюбился»? Я счета просмотрела — он за неделю три часа с моим автоответчиком поболтал.

Уши Вальки покраснели, и он сломал еще одну кнопку, пытаясь вогнать ее в дерево мольберта.

— А ты эти разговоры разве не записываешь?

— У меня места нет. Там три полных фильма и клипов — море... Надо бы поубирать оттуда все, да жалко...

— Ленка, у меня диск свободный есть, давай туда все сбросим.

— Давай. Прослушаем, что запишется, вот тогда и будем думать — что делать.

Когда Валька управлял своими снами, то там было все так просто. Подойти, улыбнуться и сказать: «Привет, Ленка! Как дела?» А вот в реальной жизни обязательно нарвешься на ответ: «Ты из Китая? Ну, и катись обратно в свой Китай».

«Не буду больше звонить... Пропади оно все пропадом!» — и Валька сломал третью кнопку.

— Валентин, а ведь вы польстили Аполлону.

Виктор Васильевич называл всех своих учеников исключительно полным именем. Без отчества, конечно, но всегда: «Валентин», «Екатерина», «Елена». Он называл так даже десятилеток, которые пришли в первый класс школы искусств. Наверное, считал, что ребенок, посещающий художественную школу, уже только из-за этого заслуживает уважения.

— Посмотрите повнимательнее на его волосы. Вы словно приделали к его голове чужой парик... Валентин, надо учиться уважать первоисточник. Гипс, конечно, не будет против ваших ошибок, но представьте, что вот вы нарисовали бы таким образом живого человека. И что же он подумает тогда про ваше мастерство?

Валька вздохнул и внимательно посмотрел сначала на установленную на красной ткани гипсовую голову, а потом на свой рисунок. Нарисованные локоны лежали на бумаге совсем по-другому, чем это было на оригинале; они завивались так, как это было на головке сидящей впереди Ленки.

Еще раз вздохнув, Валька достал из пенала ластики.

«... — Ирина, а вы не могли бы привести сюда Валентина? Мне очень трудно давать вам советы заочно, так

и не увидев нашего героя. А судя по вашим рассказам, он довольно интересная личность. Я бы хотел с ним познакомиться.

— Сергей Николаевич, да он сюда ни за что не пойдет... Он говорит, что все врачи, кроме хирургов и стоматологов, — шарлатаны. А все больные — просто придумали себе, что они больны. И что он сам никогда не станет лечиться, чтобы, так сказать, не нарушать естественного хода природы.

— Ох, Ирина, как бы этот мальчик меня и моих коллег безработными не сделал...»

Прозвенел звонок, и ученики начали убирать свои работы в сумки и складывать мольберты.

Виктор Васильевич остановился за спиной Вальки, внимательно рассматривая исправленную шевелюру Аполлона.

— Валентин, а вы рисуете вне школы? Просто так... для себя?

«Видел бы ты нашу стенку за гаражами... Интересно, что бы ты тогда сказал?.. Соврал бы из вежливости про то, что мои работы очень оригинальны?»

— Если у вас есть какие-то работы, — продолжил Виктор Васильевич, наблюдая, как Валька укладывает бумажный рулон в тубус, — мне бы хотелось на них взглянуть...

— Зачем, Виктор Васильевич?

— Я через месяц в столицу собираюсь. Совершу набег по друзьям своим старинным. Хочу похвастаться перед ними своими учениками. Пролистайте дома свои папки, может быть, подберете для меня что-нибудь интересное. Я ничего, конечно, обещать вам не могу, но, а вдруг?.. Среди моих московских друзей есть очень известные люди. Вы, кстати, не думаете продолжать рисовать после того, как закончите школу?

«Думаю, конечно же, думаю об этом. И уже не могу без кисточки. Но вам, взрослым, это не нравится. Даже мама мои работы мазней называет».

— Мама говорит, что рисование меня не прокормит. — Валька уже закончил собираться и теперь стоял перед учителем, придерживая одной рукою сложенный мольберт. — И что мне надо серьезную профессию себе выбрать; а если уж я собирался и дальше рисовать, то надо учиться рисовать людей, а не их ощущения.

— Искусство вас не прокормит, Валентин, только в том случае, если вы будете валяться на диване, пить водку и рассказывать собутыльникам о своей непризнанной гениальности. Поверьте, таких людей очень много в нашей стране, и мне не хотелось бы...

«Что ж ты не сказал «в твоём Китае»? Ты ведь именно про это сейчас подумал...»

— Хорошо, Виктор Васильевич, — перебил Валька учителя и поднял мольберт, собираясь отнести его в угол аудитории; туда, где они лежали по ночам, ожидая начала уроков, — я посмотрю, что там у меня есть. Только... мои рисунки никому не нравятся.

— А вы кому их показывали?

«Да, собственно говоря, еще никому... только маме».

«...- Почти все люди в этом возрасте пытаются самоутвердиться, Ирина. Вы еще не думали подыскать для него какое-то занятие? Курьером, например, или почтальоном?»

— Он прошлым летом в гараж ходил. Муж с начальством договорился: мы ему свои деньги через кассу отдадим. Как будто это — его первая зарплата. Ему тогда четырнадцать было. А Валечке там кто-то рассказал про все это... Он тогда скандал и устроил. А теперь про работу и не заикается...

— Ирина, я вам выпишу направление к эндокринологу.
— Зачем?

— Современные препараты иногда творят чудеса. Хотя в таких вопросах и они не всегда помочь могут... Объясните там свою ситуацию, и, может быть, вам что-нибудь умное и присоветуют...»

«— Ну, что ж, юноша... Подъезжайте завтра к девяти. Посмотрим, на что вы способны.

— Я не могу к девяти, я еще учусь. А по вечерам у вас работы нет?

— Нет. Закончите школу, вот тогда и подходите...»

«— Простите, но ведь тогда я больше половины зарплаты буду за проезд платить.

— Ну, что я вам могу сказать, молодой человек? Поищите работу поближе к дому...»

«— Валька, ты, говорят, работу ищешь? У Гоблина всегда подработать можно.

— Хрыч, да пусть он пойдет, попасется, с такой работой... У него полгода пошикуешь, а потом полжизни будешь зону топтать. Ладно, спасибо, конечно, но не суетись — переживу как-нибудь.

— Ну, смотри. Я второй раз тебе предлагать не буду...»

«...- Ирина Александровна, эти препараты прошли все испытания, и мы получили лицензию на их применение. Вот, если хотите, можете взглянуть на документы...»

— Мне почему-то страшно...

— Это не страшно, это просто немного необычно. Действие гормонов на организм человека сейчас уже очень хорошо изучено. Принесите мне анализы вашего ребенка, расскажите мне о его детских заболеваниях, и я точно смогу вычислить, каким будет у него гор-

мональный срез тогда, когда ему исполнится двадцать лет. И мы с большой точностью подберем для него нужные дозы.

— Я с мужем посоветуюсь.

— Обязательно посоветуйтесь. Только, прошу вас, не питайте пустых надежд. Эти гормоны не сделают вашего ребенка ни старше, ни умнее; они просто сгладят некоторые трудности переходного возраста. Ваш сын больше не поедет автостопом за триста километров, чтобы искупаться в Волге и тут же вернуться обратно; но это не означает, что он сломя голову побежит записываться в библиотеку. Он перестанет бить девочек портфелем под зад, но вот научить его подавать им руку при выходе из маршрутки сможете только вы сами. Можете считать, Ирина Александровна, что все это просто хорошее успокоительное, сроком на целых пять лет.

— Боюсь, что Валечка на это не согласится. А это нельзя сделать как-нибудь... тайком от него?

— Ну, во-первых, это незаконно — вашему сыну уже пятнадцать лет и тут необходимо его согласие. Да и клятву Гиппократа пока еще никто не отменял. А, во-вторых, как вы себе представляете пятнадцать скрытых инъекций? Это же не порошок в утренний чай подсыпать».

Весенняя оттепель сгоняла с крыш гаражей большие кучи снега, и падающая вода уверенными мазками вносила свои коррективы в рисунки на стене. Большие мокрые пятна словно проявляли картинки, делая их более насыщенными. Словно сама Весна выступала сейчас в роли критика и соавтора.

Возвращаясь из художественной школы, Валька заглянул за гаражи и, увидев одинокую фигуру девочки, пошел к скамейке.

— Привет. У тебя спички есть? — Настька сидела на скамейке, равнодушно утаптывая носком сапога рыхлый мартовский снег. — Блин, Валька, сколько раз тебе говорить, что даме зажженную спичку подносят, а не коробок под нос суют.

«Дама... ты бы сигареты с фильтром начала курить, тогда, может быть, и станешь дамой».

— Ну, извини... — и Валька послушно чиркнул спичкой. — Повторишь это еще раз двадцать, тогда, может быть, и запомню.

— Дождешься от вас, как же...

Валька уселся рядом и старательно поворачивал нос в сторону от табачного дыма. Курить, в отличие от почти всех его одноклассников, он так и не начал.

Настька была старше Вальки на двенадцать часов. Когда-то, пятнадцать лет назад, две женщины лежали в одной палате роддома. Там они рассказывали друг другу свои ощущения от первой беременности, — там им обеим говорили, что у них будут девочки, — и там они мечтали, как вместе будут расти их дети, а они будут их сравнивать и хвастаться друг перед другом первыми зубками, первым шагом, первым словом. Сначала родилась Настька, а мальчик, появившийся на другой день, получил имя Валентин. Врачи иногда ошибаются в своих прогнозах. А потом, пару лет назад, врачи ошиблись еще раз, и мать Настьки умерла. Никто не верил, что в двадцать первом веке можно умереть от аппендицита. Того горе-врача, кажется, осудили или, может быть, просто отобрали у него лицензию. Валька даже не знал точно, чем там закончилось дело.

— Что нового, Насть?

— Э-э-э, — как-то брезгливо поморщилась девочка, крутя пальцами сигарету.

— А у меня мать по врачам бегает, — неожиданно для самого себя признался Валька.

Настька мельком взглянула на друга, а потом отвернулась, рассматривая, как весенняя капель, падая с крыши гаража, пытается стереть слово «war».

— Может быть, до чего-нибудь и добегаются... — продолжил Валька.

— А ты случайно не знаешь, этой болезнью как-нибудь заразиться можно? — У них с Настькой до последнего времени не было секретов друг от друга, и она прекрасно знала про страхи, преследующие Валькину мать. — Я бы вот папочке своему с превеликим удовольствием такую заразу подкинула...

— Чего-о-о? — удивленно протянул Валька.

— Того самого! — неожиданно закричала Настька. — Знаешь что, Валечка...

«Во как... Ты никогда меня так не называла. Слово мама моя сейчас это говорит».

— ...раздула она свои проблемы — дальше некуда! — продолжала Настька уже немного потише. — Подумаешь, матери приходится на улицу уходить, когда он в душ идет. Я вот из дома убегаю, когда отец раньше бабушки с работы приходит... Чего так смотришь?! И бабушка — тоже хороша. Ни за что не поверит, что ее любимый сыночек может ее любимую внучку за коленки хватать и под юбку к ней лезть... А если уж ты, хиппушка проклятая, не знаешь, от кого своего сына родила, так хоть внучке про это не рассказывай. Дети цветов... Весь мир хорошо любить в двадцать лет, но не в шестьдесят пять.

— А заявить на него? — решил дать совет Валька.

— Ага, — мрачно кивнула Настька. — Говорила я с участковым. Он на прорези в моих джинсах посмотрел и сказал: «Знаете что, дамочка, разбирайтесь-ка со своими мужиками сами. Вот

когда вас убьют или изнасилуют. У меня на участке восемь трупов за месяц, а тут еще ты со своими проблемами».

Рост у Настька был метр восемьдесят, и она без труда разбиралась с одноклассниками, осмелившимся дернуть ее за косички. Но вот справиться с отцом, который был на пятьдесят килограммов ее тяжелее...

Девочка вскочила со скамейки и, сделав последнюю затяжку, припечатала окурочку точно посередине буквы «о» в слове «love» на стенке гаража.

«Точно в десятку», — отложила эта картинка в памяти Вальки. — «Любовь, расстрелянная сигаретами. Надо как-нибудь нарисовать».

— Пропади оно все пропадом... — повернулась Настька спиной к стенке, но глядя не на Вальку, а куда-то себе под ноги. — Дожить бы до того, как девять классов закончатся, да сбежать отсюда. Куда угодно — в любое училище, где общежитие дают. Хоть мотальщицей, хоть верстальщицей.

— Настька, ты ж на медаль шла, какое тебе, к черту, училище?

— Простое. В институт и после училища поступить можно. Только бы из этого Китая долбаного подальше уехать. Валь, я ведь даже дни считать начала. Хочешь, скажу, сколько сейчас дней до двадцать второго июня остается?

— А ты чего до июня-то считаешь? В общежитие в августе заселяют. Только после того, как в училище зачислят.

— Что, правда?

«...- Я даже не знаю, как мне с Валечкой заговорить об этом.»

— Ну, тут, извините, не мне вам советовать... А вы, Ирина Александровна, возьмите вот эти брошюр-

ки. На диван их бросьте, чтобы они там на глаза ему попались. Или в туалет.

— Куда?

— В туалет. Извините за интимные подробности, но, когда сидишь на унитазе, можно почитать все, что угодно: от Толстого до теории вероятности. Я вот именно таким образом своим детям книжки нужные и подбрасываю. По крайней мере, точно знаю, что они друг с другом хоть там, но все-таки встретились. Я думаю, что и Валентин там обо всем и прочитает. А потом как бы невзначай спросите у него: где эти брошюрки, мол, вам их отдавать надо; и поинтересуйтесь, что же он про все это думает...»

Валька сидел на детской карусели и лениво покачивался из стороны в сторону, чуть отталкиваясь ногами от земли. Два малыша лет пяти подбежали к карусели и замерли, восторженными глазенками рассматривая Вальку.

«Ну, давайте», — думал Валька, старательно повернув голову в сторону от детишек. — «Попросите меня, и я тут же слезу... Скажите: «Дяденька, дай покататься». Что мне, жалко, что ли? Я же не злой».

Но мальчишки молча постояли еще несколько секунд и побежали обратно к зеленым качелям.

«Ну, как хотите... Я не виноват».

Валька оттолкнулся еще раз ногами, но карусель почему-то не поддавалась. Повернув голову, он увидел Бесенка, который с другой стороны карусели поставил ногу на сиденье.

— Привет, — сказал Валька, не поднимаясь с места. — Чего стучал?

Они жили в разных подъездах, но на одном этаже; и их комнаты имели общую стенку, через которую очень удобно было перестукиваться. Услышал сигнал, пару раз стукнул в ответ и — бегом вниз.

— Менты Хрыча поймали. — Бесенок убрал ногу с карусели и уселся на сиденье, предварительно стряхнув с него снег.

— За что? — выдохнул Валька.

— Он к Гоблину на рассылку пошел. Ты же тогда отказался, а он вот...

— Может, обойдется все? Ему же еще пятнадцати нет.

Хрыч был самым младшим из этой четверки — день рождения у него был в сентябре. Он пошел в школу, когда до шести лет ему не хватало всего пяти дней.

— Не обойдется, — мрачно ответил Бесенок. — У него десять доз на кармане нашли. И вены у него чистые — кто же поверит, что вся эта дурь для собственного употребления была. А вот за сбыт ему теперь по полной зарядят, не посмотрят, что малолетка.

— И чего делать?

Бесенок молча пожал плечами и легонько оттолкнулся ногами, качнув карусель в свою сторону.

— Мать его прибежала, спрашивала, нет ли у нас знакомого адвоката, — сказал Бесенок через секунду.

Они просидели так с полчаса, перебирая все возможные варианты для Хрыча. Начиная от взятки следователю и заканчивая избиением Гоблина. И даже совсем фантастическим предположением, что все обойдется и Хрыча отпустят просто так.

А потом, исчерпав все идеи, они сидели молча, несильно раскручивая карусель.

— Настька знает?

— Я еще ей не говорил, — вздохнул Бесенок. — Но она ведь все про всех самая первая узнает.

Весенний день, значительно прибавивший в объеме, подошел к концу, и в окнах Китайской Стены

стали загораться вечерние огни. На быстро темнеющем небе стали проклевываться первые звезды. Кстати, звезды здесь светят совсем по-другому — гораздо ярче, чем в центре города; но вот только Китай от этого лучше не становится.

— Бесенок, — наконец-то произнес Валька, — ты про гормоны взросления чего-нибудь слышал? Я про них недавно прочитал, а теперь вот думаю.

— Слышал, — отозвался Бесенок. — Ерунда полная. Мы с Хрычом их прокололи себе в декабре и — никакой разницы. Только деньги зря потратили.

— Прокололи? — напрягся Валька. — А мне вы почему ничего не сказали?

— А мы что, за каждый свой шаг перед тобой отчитываться должны?

— Ах, ты!..

* * *

Валька повернул кран и, отжав под струей холодной воды бумажную салфетку, прижал ее к правому глазу.

«Ничего себе... Дохляк-дохляком, а с левой вмазал — мало не показалось».

Салфетка согрелась, и боль в виске снова напомнила о себе резкими толчками. Валька выбросил в урну сморщенный комок бумаги и достал из пачки новую салфетку.

«Накачался гормонами и кулаками размахивает... А хотя, он-то чего? Я ж первый полез».

Отражение в зеркале подсказало Вальке, что его глаз к ночи опухнет и нальется фиолетовым цветом.

«Ну, ему тоже хорошо досталось... А зубы у него крепкие», — подумал Валька, разглядывая отметки на костяшках правого кулака.

Прислонив щеку к холодному стеклу зеркала, Валька внимательно прислушивался, как боль сначала уходит, а потом возвращается с новой силой.

«Ничего... Настька нас помирит. Она всех хорошо мирить умеет. И ведь даже обиды потом никакой не остается».

Валька сплюнул в раковину и посмотрел, как кровавая точка закрутилась под напором воды.

«Надо бы с мамой поговорить... Может, найдем как-нибудь деньги... на взросление».

«...- Да, Ирина Александровна, вы так не удивляйтесь — это не очень и дорого. Мы же не собираемся полностью перестраивать организм, как это происходит, например, при смене пола. Просто мягко нажимаем на кнопочки, и планка эмоций и восприятия вашего ребенка мягко перемещается с отметки пятнадцать лет на отметку в двадцать. И за сорок дней приводим его к тому состоянию, к которому он придет и сам по себе, но только за пять лет. Мы всего лишь немного подталкиваем процессы... Вы уже поговорили с мальчиком?»

— Да, он согласен.

— Вот и замечательно... Могу записать вас на среду, на после обеда. Это вас устраивает?..»

— Ну, что ж, Валентин... Первые пять инъекций — пробные. Мы их называем пристрелочными. Будем их делать по одному уколу через день. Посмотрим на реакцию организма, понаблюдаем за эффектами... Если что-то пойдет не так: ну там аллергии всяческие могут вылезти, — все это обязательно нужно будет приостановить. А если все будет нормально — десять дней перерыва и десять основных уколов, точно так же — через день. На весь курс — сорок дней... Ирина Александров-

на, сюда можно со своими шприцами приходить. И еще... вы, мамаша, препараты сразу на весь курс не покупайте. Мало ли что... Вы пока купите первые пять. А там — посмотрим.

— Скажите, а обратно нельзя?

— Что обратно?

— Ну... из сорока лет — обратно в двадцать проколется?

— Проколется можно. Только это вряд ли вам поможет. Гормоны могут многое, но вот камни из почек они вам не уберут и от лишних килограммов не избавят, да и зубы от них новые не вырастут. Вот и подумайте — какой тогда смысл колотиться?

* * *

— Алло, Валечка? Как ты там, сынок?

«Плохо мне, мама. Очень плохо. Мне сны перестали сниться. Все сразу. И ведь уже целых две недели — ничего. С самого первого укола... Но разве для вас, взрослых, это важно?»

— Да пойдет... Мам, у меня пальцы на ноге судорогой сводило.

— Сильно?

— Не-е-е... Только один раз было. Я ступню растер — и все нормально.

— Надо в понедельник об этом доктору сказать.

— Скажем...

«Ну, не бросай трубку, мам. Поговори со мной еще немного».

— Сынок, я через два часа дома буду. Тебе чего купить?

«Мама, привези мне котлету. Самую обыкновенную. И пожарь ее так, чтобы она чуть подгоревшей была, а внутри — мясо нежное».

— Не знаю, мам.

— Ладно, Валечка, я придумаю что-нибудь...

Валька отложил телефон и снова улегся животом вниз поперек кровати в своей комнате. Посередине комнаты на полу были уложены Валькины рисунки. И мальчик, уложив голову на локти, переводил взгляд с одного листа на другой. Он просматривал рисунки, отбирая их для Виктора Васильевича и... не мог ни на чем остановиться. Ему не нравилась ни одна его работа. Даже те, которые он считал гениальными еще неделю назад.

Вместо рисунка, изображающего послеобеденную сонливость, Валька видел теперь только желтый круг и восемь коричневых полосок. А радужные пятна другой работы ну никак не хотели складываться в весеннее настроение.

«Этот... этот можно совсем выбросить». — И свет на одном из листков чуть померк, словно сознание Вальки вынесло окончательный приговор и вытолкнуло работу ряда достойных внимания. — «А вот здесь надо все переделать. Подобрать другие краски... побольше желтого. Может, тогда и удастся как-нибудь спасти его».

Краски на лежащих работах выключались, словно кто-то убавлял до минимума цветность на экране телевизора. И взгляд Вальки уже не возвращался к этим работам.

«Нет, ну, ведь надо же все-таки что-то выбрать... Или, может быть, мама тогда была права? И я, действительно, ничего не могу?»

Последний, еще «непогасший» листок — рисунок сладкого зеленого чая — всеми силами пытался заинтересовать Вальку своими разводами, но угас вслед за своими товарищами и превратился в разлинованную желто-коричневыми полосками бумажку...

Оставленная на кровати после разговора с мамой телефонная трубка вздрогнула и зазвонила.

«Мама? Ты просто придумала, что мне купить, или звонишь, чтобы еще раз узнать, как у меня дела?»

— Алло.

— Валя, это ты?

Валька перевернулся на кровати и сел, поставив босые ноги на рисунок весеннего настроения. Он слышал этот голос каждый день уже полгода. С того самого дня, как узнал, что Ленка поставила программируемый автоответчик. Машина не может сама набрать номер, и голос на другом конце провода, вне всякого сомнения, принадлежал настоящей живой Ленке, а не ее телефону.

— Я.

— Это Лена Хомякова. Валь, я чего тебе звоню: Виктор Васильевич все еще на больничном. Он твой телефон разыскивает — сказать, что ты завтра можешь для него какие-то там рисунки не принести...

«Лена, а у тебя голос изменился... Я его так спокойно слушаю. Как будто мне мама звонит... или Настька. Ты, наверное, как полгода назад автоответчик записала, так его и не обновляла».

— ...ну, так я передала, — закончила говорить девочка.

— Спасибо, Лен...

— Валь?

— Да.

— А ты случайно не знаешь, откуда в моем телефоне твой номер записан? Мы вроде бы с тобой не общались.

— Не знаю, — соврал Валька. — Лен. Скажи мне, пожалуйста, как Виктору Васильевичу позвонить.

И мальчик записал карандашом длинный номер прямо поперек послеобеденной сонливости...

Потом, отложив в сторону трубку, он потянулся к рисункам и, раздвинув по сторонам тонкие листки, уложил посередине пола еще одну работу.

Портрет Ленки. Он рисовал его дома по вечерам, вытаскивая из своей памяти линии губ и бровей и укладывая их на лист; а потом, на уроках в художественной школе, снова напрягал память и сравнивал рисунок с оригиналом. Валька никому еще не показывал этот портрет, хотя думал, что это — одна из лучших его работ.

«Как там говорил Виктор Васильевич? «Вы польстились первоисточнику»? Это ведь тоже исправлять придется. Или просто выбросить? Вот просто взять и выбросить? Да забыть про все?»

Линии на рисунке поблекли и словно слились с фоном. Наверное, солнце немного сдвинулось на своем пути и освещение комнаты изменилось. А, может быть, Валька просто стал смотреть на все немного по-другому.

На вешалке возле входной двери в кармане куртки зазвонил мобильник, и Валька поднялся с кровати и вышел из комнаты, прошлепав босыми ногами по стопке лежащих на полу рисунков. Одна из работ прилипла к его пятке, и Валька, не останавливаясь, потряс ногой, сбрасывая ее.

«Хрыч?» — удивленно подумал он, глядя на экранчик. — «Его что, все-таки выпустили?»

— Алло...

— Здравствуйте, а Валю я могу услышать? — голос девушки звучал как-то удивленно.

«Блин... Звонок с телефона Хрыча — это еще не звонок самого Хрыча. Интересно, у кого это он свой телефон оставил?»

— Это я.

— Ой... Простите, я думала...
«Ну, давай! Говори! Ты думала: что в списке абонентов Валя — это девочка».
— ...а хотя... так даже лучше. Валя, простите за беспокойство, вы не подскажете, где мне найти Харитона...
«Харитона? А, ну да... Хрыч ведь по паспорту — Харитон... Ну, лапонька, ты его еще долго найти не сможешь. Еще лет пять как минимум».
— ...а то он у меня свою трубку оставил. Я думала, что он заедет за ней, но ведь уже почти три недели прошло.
— Он уехал, — неожиданно для самого себя соврал Валька. И ведь соврал так спокойно, как никогда раньше у него не получалось.
— А как же мне быть с телефоном? — Голос девушки явно не был расстроенным. Ну, уехал Хрыч и уехал. Велика важность.
— Оставьте себе.
«Господи, чего это я к ней «на Вы» обращаюсь? Она же, наверное, такая, как и мы с Хрычем».
— Вы что?! — ужаснулась девушка. — Он же кучу денег стоит! Я удивляюсь, как это Харитон мог про него забыть... А его никак нельзя найти?
— Нет, нельзя...
— И что же мне теперь делать?
Валька мысленно пожал плечами и сказал:
— Отнесите родителям Хры... э-э-э, Харитона.
«Опять... опять на «Вы».
— А можно мне его вам отдать? Я его родителей ни разу не видела.
— Хорошо, давай встретимся...
«Ни за что ведь не приедет...»
— ...через полчаса на остановке Хмельницкого?
«Все... Сейчас она скажет: «Китай... Фу-у-у...»
А если не скажет, то — подумает».

— Ой, а можно... — и девушка замешкалась только на секунду, — ... через час? В четыре часа — прямо на остановке, хорошо? Я позвоню еще раз, и вы меня узнаете...

«Один час... Пятнадцать минут на сборы, пять минут на ожидание маршрутки. Значит — на дороге сюда ей надо полчаса, и значит — она живет где-то в центре».

— Хорошо...

«Блин, надо хоть было спросить, как ее зовут...»

Вернувшись в комнату, Валька набрал номер учителя, записанный прямо на рисунке:

— Виктор Васильевич?.. Это Валя звонит... Да-да, он самый. Как ваше здоровье?.. Да, она мне все рассказала... Виктор Васильевич, я по делу звоню. Вы не знаете, у участковых милиционеров есть какой-то начальник? Мне его телефон нужен... Да не случилось ничего. Вернее, случилось, но не со мною... Нет, я к своему не пойду, мне их командир нужен... Спасибо, я попозже перезвоню. Выздоровлявайте.

* * *

Четыре прыжка, поворот, ухватившись правой рукою за перила, а потом еще четыре прыжка. И так семь раз. Хоть здесь ничего не изменилось.

И вот Валька уже на остановке.

«Рано пришел. Еще минут пять как минимум... А если она опоздает, то — все пятнадцать».

— Валька, привет!

Из подошедшей маршрутки вылез Бесенок. Настька помирила их практически в тот же день. Синяки и кровоточащие десна давно прошли.

— Привет. Ты откуда?

— От Хрыча. Он в «Ростке» сейчас...

«Росток». Центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей. Туда помещают тех, кого из-за возраста невозможно посадить в камеру, а домой нельзя отпустить из-за тяжести статьи.

— А чего без меня? — расстроено спросил Валька.

— Я звонил, а у тебя занято было... Поехали завтра? Он ждет.

— Поехали...

— Ты-то как, Валек? Настька говорила, что тебе гормоны начали колоть?

— Нормально, — махнул рукой Валька. — Только... Представляешь, мне мандарины перестали нравиться. Мать мне вчера целый килограмм принесла. Я раньше мог его съесть за один присест, а теперь. Три штуки пропихнул — и все... даже уже затошнило.

— Пройдет. Мне когда их кололи, то я на сладкое смотреть не мог. — Бесенок был неисправимым сладкоежкой. — Ладно, Валек, побегу я. Мать звонила — я ей дома зачем-то нужен.

— Слава! — окликнул Валька друга, когда тот уже сделал несколько шагов от остановки.

«С чего бы это я его по имени назвал? Он же Бесенок. Просто Бесенок. Как был Бесенком, так, наверное, навсегда и останется. По крайней мере — для меня».

— Да?

— А ты дни считаешь?

— Зачем?

— Не знаю, — Валька на секунду повернулся к дороге, где из-за дальнего поворота вырулила маршрутка. Если эта девочка не опаздывает, то она должна приехать сейчас. — Настька вон дни до свидательства считает. Хрыч... Ну, Хрычу теперь

до суда, а потом — до окончания срока считать. Мне вот еще двадцать дней до конца уколов осталось. А ты?

Славка-Бесенок пожал плечами:

— А за меня уже родители все посчитали. Школа, институт, работа... Я когда только родился, они уже первую сотню отложили на мое обучение. Жалко расстраивать.

— Скучно живешь, Бесенок.

— Как умею...

* * *

— Мам?.. Алло, мам, у меня батарейка на телефоне села, и я с автомата звоню... Мам, у меня все хорошо, я жив и здоров... Мам, ну ведь еще восьми нет! Я сейчас одного человечка до дома провожу и приеду... Какое такси? У меня шесть рублей в кармане... А тот полтинник я только что потратил... Приеду — расскажу на что... Мама, я в десять часов буду дома. Честно!.. Мам, не ругайся... Хорошо... Мама, у меня там в комнате бардак небольшой. Я сам все уберу, только ты ничего там не трогай. Мне завтра рисунки надо будет показать... Нет, не Виктору Васильевичу, а другому человеку... Мам, да все хорошо, успокойся... Мам, я трезвый... Мама, а давай в понедельник не пойдем в больницу?.. Вот просто так, возьмем — и не пойдем. Ты же еще уколы оставшиеся не купила?.. Вот и не покупай... Хорошо, он завтра вечером из рейса вернется — тогда и поговорим... Только я в больницу все равно не пойду... Мам, давай я буду стареть своим ходом? Как природой положено... Ладно, мам, я тебя тоже люблю... ❏

Звездная практика

Школу имени Игоря Петровича Волка построили на верхних этажах одного из высотных домов в центре города.

На крыше здания располагались стадион, бассейн, открытые аудитории и большой зоосад, где в клетках держали экзотических животных. С высоты птичьего полёта это выглядело завораживающе: я видел фотографию на одной из открыток, что дарили нам на очередную годовщину школы. Но живую посмотреть на строение сверху мне ещё ни разу не удавалось.

Из нашего класса был виден горизонт и крыши других построек. Нам везло: можно было немного отвлечься, пока учитель монотонно бубнил об основных направлениях экономического и социального развития СССР, озвученных на 41-м съезде КПСС. А этажами ниже, где занимались младшие классы, взгляд утыкался в стены напротив, в зеркальные поверхности окон, за которыми невозможно было что-либо разглядеть.

Школа была специализированной: нас готовили к поступлению в промышленно-космическое училище. Профессии, связанные с космосом, всегда считались престижными, но были трудными и рискованными, поэтому серьёзную подготовку начинали уже со школьной скамьи.

Предполагалось, что мы в детстве мечтали стать пилотами межпланетных кораблей, но такими оказывались далеко не все. Кого-то родители отдавали учиться сквозь скандалы и слёзы. Таким был мой друг и сосед по парте Паша. Он вечно витал в облаках, постоянно что-то рисовал, сочи-

Дим Соловьев

Родился в 1985 г. в городе Арзамас-16 Нижегородской области, ныне город Саров. Окончил общеобразовательную школу, училище искусств по специальности «резчик по дереву». Получил высшее профессиональное образование по специальности «системный программист», получает высшее образование по этой же специальности, работает дизайнером в типографии.

нял. Короче говоря, Пашка был ещё тот романтик и носил гордую кличку Шекспир. Правда, внешне он больше напоминал Есенина. У Паши были такие же кудряшки, задумчивый взгляд и большие ресницы. К тому же, кто выбирает свои прозвища? Как прилипнет, так и останется.

Даже к старшим классам Паша не исправился: приходилось вечно подтягивать его по точным наукам, а он, в свою очередь, помогал мне с гуманитарными.

В таком симбиозе мы и существовали все 11 классов. И, надо сказать, довольно успешно. Оба шли на красную медаль, что позволяло поступить в училище без экзаменов, но Паша всё надеялся, что сумеет переубедить родителей и попадёт в литературный.

Учебный день заканчивался, оставались считанные минуты до конца занятия. Пытаясь скоротать их, я смотрел в окно. Как раз с городского космодрома взлетели пассажирские корабли до базы на Марсе — обычное дело в конце недели — и три ярких шрама разрезали облака на горизонте. В классе зашептались: видимо, не один я отвлекся от доски. Сергей Петрович, высокий, стройный, всегда одетый с иголочки, прервался и закашлялся, обращая на себя внимание. Он преподавал историю и параллельно был нашим классным руководителем.

Шёпот в кабинете затих.

— Ближится конец года, — начал учитель. — Всех вас ожидает практика. На последнем комсомольском собрании, как вы помните, Каримова и Ежова было предложено отстранить от её прохождения, но в итоге мы пошли ребятам навстречу и решили допустить их. Наша практика будет проходить на главном рудодобывающем комбинате страны в Поясе астероидов. Это большая гордость для нашей школы.

В классе вновь стало шумно.

— На выходных, ребята, готовьтесь морально, не забудьте предупредить родителей. В понедельник на собрании мы обсудим ключевые моменты. А стартуем, по плану, в пятницу.

Возникла пауза, которая требовалась, чтобы переварить сказанное, а после уши резанул свист и радостные крики. Под потолок полетели планшеты, которые заменяли нам тетради и учебники. Устройства выпускались специально для школ и были казённым имуществом, поэтому конструкторы постарались на славу, и, чтобы вывести планшет из строя, требовались как минимум молоток и наковальня.

Мы переглянулись с Пашей. Я улыбался, а он, видимо, ещё не до конца осознал, что нас ждало впереди. Удивительное приключение, прекрасный подарок к концу учебного года. Это вам не в расчётных мастерских на Земле сидеть, а настоящая сложная и опасная работа.

— Эй, Шекспир, смотри не навали при перелёте, — крикнул Пашке с задней парты Марлен Каримов и картинно заржал. Пашка постоянно критиковал Марлена на собраниях, поэтому тот страшно его недолюбливал, не упуская ни единого момента, чтобы задеть Пашу или как-нибудь обидеть.

Вообще Каримов с Ежовым были жуткие разгильдяи и дебоширы. Учились они абы как и выглядели ужасно. Школьный пиджак Каримова украшали нашивки с эмблемами групп тяжёлого дабстепа, которые он постоянно менял, видимо, собирал коллекцию. На руках Марлен носил свтящиеся браслеты с шипами, на шее — цепочку толщиной в палец. А такую причёску, как у него, мы в детстве называли «я у мамы дурачок». Волосы были то ли грязными, то ли измазанными гелем и торчали в разные стороны.

— Сам не обделайся, ушлепок! — ответил я ему.

Марлен погрозил мне кулаком. Паша покраснел: он всегда болезненно реагировал на издёвки Карима, что ещё больше того забавляло.

— Мы летим, Паш! Понимаешь? Летим! — потряс я его за плечи. — А на этого дурака плюнь. Он всё никак не повзрослеет.

Коммуникаторы на запястьях завибрировали, сообщая, что урок закончен.

— Принимаем домашнее задание, — сказал Сергей Петрович. — Просто почитайте, спрашивать перед практикой не буду.

Ребята послушно запустили получение задания. Проконтролировав передачу, учитель сказал:
— Теперь все свободны, увидимся в понедельник.

Вечером за ужином я рассказал родителям о предстоящей практике. Мама сразу же разохалась.

— Ничего хорошего, что вы там практику будете проходить, — поддержал её папа. — Странное место — эта рудодобывающая станция.

— А что в ней такого странного? — спросил я.

— Знаешь, Илюш, когда на Марсе только строилась база, начали изучать пояс астероидов и решили запустить там станцию, наши корабли были не такими мощными и работали совершенно по другим технологиям. А потом, буквально за два года, Советский Союз сделал рывок в космической индустрии. И другим странам за нами было уже не угнаться.

— А при чём тут Пояс астероидов и станция?

— Так вот тут-то и кроется весь секрет. Информация, конечно, была жутко засекречена, но всё равно слухи просочились. Я тогда занимал в конструкторском бюро не такую высокую должность и не торчал один в кабинете, а среди простых работников слухи, знаешь, похлеще всякого интернета разлетаются. Тем более, наш профиль.

— Ну и... — поторопил я.

— На одном из астероидов нашли космический аппарат, которому оказалось несколько сотен лет. Сначала подумали, будто это инопланетный корабль, но, когда провели анализ, стало ясно, что он из будущего. То есть построен человеком, на Земле.

— Ну, ни фи́га себе...

— Что ты ребёнку мозги пудришь, — вмешалась мама.

— Корабль разобрали до винтика. И на основе его технологий стали производить новые. Вот так-то.

— Чудеса, да и только. А что, пилот — человек из будущего? — спросил я.

— В кабине нашли останки космонавта.

Не знаю, что там сохранилось спустя столько времени и после такого путешествия. Говорили, конечно, всякое, но в основном выдумывали. Правда осталась под грифом «секретно».

— А как он там оказался-то? — спросил я.

— Так просто же всё. Летел себе он, летел и попал, скажем, в кротовью нору... Откинуло его на несколько сотен лет назад, а там он рухнул на астероид.

— Всё-то у тебя просто! — сказала мама, забирая у отца тарелку. — Поел, иди кухонный комбайн посмотри, барахлит что-то.

— Ну, а почему тогда до сих пор не путешествуют во времени? — Это почему-то волновало меня больше всего.

— Теоретически учёные говорили о возможности путешествий во времени ещё давно. Но для этого нужна громадная энергия. Да и не только... В общем, всё это вселенски сложно! — ответил папа, тяжело вздохнул и встал из-за стола.

Суббота и воскресенье пролетели незаметно, вспышками: подготовка домашнего задания, прогулки с Пашей, утрामбовка вещей в спортивную сумку, на которую мама заботливо пришила бирку с именем и домашним телефоном. Сумка была красивая, досталась мне от отца, он привёз её

с олимпийских игр, куда они в молодости ездили с мамой.

В понедельник на собрании освещались организационные вопросы. Весь класс заполнил анкеты для прохождения практики и подписался под правилами по технике безопасности. После собрания, столпившись в коридоре у актового зала, ребята делились фантазиями относительно предстоящего полёта. Кто-то напорочил боевых схваток с инопланетянами, но ему тут же напомнили, что на промышленных дигтерах, которыми нам предстояло управлять, военные модули отсутствуют — стрелять самим точно не придётся. А в известном человеку пространстве космоса разумной жизни не обнаружено, так что нападать на нас никто не собирается.

Неделя тянулась медленно, на занятиях мы практически ничего не слушали, но от этого они становились ещё длиннее. В мыслях я был уже далеко от школы. Космос, загадочный, притягивающий, такой красивый и одновременно пугающий, снился мне. Я спал и видел, как мы летим проходить практику, снилась кабина дигтера. Каждое утро я вскакивал, подбегал к календарю и смотрел, не наступила ли пятница. И наконец-то долгожданный день старта пришёл.

Добирались до космодрома на большом туристическом аэробусе. Я сильно волновался в дороге, Паша, напротив, чувствовал себя спокойно, выглядел довольным и улыбался, набирая что-то на коммуникаторе. Вдохновение посещало его в самых разных местах. Класс шумно обсуждал предстоящий полёт, и Сергею Петровичу периодически задавали каверзные вопросы.

Уже на подъёте к стартовой площадке мы увидели наш корабль. Это был малый пассажирский челнок. На белоснежном борту корабля красовалась фиолетовая надпись «Буран-П17», каждая буква была высотой с двухэтажный дом.

Передав свои вещи в отделение багажа и пройдя личный досмотр, мы переоделись в комбинезоны с символикой корабля, после чего были приглашены на борт.

До шлюзов нас вместе с багажом поднял огромный передвижной лифт. Внутри корабля класс поприветствовала небольшая команда челнока: капитан, второй пилот, два бортмеханика, врач и ещё несколько человек простого обслуживающего персонала без отличительных знаков. Затем нас проводили в пассажирский отсек и помогли рассесться по местам.

А уже через полчаса мы взлетели.

От перегрузок нас вжало в сидения, но по мере того, как «Буран» преодолевал силу притяжения, они уменьшались. Активировались гравитационные поля, и мы стали чувствовать себя совершенно нормально, как в обычном самолёте. Для всех ребят это был первый полёт в космос, поэтому, как только состояние нормализовалось, класс заликовал. Даже такой тихоня, как Паша, закричал во весь голос: «Поехали!».

— Паш, «поехали» надо было кричать до старта, — сказал я ему.

— Какая разница, всё равно мы не поехали, а полетели, — ответил он и снова, как ни в чём не бывало, уткнулся в свой коммуникатор. — Чёрт, сети нет. Теперь только со станции сообщение отправить можно будет.

— Не бойся, о том, что мы стартовали благополучно, родители уже знают. Я больше, чем уверен, что все космо-канал смотрели.

— Говорит и показывает Москва. Пашка стартовал в космос, полёт нормальный, — засмеялся он.

Базу на Марсе мы должны были посетить с экскурсией только после прохождения практики, а сейчас же корабль направлялся прямоком к одной из рабочих станций в Поясе астероидов.

После стыковки со станцией нам выдали багаж, и мы покинули корабль. Комбинезоны пришлось снять, о чём многие жалели. Слишком уж они были удобные. Я заметил, как Каримов попытался оторвать нашивку с символикой корабля с комбинезона, но, слава богу, безуспешно.

Мы зря переживали: тут же нам выдали другую спецодежду, уже со знаком предприятия, не менее удобную, чем та, что на «Буране».

Внутри станции было довольно тепло, если не сказать, что жарко. Пахло металлом и чем-то химическим. А ещё было очень шумно. Постоянный утробный гул, словно мы находились внутри трансформаторной будки, сильно раздражал.

После обязательного медицинского обследования нас проводили по каютам, двери которых с шипением убирались вверх в пазы после нажатия на кнопку. Наша комната была размером два на пять метров. Под потолком горел широкий светильник, а ещё маленькие лампы были расположены в изголовьях кроватей, чтобы можно было читать, не мешая светом соседям. Кровати с довольно жёсткими матрасами и подушками представляли собой ниши в стенах. А в конце комнаты располагался шкаф для вещей, тоже утопленный в стену.

— Дёшево и сердито, — прокомментировал я, осмотревшись. — И тут люди живут годами.

— Ну, а ты что хотел, перины, джакузи? — спросил Паша. — Мы ведь не буржуи какие-нибудь.

После того, как все устроились, для нас провели собрание в небольшом актовом зале. Класс разделили на пять трудовых отрядов и назначили инструкторов. Каждого из них закрепили за отдельными бригадами, разрабатывающими разные астероиды. Естественно, мы с Пашей записались в один и тот же отряд, но, на наше горе, вместе с нами туда же попал и Каримов со своим другом.

Следом за собранием прошёл очередной инструктаж по технике безопасности, а потом около полутора часов мы занимались на симуляторах, чтобы освежить умение управляться с дигтерами. Программы практически ничем не отличались от школьных, разве что на станции стояли более новые установки симуляции.

К концу дня я чувствовал себя ужасно измотанным. Столько событий и впечатлений сразу. Ещё до сигнала отбоя я завалился на свою койку и моментально уснул.

Утром нас разбудили противным гудком из динамиков возле двери каюты. Я дёрнулся от испуга и ударился головой о потолок ниши.

— Ай! — вскрикнул Пашка внизу, видимо, он тоже приложился с непривычки.

Сразу же после сытного завтрака мы отправились в ангар. Наш инструктор, тучный мужчина лет сорока, провёл небольшую экскурсию. Показал ремонтный цех и даже несколько космических истребителей, которые стояли в консервации.

На каждой станции, помимо внешних пушек, всегда должны были находиться истребители, а также спасательные пассажирские шлюпки, на случай непредвиденных ситуаций.

В первый же день состоялся рабочий вылет. Покинув станцию, мы отправились за бригадиром к нашему участку. Каждого в индивидуальном порядке проводили до астероида, я сразу же поставил метку на карте, как учили.

Мне достался крупный астероид километров сто в длину. Он уже кем-то разрабатывался до меня, в поверхности зияла крупная дыра. Туда мне и следовало погружать диггер и продолжать бурение. Пашке достался астероид поменьше неподалёку. Весь наш отряд, в принципе, был рядом. Мы принялись за работу, переговариваясь по рации, травя друг другу байки или анекдоты. Находиться в диггере, в открытом космосе, было страшно и одиноко. Лишь голоса из динамиков в шлеме развеивали наваливающуюся тоску и поднимали настроение.

Шли дни, астероид давался с трудом.

Как-то раз, сильно устав, я вывел диггер с объекта и завис рядом. Стал смотреть в космос, разглядывая звёзды, нашу станцию, снующие туда-сюда корабли других работников.

Так добывалось необходимое нашей стране сырьё.

Вспоминая, как беззаботно мы чувствовали себя на Земле, я наконец понял, что родители мои сделали правильный выбор. Космос — это действительно то, с чем мне хотелось связать свою жизнь. Здесь, в кабине диггера, а потом, может быть, управляя большим кораблём, таким, как «Буря» или куда крупнее, я смогу чувствовать себя

действительно нужным. Космос — не место для слабаков или тех, кто хочет увильнуть от работы. Тут нужно быть настоящим, работать на полную катушку, отдавать себя целиком. Никаких полумер.

Было интересно, о чём думал Паша? Нравилось ли ему тут? Или он ещё сильнее убедился в том, что это совершенно не его занятие? Спросить напрямую я боялся, а сам он не заговаривал на эту тему. Но я знал, что по возвращении на Землю Пашка взорвётся эмоциями, и я точно всё узнаю.

Вдруг рация зашипела.

— Всем диггерам, срочное возвращение на станцию. Заканчиваем работу, ребята, и давайте назад.

— Есть возвращаться! — ответил бригадир. — Все слышали? — это уже нам.

— Понял, лечу назад, — ответил Паша.

— Есть... возвращаемся... так точно... — отозвались вразнобой другие диггеры.

— Есть, курс на базу! — сказал я.

— А что случилось? — спросил бригадир.

— На ваш участок движется скопление метеоритов, возможны серьёзные повреждения, — ответили со станции. — Приказ руководства всем диггерам вашего сектора немедленно возвращаться.

— Паш, ты скоро? — спросил я.

— Уже лечу, Илюх. Надо же ещё разгрузиться, в ангар с багажом нельзя, — расстроился Пашка.

Диггер Паши на всех парах направлялся к дрейфующему хранилищу: это был огромный беспилотный грузовой модуль станции. Их отсылали в центр разрабатываемого сектора, чтобы диггеры загружали туда руду. Когда модуль хранилища заполнялся, он возвращался автоматически на станцию.

Несколько диггеров уже разгрузились и летели обратно. Рядом с Пашей шёл на разгрузку диггер Каримова. Передав контейнер с рудой в хранилище, Пашка развернулся и полетел в сторону станции.

Вскоре и я пристроился к принимающему отсеку модуля хранилища и стал сгружать сырьё. Наконец, контейнер заменился пустым, я отсоединил диггер, развернулся и полетел в сторону станции.

— Подвинься, Шекспир! — послышалось в эфире.

А потом — как в замедленном фильме.

Пролетающий рядом с Пашей диггер Каримова вильнул в сторону и ударил его корабль. Что-то вспыхнуло и заискрило. Паша дал нагрузку на двигатели, те пару раз моргнули и совсем погасли. Его диггер от удара по инерции стал удаляться с положенного курса, загребая в открытый космос.

— Что случилось, Паш? — крикнул я. — Двигатели отказали?

— Нет, — услышал я в ответ. — Топливо не поступает. Видимо, блок повреждён. Двигатели ни при чём.

— Карим, я убью тебя! — крикнул я в рацию.

— Ха-ха... неудачники, — Каримов завис неподалёку и наблюдал за мной и Пашкой.

— Что там у вас случилось? — спросил бригадир.

— Не идёт топливо, последний блок повреждён от столкновения. Уносит в открытый космос, — чётко отрапортовал Паша.

В его голосе не было ни нотки страха.

— Диггер рядом, есть возможность дозаправить? Со станции не успеют, — после паузы ответил бригадир.

— Смогу! — крикнул я в эфир.

И только потом посмотрел на индикаторы. Всего на диггерах было четыре топливных блока. Три из них у меня были пусты, а в четвёртом оставалось чуть меньше половины. Дозаправка диггера происходила передачей целого блока. Заправить Пашу означало для меня то, что я окажусь на его месте.

Не раздумывая, я рванул к нему.

— Паш, готовься к заправке, — сказал я, подлетая.

— У тебя всё нормально? — спросил он, что-то заподозрив.

— Всё нормально, — собравшись, ответил я.

Пашку развернуло, он летел задом наперёд. Когда мой диггер подошёл вплотную, на мгновение мы увидели друг друга. Из-под Пашиного шлема торчали кудряшки, взгляд был испуганным и потерянным. А в поверхности кабины отражались звёзды. Если голос мог врать, глаза — никогда. Пашке было безумно страшно.

— Готов? — спросил я.

— Готов, — ответил Паша.

— Сбрасывай проблемный блок, — скомандовал я ему.

— Есть сбросить блок.

Топливный блок отделился от диггера и отлетел в сторону.

— Это просто, как в симуляторе, — сказал я в первую очередь себе и приступил к передаче. Обошёл сбоку, запустил стыковку на панели, дальше всё происходило практически на автомате.

— Цепляй мой блок, — сказал я.

Блок зацепился манипуляторами топливной консоли Пашкиного диггера, я нажал на передачу. Уровень топлива упал до нуля. Я расстыковался.

Корабль оттолкнулся и стал отдаляться от Паши и от станции, медленно вращаясь.

— Как в симуляторе, — повторил я шёпотом.

Приборная панель погасла, в кабине тускло алым загорелся аварийный свет. Наверное, Пашка что-то кричал по рации, но я её отключил.

Почему-то я знал — глупостей он делать не станет.

Мой корабль догнать не успеют, да из-за метеоритов, скорее всего, даже не сунутся. Только бы Паша долетел.

Чтобы не напрасно.

Я посмотрел в глубину космоса, как иногда заглядывают в глубину глаз человека, желая узнать, что же у него внутри в душе.

«Если долго смотреть в бездну, то она посмотрит в тебя», — вспомнились мне слова Ницше.

Бесконечность звёзд, галактик, планет, чёрных дыр...

Тут я вспомнил, что рассказывал папа, и понял: «Первопроходцы Пояса Астероидов нашли мой диггер...»

От этой мысли стало как-то горько и тоскливо. Я осознал, что больше никогда не вернусь домой, не увижу маму, отца. Никогда...

В прошлом Земли, но в моём будущем, мои останки найдут на одном из астероидов, отвезут на Землю и будут изучать. А сейчас родным скажут, что я канул в просторах космоса.

За такими мыслями меня и застал истребитель, вылетевший прямо передо мной. Он плавно развернулся и уставился лоб в лоб с моим диггером. Пилот помахал руками возле шлема, прося включить рацию. Я включил.

— ...ко же тебя отнесло. Ты как там, в порядке? — донеслось из динамиков.

— В порядке! — ответил я.

— Энергии аккумуляторов хватит дозаправиться?

— Хватит! — сказал я.

— Готовься к дозаправке! — скомандовал пилот. — Сейчас пристыкуюсь.

— Есть, — ответил я и улыбнулся.

Поле дозаправки мы отправились назад на станцию.

— Повезло, что тебя в этот сектор унесло, — сказал пилот истребителя. — Одного из ваших нам спасти не удалось.

Все внутренности разом ухнули в пропасть.

— Кого? Что случилось? — сжавшись в кресле, спросил я.

А сам думал: «только бы не Пашка, только не Пашка».

— Когда тебя отнесло, два оставшихся диггера попали под метеориты. Один серьёзно повредило, у него отказали двигатели, другой, с менее серьёзными повреждениями, всё же смог дотянуть до станции. А того унесло в космос. Преследовать из-за метеоритов опасно. На станции сказали, что пилот, скорее всего, погиб от удара.

В голове шумело. Я никак не мог прийти в себя.

Я остался жить, а кто-то всё же погиб. Неужели Паша?

— А имя? Имя знаете? — спросил я.

— Нет... Потерпи до станции. Соболезную, дружок. Космос — страшная штука.

Дальше мы летели молча.

В ангаре, выбравшись из кабины диггера, я сразу же получил ответ на свой вопрос, вместе с побоями и объятьями. Пашка был жив. Он налетел

на меня, обнял и одновременно молотил меня по спине. Вместе с ним вокруг диггера столпился почти весь класс, Сергей Петрович и руководство станции.

— Дурак! — сказал он. — Меня бы и без тебя вытащили. Самоубийца чёртов! Зачем?

— Я же не знал, что тебя смогут спасти... — ответил я и посмотрел на остальных.

— Каримов погиб, — печально сказал Пашка.

— Я уже понял, — сказал я.

Сергей Петрович положил мне руку на плечо:

— Как ты? — спросил он.

Что я мог ответить?

Когда я вернулся в каюту, то обнаружил пропажу своей сумки, о чём сразу же рассказал Сергею Петровичу. Классный руководитель допросил слабое звено класса, от которого остался только один Ежов, друг Марлена Каримова. И тот сознался, что помог Кариму украсть мою сумку. Марлен срезал с кармашка эмблему олимпийских игр — нам удалось найти её в личных вещах — а вот саму сумку, по словам Ежова, он взял с собой в диггер, чтобы не нашли.

После гибели Каримова руководство станции решило прервать практику. И нас с первым же челноком отправили домой.

По возвращении на Землю Пашка твёрдо решил завязать с космосом: в руках у него был большой козырь, и он всё-таки смог убедить родителей разрешить ему поступить в литературный институт, и сейчас он работает журналистом, а на досуге пишет книги. А я всё-таки окончил космическое училище, но стал работать вовсе не там, где мечтал в школьные годы. И однажды ко мне в руки попал один занимательный документ.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Начальнику КГБ по Горьковской области полковнику госбезопасности тов. ДУБИЛИНУ

В связи с расследованием КГБ г. Москва дела о найденном в Поясе астероидов космическом аппарате под кодовым номером Б493 и установлении личности пилота, коим является Потапенко Илья Александрович, 2045 г. р., уроженец г. Горький, Горьковской обл., создать спец. отдел по наблюдению за будущим гражданином. Также поручить отделу контроль развития событий, связанных с гражданином, и предотвращение внешних вмешательств в их ход. См. приложение.

Зам. начальника КГБ А. Зайцев

11 апреля 2023 года

Приложение: на 8/восьми/листах.

Когда я вернулся с практики в целости и сохранности, управление КГБ оказалось в замешательстве, но после доклада нашего учителя — Сергея Петровича (который как раз и входил в состав специального отдела) всё прояснилось.

Сергей Петрович вполне мог запретить отправлять за мной помощь, и я бы погиб. Но из его доклада, приложенного к документу, стало ясно, что он узнал о краже сумки до инцидента, когда просматривал записи с камер наблюдения в коридорах станции днём. И всё же, не препятствуя моему спасению, он действовал на свой страх и риск.

Технологии остались достоянием страны, временная петля замкнулась, а значит — выбор он сделал верный. **УС**

От судьбы

Вечерело. Резко, как это бывает на юге. Небо стремительно мрачнело, в нем смутными белыми пятнами носились чайки, нарушая покой отдыхающих своими немзыкальными криками.

— Зачем тебе?

На террасе, увитой под самую крышу диким виноградом, сидели двое. Дочерна загорелый толстяк преклонного возраста в безрукавке, шортах и шлепанцах на босу ногу курил, стряхивая пепел мимо пепельницы и глядя сквозь собеседника. Немолодой, с первой сединой на висках, тот вертел в грубых, жилистых руках наполовину пустой бокал, медля с ответом.

— Надо, — вздохнул наконец. Запрокинул голову, хрустнув позвонками, уперся взглядом в крышу. — Надо, понимаешь? — в раздумье прикусил губу. Затем тихо, без выражения произнес: — Время мчится быстрой птицей, где журавль, а где синица? Повезло тебе родиться? — Ну и что с того? У судьбы мелькают спицы: дом, работа да больница. Приходи, судьба, рядиться — на спор, кто кого? — Гость залпом допил остатки и поставил бокал на пластиковый столик рядом с початой бутылкой мадеры.

Движения его были порывисты; не придержи хозяйин съехавшую к краю бутылку, она бы непременно разбилась. Гость смущенно взъерошил волосы на стриженном затылке и насупился, мысленно проклиная себя за неуклюжесть.

— Не понимаю, — старик вытряхнул из пачки новую сигарету и долго щелкал зажигалкой. — Впрочем, не моя забота.

— Не твоя, — согласился визитер. Жизнь просто и буднично летела под откос. Жизнь заканчивалась. Сегодня. Сейчас. А он, щуря и без того узкие

Артем Белоглазов

Родился в 1979 году в городе Златоуст, Челябинской области. Окончил Казанский Государственный технический Университет им. Кирова. В настоящее время проживает в г. Лаишево, республика Татарстан. Рассказы Артема Белоглазова публиковались в журналах «Порог», «Реальность фантастики», «Если». Член Клуба авторов журнала «Уральский Следопыт».

глаза, пытался рассмотреть выцветшую татуировку на тыльной стороне ладони толстяка и думал, что дым над блестящей лысиной, подсвеченный фонарем, вполне может сойти за нимб.

«Станет расспрашивать — не болтай, — предупредили его. — Ильхам еще та bestия».

— Это тебе, — хозяин выложил на стол тусклый кругляш. — Бросишь в море.

Гость кивнул, пряча монету в карман.

— Это мне, — жирная лапа ухватила за грудки, встряхнула и... отпустила, оставляя внутри щемящую пустоту. Дряблые щеки старика подрагивали, ноздри кривого носа раздувались, как у заядлого кокаиниста, лицо побагровело; казалось, он задохнется сию минуту или схватит апоплексический удар.

— Раз... разделил, — вытерев лоб, Ильхам уперся руками в широко расставленные колени и замер, таращась на грязный пол. Создавалось впечатление, что он сильно переел и перепил и вот-вот сблует. В наступившей тишине отчетливо громко тикали часы на запястье гостя.

По дородному телу пробежала судорога... вторая, третья. Хозяин шевельнул плечами, ожил.

— Чего ждешь? — буркнул неприветливо. — Все. Иди. — Его желтые совиные глаза не моргали.

Приезжий встал. Грудь уже не болела, чувство пустоты исчезло, истаяв без следа.

— Подожди, — вдруг долетело со спины. — Как зовут?

— Али.

— Зачем тебе к османам, Али?

Приезжий не ответил. Откровенничать с менялой? Увольте. По паспорту его звали Алим. Алим было плевать на османов, на Крымское ханство и на войну с русскими, Али — нет.

Спускаясь во двор, он обернулся и пристально взглянул на менялу, который грузно оплыл в кресле. Пять ступеней вниз, четыре вверх. Порой лучше держаться середины, да не всегда получается. Худой и угловатый, гость усмехнулся, встопорщив рыжеватые усы. Ему было явно не по себе, он хотел что-то сказать на прощание, что-то важное и нужное, но вместо этого неопределённо взмахнул рукой и спросил:

— Кошки? Ну, мяукают... кошки? — Беспрестанные вопли успели изрядно надоесть за недолгое время разговора. Хотя, вспомнил он, днем коты не орала, а теперь, значит, решили закатить концерт.

— Чайки. — Сигарета в пальцах толстяка почти не дрожала. И пепел летел куда надо — в пепельницу. — Прощай, Али-бей.

Крымская ночь, пролившись на город терпким вином, пьянила голову смесью ароматов. С наслаждением вдыхая незнакомые запахи, Али брел по безлюдному пляжу. По левую сторону рокотало

море; впереди, правда, ни черта не видно, насколько далеко — высилась гора. Изломанный хребет Аю-Дага, окутанный по утрам туманами, накрепко врзался в память. Тропы на склонах каменистые, крутые. С непривычки даже боязно, поскользнешься — и кубарем, кувыркаясь по острым камням. Под сандалиями, напоминая о камнях, перекатывалась крупная галька.

Частный пансионат, где он остановился, закрывал двери рано, в одиннадцать. Магазины закрывались и того раньше. Почему? — бог весть. В городке, как подметил Али, царили замшелые, советские ещё порядки; будто целую эпоху взяли и сдернули с прежнего места, обвесив новомодными побрякушками и понятиями, однако в корне ничего не изменилось. Здесь жили лениво и размеренно; жили в старых советских домах, ездили по разбитым дорогам в старых советских машинах и, когда был не сезон, подрабатывали в старых, союзного значения санаториях. Звучное греческое название мало соответствовало затрапезному облику города.

Внутренняя суть Али в корне не соответствовала его нынешней жизни.

Лишний. Слово перечеркивало будущее крестнакрест, наглухо. У судьбы мелькают спицы: дом, работа да больница... Круг, из которого не вырваться. По которому несутся галопом — из рождения в смерть. Ребятыня и взрослые, мужчины и женщины. Скопом.

Вы довольны? Слава Всевышнему. Я — нет.

Я хочу уйти и уйду. Когда нечего терять и ничто не держит... а терять мне нечего, особенно после развода со второй женой. Если б ещё дети — но чего нет, того нет. А так...

Али разлегся на деревянном лежаке и, покачивая ногой, смотрел на звезды. Звезды ярко мерцали, обещая хорошую погоду. Идти в гостиницу не было нужды: в номере, на незастеленной кровати спал он

сам. Точнее, Алим. Приходи, судьба, рядиться... Разделили тебя, судьба. Обманули. Поработаешь спицами, но не для меня. Дальше по берегу вроде бы есть пирсы, с пирса самое оно. И концы в воду. Или, если не повезет, на прокорм чайкам. Да чего ж не повезти? Обмен состоялся, и баста. Взвешено. Сосчитано. Измерено.

«Как ты меня нашел?» — спросил меняла. — «Подсказали». Приезжий улыбнулся краешком рта: кто ищет, обязательно найдет.

Энергично шагая вдоль пляжных навесов, он подбрасывал на ладони монетку, за которую иной нумизмат удавился бы. Решка? Орел? Третьего не дано? Зашвырнув монету в воду, он поднялся на пирс.

Быть может, днем тут рыбачат мальчишки, и не только мальчишки. На углу продают бусы из камня, ракушки и кораллы, и свежельвовленных мидий с рапанами, и... Холодный ветер нетерпеливо подталкивал в спину; по голой коже расплзались мурашки. Да, да, я уже.

Приятный миг невесомости. Солёные брызги. Гул в ушах... И спустя вечность, вместившую пять ударов сердца, — скрип уключин и невнятная, взволнованная скороговорка на татарском.

Тебе везет, Али-бей.

* * *

— Здравствуй, Ильхам-абый. — Алишер снял соломенную шляпу и, обмахивая разгоряченное, с капельками пота лицо, устроился в кресле. Рубашка, расстегнутая чуть ли не до живота, липла к телу. Утро выдалось жарким; раскалённое солнце остужало бока, ныряя в набежавшие с запада кудрявые тучки.

— Здравствуй, Али, — не поднимая глаз, откликнулся толстяк: чуть картавый, с характерным мягким выговором голос чужака нельзя было спутать.

— Алишер, — поправил гость.

Ильхам выпустил кольцо дыма и как через прицел, сощурился, взглянул на собеседника. Поскреб щетину на подбородке, отмолчался.

— Он дошел? — В незамысловатом вопросе крылась угроза.

Хозяин пожал плечами и, затянувшись в последний раз, погасил сигарету в забитой окурками пепельнице. Он будто сидел на террасе всю ночь, подумалось гостю, не спал, курил дешёвый табак, пил вино прямо из горлышка и, размышляя, говорил сам с собой. Разумеется, ничего такого старый Ильхам не делал. Да не такой уж и старый, решил приезжий. Помстилось в сумерках.

«Просто представь, — сказал вчера Али-бей, неисправимый романтик, которому было душно и неудобно в нашем чрезмерно технологичном веке, Али предпочел бы родиться раньше, много раньше, например, на три с лишним столетия назад, чтобы воевать против запорожских казаков в войске Крымского хана. — Существуют и другие идеалы. Или поверь на слово».

Вряд ли эта жирная туша, прагматик до мозга костей, может что-то представить. Он живет настоящим, а мы — прошлым и будущим. Мы ошиблись дверью, но дверь уже заперта на засов, и мы лезем в окна и прыгаем с балконов, а потом упорно бежим вслед уходящему поезду.

Хитрый меняла, ты забираешь в обмен на новую судьбу остаток жизни — мифическую «долю», земную половинку, привязанную к «здесь и сейчас». Не переусердствуй — лопнешь.

И не забывай, никогда не забывай — ты всего лишь слуга, которому платят за переpravу.

— Будет гроза. — Толстяк по привычке смотрел мимо.

— И что? — Алишер не спорил: южная погода переменчива.

— Ты же не хочешь ждать до вечера?

— Не хочу.
— После обеда польет. В грозу лучше, чем ночью. Куда тебе? — Ильхам обжег гостя тяжёлым взглядом. — Перекоп? Арабатская стрелка? Чонгарская переправа?

Алишер вздрогнул. Чует, все чует.

— А... нет, вру. Загодя решил? В Таврию? Не пони-
маю. Пропадешь — что там, что там.

— Не твоя забота.

— Не моя, — стяхивая со стола крошки пепла, рассудил толстяк. Смежил набрякшие веки. — Пойдешь к скалам, левее пляжа. Вернее будет. Да, сколько вас еще? Впервые вижу, чтобы в одном человеке...

— Завтра узнаешь, — сказал Алишер. — Если приду, стало быть, трое.

— Не нравятся вы мне, — пробурчал Ильхам. — Так не бывает. Поэтому я возьму вдвое против обычного, а со следующего — вчетверо. Иначе упусти свое. Можешь отказаться.

Алишер украдкой покосился на татуировку толстяка, которую тщетно старался разглядеть в полутьме: кисть обвивали змеи. Древний символ, очень древний, не заурядная татуировка — знак. Или отметина. Когда Ильхам шевелил пальцами, змеи слегка двигались, точно переползая с места на место. Алишер с трудом поборол отвращение. Если меняла возьмет двойную плату, срок, отмеренный Алишеру и тому, кто останется за него, укоротится. Сволочь. Мерзкий корыстолюбивый ростовщик.

— Я согласен. — Губы Алишера кривились от презрения.

Толстяк ухмыльнулся.

— Это тебе, — на стол легла трехлинейная винтовка с потертым прикладом.

— Это мне, — жадные пальцы потянулись к вороту рубашки...

Сбылась ли твоя мечта, Али?
Сбудется ли твоя, Алишер?

* * *

Море с грохотом рушилось на скалы. Среди буйства грозы и раздирающих горизонт молний, между небом и землей, отрекаясь от прошлой жизни ради жизни будущей, стоял человек. В завываниях ветра он ловил отзвуки эпохи: топот конной лавы, скрежет клинков, дробь пулемёта и слитный рев тысяч солдат, идущих в атаку.

Человек рвался в Северную Таврию, где от красноармейской пашки погиб его прадед, оставив на руках у жены годовалого ребенка, в ту далекую осеннюю Таврию начала двадцатого века, когда войска Южного фронта юной социалистической республики окончательно разгромили Врангеля.

Человека звали Алим. По паспорту.

Того, кто метался во сне на кровати в гостиничном номере, — тоже.

Главнокомандующий Русской армией в Крыму барон Врангель, война с красными, предательство поляков, заключивших мир с Советами, касались исключительно Алишера. Алим не бредил иными временами, настойчивый зов прошлого не томил его душу.

Человек на скале крепче сжал «мосинку». Человек на кровати стиснул зубы.

Белые начинают и выигрывают? Пусть так.

Удачи, Алишер.

* * *

Вечером следующего дня Алим собрался с силами и приковывлял к дому менялы. Тот дремал за неизменным столиком в окружении пустых бутылок, но,

заслышав шаги, очнулся. На приветствие Ильхам не ответил, смотрел хмуро, исподлобья. Нос его, испещренный склеротическими жилками, покраснел и распух. Глаза запали. Прилипшая к губе сигарета потухла, и старик вяло жевал фильтр, не пытаясь затянуться.

Шаркая сандалиями, Алим подошел к креслу и с кряхтением, держась за подлокотники, сел.

— Я возьму вчетверо, — прохрипел хозяин.

— Уже взял, — надтреснуто рассмеялся Алим. — Мне никуда не надо, но ты взял! Ты погубил и меня, и себя. Алчный паскудный крохобор. И вдобавок дурак. Видел себя в зеркале?

Ильхам слабо качнул подбородком. Неопрятный, небритый, жалкий, он вызывал брезгливость.

— Не молчи, старик, не молчи. Мы оба умрем, а сразу или погода — решать тебе.

Толстяк булькнул морщинистым горлом, редкие бровки запрыгали вверх-вниз. Смех был похож на клекот.

— Глупец! — взъярился Алим. — Тебе нужно отдать излишек, а мне — получить. Как становятся менялами?!

— Никак, — толстяк захлебнулся хохотом и сник, будто проткнутый воздушный шар. — Я таким родился. Давно, так давно, что...

— А другие? — Алим цеплялся за соломинку. Он не верил.

— Найдёшь — спроси.

Два дряхлых старика в плетеных креслах буравили друг друга злыми взглядами. На террасе, увитой под самую крышу диким виноградом, повисло вязкое неприязненное молчание.

— Зачем? — прошептал наконец Алим.

Ильхам скорчился в кресле и почти не двигался, только левая рука слабо комкала потную майку.

Алиму чудилось, что змеи с татуировки переползли на грудь хозяина и душат его, свиваясь узлом на короткой шее.

— Теперь редко... уходят... — натужно просипел Ильхам. — Я уже не помню, сколько мне лет. Я старею, быстро старею. Я хотел... — Лицо менялы исказило спазмом, и он умолк.

Под глазами толстяка, придавая сходство с покойником, ступцались тени.

Я умираю потому, что ты взял мою долю, думал Алим. Сначала разделил — мою и Алишера, как раньше сделал это с Али-беем, а затем взял. Обе. Алишер ушел. Но моя-то доля здесь. Здесь и сейчас. А ты ее забрал. До конца, до самого доньшка. Кретин, целая доля завершается смертью. Ты жил чужими жизнями, брал чужую молодость и в конце концов ошибся. Ты зарвался.

Моим альтер эго повезло, мне — нет. Алим заставил себя встать, с усилием шагнул к меняле, желая убедиться, дышит он или... ноги разъехались, и Алим рухнул на пол, зацепив шаткий столик. Низкая крыша давила могильной плитой, надвигалась, грозя расплющить, истолочь в невесомый прах. Ниже, ниже... Путала обрывки мыслей. Алим бредил, еле ворочая сухим языком; слова звучали все тише.

Нам досталась чья-то жалость. Скажешь, малость? Нет, не малость. Пусто в голове. Да в ногах гудит усталость, в теле — вялость. Что осталось? Гнить в сырой земле.

Ветер трепал виноградные листья и расшвыривал окурки из опрокинутой пепельницы. На досках террасы в свете фонаря поблескивало битое стекло. Небо стремительно мрачнело, в нем смутными белыми пятнами носились чайки, нарушая покой умирающих своими пронзительными криками. **У**

Искатель знаний

Когда я постучался в дубовые ворота, скрывающие за собой храм Хранителя книг, солнце уже окрасилось кровью, предвещая скорый закат. Ворота были расписаны причудливыми иероглифами. Пытаясь прочесть их, я вгляделся повнимательней, но, несмотря на то, что знал тридцать пять языков, данные письмена были мне непонятны. Посреди ворот висел большой бронзовый диск, в форме Первого Гаснущего Солнца. В центре солнца был изображён жёлтый дракон Шао-Дзян. Насколько мне было известно, в такого дракона иногда превращался Хранитель. И если искатель знаний вёл себя слишком дерзко, то у него были все шансы испытать на себе остроту драконьих когтей. Ворота никак не открывались, и тогда я, сложив вместе ладони, прочёл древнее заклинание, изгоняющее дух охраны из дерева. Когда дух был изгнан, ворота открылись, и я увидел перед собой легендарный Сад Знаний, посреди которого стоял храм Хранителя книг. Солнце стало уже совсем кровавым, и, стиснув в руках бамбуковый посох, я поспешил к дверям храма.

Однако дойти до них оказалось не так-то просто, — сколько я ни шел, сколько шагов не делал, храм оставался от меня на том же расстоянии. Поняв, что меня тащит назад подкупленный Хранителем дух дороги, я резко обернулся и, выкрикнув волшебное слово, с силой ударил его посохом по невидимым лапам. В ту же секунду храм стал значительно ближе. Но теперь я уже не торопился, тщательно оглядываясь по сторонам, медленно шел к цели.

Сад Знаний был очень красив. Всюду цвели небольшие вишнёвые деревья. Дивный запах, которым они щедро делились со мной и щебетавшими неподалёку

Алексей Зайцев

Родился в 1982 году в Краснодаре. Окончил юридический факультет Института Экономики и Предпринимательства. Член Союза Писателей Москвы. Лауреат международного литературного конкурса «ЗлатенКан». Автор книги «Харакири для возлюбленной».

Публиковался в журналах: «Юный техник», «Кольцо «А», «Реальность фантастики», «Чудеса и приключения», «Очевидное и невероятное», «РБЖ-Азимут», «Шалтай-Болтай», «Эдита», «Пролог», «Стетоскоп», «Порог», «Wind-Rose», «Литературный Башкортостан» и др., в газетах: «Вечерний Петербург», «Наш Техас», «Наша Гавань» и др. Избранные рассказы переведены на болгарский язык. Кроме того, рассказы Алексея выходили в сборниках фантастики «Златен Кан», «Репликация» и «Аэлита/007».

синицами, усыплял и опьянял одновременно. Внезапно что-то коснулось моего лба. Я поднял голову и увидел над собой несколько больших красных вишен, свисавших с неестественно ровных веток. «Должно быть, они вкуснее меда пчел с горы Ля-Цзы» — подумал я. Пальцы мои сами потянулись к ягодам, но в последний момент я все же успел остановиться и, сбросив с себя путы дурмана, двинулся дальше.

Через несколько шагов я увидел золотистые кустики каких-то неизвестных мне растений, располагавшихся в соответствии с движением Первого Гаснущего Солнца в час заката. Когда я присмотрелся внимательней, то заметил, что каждый из них был выстрижен в форме древних суньских иероглифов. Это выглядело доволь-

но красиво, но сильно настораживало, ведь, как известно, суньские иероглифы издревле использовались колдунами для запутывания странников, для превращения обычной дороги в непроходимый магический лабиринт. Тем не менее, у меня не было ни малейшего желания обходить каждый куст в попытке разгадать скрытое в нём заклинание. Я прекрасно знал, что в храм Хранителя можно попасть лишь в тот момент, когда солнце на четверть спрячется за Желтой горой. Поэтому времени было слишком мало, чтобы тратить его на всякие магические шарады.

Вытащив из кармана мешочек с молотым корнем рубала, я извлёк щепотку получившегося порошка и, проговорив заклинание жемчужного лабиринта, подбросил порошок в воздух. В ту же секунду кустики выстроились в ровную линию. Теперь, когда они стояли рядом друг с другом и каждый иероглиф занял своё место, я безошибочно смог прочесть скрытую в них магическую строку. В воздухе возникли небольшие пространственные колебания, и через мгновение я стоял уже почти у самого храма.

От дверей меня отделяло лишь маленькое, неудачно расположившееся прямо перед Храмом озерце. Я достал ещё щепотку измельчённого корня рубала и бросил в воду. В ту же секунду вода почернела и стала пузыриться, а на поверхности показалась большая голова живущего в озере карпа. Карп вне всяких сомнений обладал магическими способностями. Выпучив огромные жёлтые глаза, он смотрел на меня, стремясь путём ворожбы стереть из моей памяти цель визита к Хранителю книг. Однако я легко подавил его попытку и ответил куда более мощной атакой. Большие выпученные глаза его покраснели, и спустя минуту карп снова ушёл под воду. В тот же миг озеро исчезло.

Слегка помассировав глаза, я постучался в дверь храма. Подождал немного. Дверь оставалась закрытой.

Я устало вздохнул и, коснувшись ее ладонью, прочел молитву искателя знаний. Когда дверь отворилась, я неспешно вошёл внутрь.

Взору моему открылось дивное зрелище — всюду стояли бесчисленные стеллажи с книгами. Книги были везде. Причём уникальные книги. На корешках я разглядел необыкновенно редкие и интересные названия. Некоторые из этих книг мне стоило достать огромного труда, а некоторые достать я так и не сумел. Внутри храм оказался значительно больше, чем снаружи. Видимо, тут была замешана магия сжатия пространства.

Пока я осматривался по сторонам в поисках Великой Книги Знаний, передо мной предстал сам Хранитель. Возникнув из воздуха, он стоял, сложив руки на груди, и сурово смотрел из-под сдвинутых бровей. Был он очень высок — метра, наверное, три. Старое, и даже скорее древнее лицо его, испещрённое морщинами, походило на черепашьё. Длинные седые волосы спадали на плечи. Большая белая борода доходила до самого пояса. Глаза Хранителя были необычайно узкими, и излучали они, как ни странно, не знания, а хитрость.

— Кто ты такой? — спросил он меня.

Я слегка поморщился. Голос у Хранителя был высоким, с неприятными визгливыми интонациями.

— Искатель знаний.

— Разве я тебя звал?

— Нет. Но это и необязательно. Я прошел весь курс испытаний, предназначенный для искателей знаний. Я сумел найти твой храм раньше других. Я смог преодолеть твои ловушки. И вошёл в дверь ровно в тот момент, когда солнце на четверть скрылось за Жёлтой горой.

— И чего же ты теперь хочешь?

— Самую малость. Возможность полистать Великую Книгу Знаний.

— Полистать? — голос его стал жёстким.
— Прочитать, — исправился я.
— Ну хорошо, полагаю, ты знаешь, что тебе нужно для этого сделать?
— Да. Ответить на три твоих загадки.
— Верно, — сказал он, теребя длинными тонкими пальцами белую бороду.
— Здесь где-нибудь можно присесть? — я огляделся по сторонам в поисках какой-либо мебели.
— Ты ещё не заслужил этого права, — молвил Хранитель, после чего хлопнул в ладоши, и у него за спиной появился большой мраморный трон. Сев на него, Хранитель улыбнулся.
Не желая отставать от него, я тоже произнёс заклинание и наколдовал себе небольшую табуретку.
— Неплохо, — сказал Хранитель.
— Спасибо, — я стал садиться, но вдруг табуретка исчезла, и я грохнулся на пол.
Хранитель весело рассмеялся.
— Ну и шуточки у вас, — обиженно проговорил я, потирая ушибленное место.
— Итак, ты готов к моим вопросам?
— Готов, готов, — сказал я, бегая глазами по корешкам книг.
— Здесь ты её не найдёшь?
— Кого?
— Не надо говорить таким удивлённым тоном. Ты думаешь, я не понимаю, что ты ищешь?
— Ну хорошо. Признаюсь, я искал Великую Книгу Знаний. Так значит, её тут нет?
— Нет.
— И где же она?
— Вот где, — Хранитель щёлкнул пальцами, и в ту же секунду перед ним возник маленький круглый столик, а на нём — огромная книга, объёмом, наверное, не менее пяти тысяч страниц.

— Ах вот она где, — я протянул к ней руку.
— Не зли меня, юноша, — проговорил Хранитель.
— Извиняюсь, — я отошёл на два шага назад.
— Так ты готов к моим вопросам?
— Готов, готов.
— Вопрос первый. Если Динг Ли — Владыка времени, возьмёт волшебное веретено бытия и расплетёт символ бесконечности, превратив его в единую нескончаемую прямую, по которой вечно вынужден будет брести неучитливый искатель знаний, то какие есть у него возможности, чтобы эту прямую покинуть?
— Что значит покинуть?
— Сойти и больше никогда на ней не появляться.
— Ну, возможностей-то, откровенно говоря, немного. В принципе — только одна.
— Так, и какая же?
— Медитация.
— Это средство. А цель?
— Слияние с абсолютом.
— Верно, — он потерял бороду.
— Ну вот, — я вновь наколдовал себе табуретку.
— Нас, правда, раньше учили не так. Но в целом ошибки нет.
— А как вас учили? — спросил я, располагаясь поудобнее.
— Нам говорили про слияние с духом Нефритового Владыки. А абсолют — это, видимо, слово-заменитель?
— Совершенно верно.
— Надо же, как всё меняется... — он покачал головой.
— Ой! Это было совсем напрасно, — обиженно проговорил я, снова ударившись о каменный пол. — Зачем ты убрал мою табуретку?
— Ты ещё не заслужил права сидеть!
— Ну хорошо.
— Итак... второй вопрос!
— Я весь внимание.

— Когда Жемчужная стрела влетает в наш мир, она срубает пуповину времени и песок начинает сыпаться вниз. Когда Жемчужная стрела покидает наш мир и последняя песчинка касается дна, наш мир заканчивает своё существование. Что может сделать искатель знаний для того, чтобы связать пуповину и перевернуть колбу часов?

Меня прошиб холодный пот.

— Ну, откровенно говоря, я не смог посетить ту лекцию, на которой освещался этот вопрос...

— Что?!!

— У меня были уважительные причины!

— Ты что же, смеёшься надо мной?

— Ни в коем случае, — я попятился к выходу.

— Да вы, молодежь, я смотрю, совсем от рук отбились! Что ж, сейчас я научу тебя уму-разуму!

Тут я увидел, что глаза его стали красными, из пальцев начали вырастать когти, из-под халата пробился жёлтый хвост. Хранитель превращался в дракона.

— Надеюсь, что ты готов к магическому поединку! — голос его сделался низким и рычащим, изо рта показались острые клыки.

— Да в общем-то, нет... — пробормотал я. — Я, кстати, книгу вам тут одну хотел подарить...

— Какую книгу? — пророкотал он.

— Исповедь Нефритового Владыки. В изложении Чанг-У-Лина. У вас правда, наверное, уже есть... но я подумал, вдруг пригодится.

— Чанг-У-Лина, говоришь? — Хранитель принял свой прежний вид.

— Да, — я достал из мешочка книгу.

— Ну-у, в принципе не помешает, — он щёлкнул пальцами, и книга, выскользнув у меня из рук, взлетела на одну из книжных полок и, растолкав несколько соседних книг, втиснулась между ними.

— Ну ладно, — сказал он спустя минуту, — вот тебе тогда другая загадка. — Что написано в книге Лео Дзярбо об Идеальном Царстве человеческих иллюзий?

— Там написано, что любое знание есть лишь тень дерева, брошенная на речную гладь нашего разума, — быстро проговорил я.

— Правильно, — тут глаза Хранителя стали необыкновенно хитрыми.

Я насторожился.

— Ты знаешь, — сказал он, — я вот вижу, что ты и впрямь очень сообразительный юноша. — Пожалуй, я задам тебе напоследок очень легкий вопрос.

Тут я заметил, что у него вновь стали отрастать драконьи когти.

— Скажи мне, — лисьим голос проговорил он, — как ты считаешь, может ли искатель знаний, ответивший на все три вопроса Хранителя книг и прочитавший впоследствии Великую Книгу Знаний, попасть под заклятье Храма Знаний и сам превратиться в Хранителя книг? Может ли укрытое в Великой Книге Знаний заклятье замуровать здесь искателя знаний навечно? Замуровать до тех пор, пока другой искатель знаний, так же, как и он прежде, не ответит на три вопроса и не прочтет Великую Книгу Знаний?

Я молчал.

— Ты просто скажи: да или нет? — ласково проговорил Хранитель.

— Не знаю, — выдавил я из себя и, бросив прощальный взгляд на лежащую на столике перед Хранителем книгу, отправился к выходу.

— Ну, постой, — ласково позвал Хранитель. — Это же такой простой вопрос. Как ты считаешь, теоретически может такое быть?

— Не знаю, — выкрикнул я, — и, отворив дверь, как можно скорее выскочил вон из храма. **VI**

Режим работы инспекторского отделения (г. Екатеринбург)
 ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Свердловской области» на 2012 год

Прием граждан в Управлении Центра ГИМС: г.Екатеринбург, ул. Горького, 41, тел. 8 (343) 371-11-06; 359-82-61

Начальник Центра ГИМС	Среда 15.00 – 17.00	Аттестация судоводителей	четверг 10.00 – 16.00
Заместитель начальника Центра ГИМС	Вторник 15.00 – 17.00	Выдача удостоверений на право управления м/судном	понедельник – четверг 9.00 – 17.00

**Прием граждан в инспекторском отделении (г. Екатеринбург) Центра ГИМС:
 г.Екатеринбург, п. Пески (здание спасательной станции), тел. 8 (343) 347-46-04**

Регистрация, техническое освидетельствование маломерных судов (место дислокации подразделения)	понедельник, вторник, среда 9.00 – 17.00	г.Екатеринбург, п. Пески (здание спасательной станции) тел.: 222-65-11
Регистрация, техническое освидетельствование маломерных судов ГО Первоуральск	четверг (2, 4 неделя с марта по сентябрь) 10.00-16.00	г. Первоуральск, ул. Чкалова, д. 20/А (правление ПООиП) тел.: 8(3439) 66-04-91
Регистрация, техническое освидетельствование маломерных судов ГО Ревда	четверг (1, 3 неделя с марта по сентябрь) 10.00-16.00	г. Ревда, ул. Азина, д. 67 (здание охотобщества) тел.: 8(34397) 3-28-79
Регистрация, техническое освидетельствование маломерных судов Сысертского ГО	среда (еженедельно), четверг (2, 4 неделя) 9.00 – 17.00	г. Сысерть, ул. Быкова, д. 46 (здание охотобщества) тел.: 8(34374) 6-90-77
Регистрация, техническое освидетельствование маломерных судов Полевского ГО	четверг (1, 3 неделя с апреля по сентябрь) 10.00-16.00	г. Полевской, ул. Кологойды, д. 16 (здание охотобщества) тел.: 8(34350) 2-09-28
Регистрация, техническое освидетельствование маломерных судов ГО Заречный	четверг (1, 3 неделя с мая по сентябрь) 10.00-16.00	г. Заречный (спасательная станция, берег Белоярского водохранилища) тел.: 8(34377) 3-20-35
Техническое освидетельствование маломерных судов, баз-стоянок, переправ (на водных объектах)	четверг 10.00-16.00	Водные объекты
Работа по планам подразделения	пятница Приема нет	-
Перерыв	12.00 – 13.00	
Выходной	суббота, воскресенье	

Руководитель инспекторского отделения (г.Екатеринбург) С.Г. Кабаков